
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 32 АВГУСТ 1981
ПУЛЬС
КАЛУГА

Кладка — дело не простое. Звено каменщиков из «Архитектона»: В. Сушков, Н. Ботин, В. Гаврин, Ю. Муромцев.

ТАМ УЛИЦЫ

Саша Дяшкина — боец отряда «Чайка».

Отряд «Архитектон». Как всегда — плечом к плечу.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

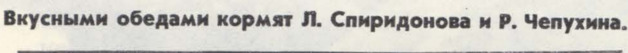

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 32 (2821)

8 АВГУСТА 1981

Александр ПОПОВ,
фото
Анатолия БОЧИНИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Продолжается третий, трудовой семестр у студентов. Сотни тысяч юношей и девушек в составе Всесоюзного студенческого отряда работают сейчас на ударных стройках Сибири, Дальнего Востока, Нечерноземья...

В Мордовии в этом году около шести тысяч студентов записалось в стройотряды. Сразу после сессии они выехали возводить новые дома в колхозах и совхозах, детские сады и ясли, магазины, производственные объекты, прокладывать дороги.

Сегодня наш рассказ о двух студенческих отрядах Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева.

Сны Ирине Поздяевой сейчас снятся редко. После долгого летнего дня и напряженной работы на свежем воздухе — спится крепко.

Лишь однажды ей приснилось родное село Пичеуры, мама в белом платке. Она ласково спросила дочь: «А может, все-таки останешься дома?» Сон был так пронзительно ярок, так нежно грустен и отчетлив, что девушка проснулась.

Говорят, сны — это небывалые комбинации бывалых впечатлений. Так что сновидение Ирины вполне понятно. Вот уже четвертое лето она — боец стройотряда «Чайка», одного из лучших в Мордовском государственном университете отряда — филологов. Ирина тоже будущий словесник. Ее мама очень хотела, чтобы свои последние студенческие каникулы дочь провела дома...

...Тихо, словно крадучись, разгоралась за окном заря. Ирина быстро поднялась. Оделась. Осторожно разбудила подруг. Стараясь не греметь, сложили в ведра мастерки и вышли на улицу. Отряд еще спал — крепко, без сновидений.

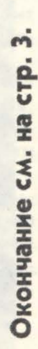
Вставало солнце. Поднималось, бледнело небо. Село разом, словно толстым ватным одеялом, накрыл зной. Бригада Ирины Поздяевой прибавила шагу. До отъезда в луга (колхоз попросил отряд помочь на заготовке сена) оставалось два часа, а ребятам нужно было доштукатурить еще целую комнату. Ведь дом обещали сдать

«С песней весело шагать по просторам...» «Чайка» готовится к концерту.

Вкусными обедами кормят Л. Спиридонова и Р. Чепухина.

Окончание см. на стр. 3.

Во время встречи. Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Н. ЧАУШЕСКУ

31 июля в Крыму Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев встретился с Генеральным секретарем РКП, Президентом СРР Н. Чаушеску, прибывшим в Советский Союз для кратковременного отдыха.

В ходе беседы Л. И. Брежнев и Н. Чаушеску уделили значительное внимание важнейшим направлениям советско-румынского сотрудничества.

КПСС и РКП намерены и дальше расширять и повышать качество взаимных связей, крепить советско-румынскую дружбу на основе принципов равноправия, независимости, уважения национального суверенитета и социалистической солидарности.

Л. И. Брежнев и Н. Чаушеску обсудили, в частности, наиболее актуальные вопросы международной политики. Они подчеркнули, что нынешнее обострение обстановки в мире затрагивает интересы всех стран и всех континентов. Необходимо противодействовать ухудшению международной обстановки, добиваться возобновления и продолжения политики мира, разрядки, сотрудничества, урегулирования мирным путем спорных вопросов между государствами.

Встреча Л. И. Брежнева и Н. Чаушеску прошла в дружественной, откровенной атмосфере.

В беседе приняли участие: член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, кандидат в члены Политисполкома ЦК РКП, министр иностранных дел СРР Ш. Андрей, советник Президента СРР К. Митя.

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА Л. И. БРЕЖНЕВА С Э. ХОНЕККЕРОМ

3 августа в Крыму состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева с Генеральным секретарем ЦК СЕПГ, Председателем Государственного совета ГДР Э. Хонеккером, прибывшим в СССР для кратковременного отдыха.

Руководители обеих партий и государств отметили, что решения XXVI съезда КПСС и X съезда СЕПГ открыли новые горизонты в развитии всестороннего сотрудничества Советского Союза и Германской Демократической Республики.

Л. И. Брежнев и Э. Хонеккер подчеркнули, что, развивая взаимные отношения, СССР и ГДР исполнены решимости и впредь вносить свой вклад в укрепление коллективных институтов стран социализма—Организации Варшавского Договора и Совета Экономической Взаимопомощи. Любые попытки подрыва тесных уз, соединяющих братские страны, встретят решительный отпор.

Центральной внешнеполитической задачей СССР и ГДР считают преодоление возросшей международной напряженности и выравнивание международных отношений.

СССР и ГДР, действуя в духе Программы мира для 80-х годов, выдвинутой XXVI съездом КПСС, будут вместе со своими союзниками, со всеми ответственными политическими и общественными силами последовательно добиваться торжества разума и справедливости в международных делах.

Встреча Л. И. Брежнева и Э. Хонеккера прошла в сердечной, товарищеской атмосфере и характеризовалась полным взаимопониманием.

В ней приняли участие: член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, заместитель заведующего отделом ЦК СЕПГ Бруно Малов.

Во время встречи. Телефото спец. корр. ТАСС В. Мусаэльяна

ОТСТОЯТЬ МИР

Юрий **КОРНИЛОВ**

Начало 80-х годов — сложное и бурное время для нашей планеты — отмечено интенсивной, все обостряющейся борьбой двух различных, более того, полярно противоположных направлений в мировой политике. Это, с одной стороны, активная, принципиальная, целеустремленная внешняя политика СССР, наших друзей и союзников, в основе которой линия на упрочение и сохранение мира, на обуздание гонки вооружения, на защиту суверенных прав и свободы народов. На XXVI съезде КПСС, разработавшем советскую Программу мира для 80-х годов и со всей силой подтвердившем непреклонную решимость СССР отстоять разрядку и мир, подчеркивалось, что нет такой важной международной проблемы, которую Советский Союз не был бы готов обсудить в конструктивном духе и решить за столом переговоров. Мирные инициативы, выдвинутые на высшем форуме советских коммунистов и после него, конкретны, носят конструктивный характер, дают реальные возможности для нахождений взаимоприемлемых решений, основанных на равенстве и одинаковой безопасности сторон. Сегодня совершенно очевидно: Советский Союз и его союзники являются более, чем когда-либо, главной опорой мира.

С другой стороны, налицо иная линия, иная политическая стратегия — стратегия тех империалистических кругов Запада, прежде всего США, которые не приемлют исторически обусловленных перемен, совершающихся на планете, и задались целью любой ценой, любыми средствами изменить в свою пользу соотношение сил на мировой арене. Вашингтон и руководители НАТО объявили своей первоочередной целью достижение военного превосходства США над Советским Союзом. Вместо поисков договоренностей правительство Рейгана взяло откровенный курс на всемерное взвинчивание гонки вооружения. Военные расходы Соединенных Штатов только в 1982 году увеличатся более чем на 40 миллиардов долларов, а в ближайшее пятилетие Вашингтон намерен затратить на материальную подготовку к войне 1,5 триллиона долларов. Продолжается подготовка к тому, чтобы разместить в ряде стран Западной Европы новые американские ракеты, нацеленные на Советский Союз.

Этому гегемонистскому, агрессивному курсу придано, так сказать, и некое «теоретическое обоснование», суть которого в том, что США-де призваны «главенствовать над миром», а если они и будут когда-либо готовы к переговорам с государствами иной социальной системы, то не иначе, как «с позиции превосходящей силы». «Есть вещи поважнее, чем мир» (А. Хейг, государственный секретарь США); «Мы должны укреплять свои позиции с помощью оружия» (К. Уайнбергер, шеф Пентагона) — вот какие откровенно агрессивные постулаты служат «обоснованием» современной вашингтонской внешнеполитической стратегии, вот какие откровенно милитаристские и провокационные лозунги противопоставляет Вашингтон тем пронизанным гуманизмом призывам к миру, доверию, равноправному сотрудничеству, призывам, которые исходят из Москвы.

Наша страна, наш народ не из пугливых. Вызовы, которые империализм на протяжении всех послевоенных лет не раз бросал Советскому Союзу, всегда получали должный ответ. Да, СССР ни в коей мере не привлекает мир, основанный на «равновесии страха»,— мы предпочитаем мир, при котором уровни вооружений становятся все ниже, а масштабы и качество сотрудничества государств с различным социальным строем растут и совершенствуются. Но никто не должен сомневаться в том, что, если потребуется, Советский Союз найдет внушительные средства, чтобы защитить свою безопасность, оградить свои жизненные интересы.

Так что же впереди, дальнейшее обострение международной напряженности? Очередной разорительный и чрезвычайно опасный тур гонки вооружений?

Нет! — решительно отвечают народы мира. Нет! — говорит Советский Союз.

Сегодня мощь сил мира, противостоящих потенциальному агрессору, велика, как никогда. Дело мира твердо защищает могучее и сплоченное содружество социалистических государств. Это дело решительно отстаивают все прогрессивные силы, все народы планеты. Во всех уголках земли растет понимание военной опасности, источником которой является империализм. На разных континентах все громче звучат голоса протеста против активности милитаристов. Крепнет осознание того, что в наш ядерный век никакие спорные международные проблемы, как бы остры и сложны они ни были, не решить ядерной дуэлью — их можно и должно решать только за столом переговоров.

В этих условиях исключительно велика ответственность всех миролюбивых государств и народов, всех правительств, парламентов, политических и общественных сил за то, чтобы не допустить сползания человечества к ядерной бездне, сохранить мир. Надо уже сейчас, сегодня сделать все, чтобы преградить путь империалистическим любителям безграничных вооружений и военных авантюр. И в этом деле не может быть посторонних и равнодушных.

Вот почему на всех континентах такой широкий, можно без преувеличения сказать, огромный резонанс получило принятое недавно сессией Верховного Совета СССР Обращение к парламентам и народам мира, в котором содержится призыв к активным действиям во имя мира и международной безопасности. Обсуждая и комментируя этот исключительно важный и актуальный документ, видные политические и общественные деятели разных стран, печать подчеркивают, что он еще одно убедительное свидетельство глубокого миролюбия Страны Советов, последовательности ее подлинно ленинской внешней политики.

И как могучий набат, как мощный призыв к единству действий во имя мира, во имя сохранения жизни на земле звучат над планетой слова Обращения:

«Мир — общее достояние человечества, а в наше время — и первейшее условие его существования. Только совместными усилиями он может и должен быть сохранен и надежно обеспечен».

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Начало см. на 2-й стр. обложки

к середине месяца, а в «Чайке» привыкли свое слово держать.

...Прошлым летом — тогда отряд впервые приехал в колхоз имени XXIV съезда КПСС, Темниковского района, — в самом конце сезона, когда было сдано все запланированное, поступило неожиданное срочное задание. Необходимо было всего за две недели полностью отделать детский сад на центральной усадьбе хозяйства, в селе Урей. И хотя времени оставалось так мало, что ноша могла оказаться и непосильной, студенты взялись за работу.

Выполнили тогда ребята внеплановый подряд. И так этим понравились председателю колхоза Геннадию Алексеевичу Саламайкину, что правление хозяйства вынесло решение — назвать детский сад именем отряда. А всех бойцов ССО пригласили приехать в Урей на следующий год — строить жилье.

Отряд приглашение принял. И через год, 4 июля, снова расквартировался на центральной усадьбе колхоза. К 15-му, как и обещали, студенты были готовы сдать два жилых дома. Оставалась недоделанной всего одна комната.

...Несколькими часами позже, уже в автобусе по дороге на заливные луга реки Мокши, Ирина Поздяева со вздохом облегчения скажет мне: «Успели!» В тот день я видел, как красиво умеют работать мастерком девушки из «Чайки», как ловко орудуют вилами парни из отряда, забрасывая охапки сена на тракторные тележки. Я удивлялся, откуда это умение и сноровка?

— Все довольно просто,— ответила мне Валя Сухова. Она в отряде впервые.— У нас в университете есть факультет рабочего мастерства. Студенты с первого курса учатся на каменщиков, маляров-штукатуров, мотористов бетономешалок.

— И сено убирать вас учат?

Подруга Вали, Саша Дяшкина, улыбнулась:

— Где старание, там и сноровка появляется.

Потом председатель колхоза Геннадий Алексеевич, которого я встретил тут же, в лугах, говорил:

— Понимание ребятами наших сельских проблем, искреннее желание помочь подкупили меня еще в прошлом году. Не забуду, как однажды комиссар отряда Нина Аверьянова сказала мне: «В Урее все-таки мало молодежи. Мы очень хотим, чтобы наши дома помогли деревне вернуть молодость». Честное слово, что-то у меня тогда дрогнуло в душе от этих слов... А в те квартиры, которые прошлым летом отделывали студенты, въехали три молодые семьи. Все наши, урейские... Вернулись из городов в родные края.

...Вечером, когда по селу прогнали стадо, на берегу речки Урейки засветился костер. Он горел в честь Маши Кошелевой, у которой был день рождения, — первый стройотрядовский костер в ее жизни.

Тогда мы не знали, что в один день с Машей Кошелевой родился еще один боец стройотряда из Мордовского университета — Саша Левкин. Он находился от нас в нескольких десятках километров — к западу от Урея, в колхозе «Память Ленина», Торбеевского района. И так же, как в «Чайке», в его отряде «Архитектон» ребята готовились отметить праздник друга.

А вечером для «Архитектона» неожиданно подали эшелон с гравием. Тридцать восемь платформ! Отряд спешно в полном составе сел в машину и выехал в райцентр.

...Саша смотрел с кузова машины на заходящее солнце, повисшее над лесом. Он думал, что вот и еще один день прошел. Не простой день — день его рождения... Через полчаса меланхолию как рукой сняло. Саше стало жарко и весело. Куча гравия медленно, но убывала. Он вошел в азарт. Снял мокрую от пота рубашку и еще усерднее налег на лопату.

В «Архитектоне» Саша впервые. Но до университета трижды ездил со стройотрядом, когда учился в техникуме. И хорошо знал: чтобы справиться с такой огромной сыпучей массой, нужен темп и еще раз темп.

— Мы работали по соседству с Левкиным,— рассказывал потом один из опытнейших бойцов отряда, Валерий Чевтаев,— иногда я смотрел на Сашу и просто завидовал, как сноровисто он ворочает лопатой, и поймал себя вот на какой мысли: стройотряд для всех бойцов «Архитектона» — лучшая производственная практика. Ведь все мы учимся на инженерно-строительном факультете, и всем нам в будущем предстоит стать организаторами производства.

Только далеко за полночь отряд присел на полянке отдохнуть. Пустые платформы подцепил маленький тепловоз, чтобы отвести состав в тупик.

— Ну, а теперь можно и выпить, Саня, — улыбаясь, сказал комиссар отряда Василий Гаврин и протянул Левкину фляжку с водой.— Ведь у тебя сегодня день рождения.

СОКРОВИЩА Ч

Э. РЯБЦЕВ

Чара!.. Чарский плацдарм. Один из труднейших на пути строителей БАМа. 330 километров основной магистрали и 120 километров пристанционных путей. Они пройдут по Каларскому району, раскинувшемуся на севере Читинской области, и вызовут к жизни огромные богатства, что таятся сегодня в недрах этого края. Пройдет немного лет, и поселок Чара, ныне районный центр с населением в четыре тысячи человек, станет известным на всю страну. А пока...

От Читы до Чары 680 километров по прямой, и добраться туда летом можно только самолетом, а зимой по трудным и временным дорогам зимника. Таков он, пока труднодоступный и малолюдный край. Мы летели в Чару на АН-24. С высоты было видно, как густо-зеленый покров тайги, чем дальше на север, тем заметнее сменялся темно-серым ландшафтом, острыми пиками гор покрытого снегом Кодарского хребта.

— Большие трудности ждут здесь строителей,— рассказывал нам первый секретарь Каларского райкома партии Федор Александрович Тарасов. Геолог, девять лет назад он стал партийным работником и успел вдоль и поперек объездить свой огромный район.— Сегодня основными промыслами у нас еще остаются оленеводство и добыча пушнины. Вечная мерзлота, сильные перепады температур сказываются на развитии сельского хозяйства.

36 ледников зарегистрировано на Кодарском хребте. Высшая его точка, высотой 3073 метра, названа пиком БАМа. Вечная мерзлота и горячие подземные воды, резкие колебания погоды и высокая сейсмичность, тайга и обилие рек — вот с чем сталкиваются строители Чарского участка магистрали. Предстоит соорудить 280 мостов, которые свяжут в единое целое 330 километров стального пути. Одним из самых сложных барьеров станет Кодарский тоннель длиной 2,3 километра. И все это — «ключ» к богатствам недр Восточной Сибири.

В верховьях Кодарского ключа на высоте 1200—2000 метров геологи еще в 1964 году обнаружили выходы каменного угля. После окончательного уточнения его запасов выяснилось, что здесь залегает не 360 миллионов, а 2,6 миллиарда тонн высококачественного коксующегося угля.

В сорока километрах от будущей станции Чара в гряде Удоканского хребта открыто настоящее сокровище — месторождение медной руды. Геологи считают его поистине уникальным. Но Удоканом не исчерпывается забайкальское медное поле. Многое обещают Чилийское, Правоингаматское, Ункурское, Сакинское и Сюльбанское месторождения. Все это рядом с БАМом и проектируемой площадкой Удоканского горно-обогатительного комбината.

— Каларский район, — продолжает свой рассказ Ф. А. Тарасов, — богат железными рудами, редкими металлами, разнообразными строительными материалами. Дел тут хватит нескольким поколениям советских людей.

В семье территориально-производственных комплексов, пожалуй, самым молодым является Удоканский. У его колыбели стояли маститые ученые, занимающиеся проблемами развития производительных сил Сибири, ведущие специалисты различных отраслей народного хозяйства, чьи интересы объединила медь Удокана. Сравнительно недавно они приехали в Чару, на выездную сессию научного совета Академии наук СССР по проблемам БАМа. Гости посетили наиболее крупные месторождения, ознакомились с предстоящим фронтом работ у Кодарского тоннеля, с будущей промышленной площадкой Удоканского горно-обогатительного комплекса.

Станция Чара — будущий новый центр Каларского района — станет крупным железнодорожным узлом, а нынешний поселок — центральной усадьбой специализированного совхоза. «Бамстройпуть», генеральный подрядчик строящейся магистрали, поможет создать здесь животноводческий комплекс. Конечно, главная задача — обеспечить в 1984 году сквозное движение поездов по БАМу. Но железная дорога активнейшим образом помогает и освоению хозяйственной зоны железнодорожной магистрали.

Каково будет «лицо» города, который здесь возникнет? Государственная комиссия еще в 1975 году выбрала для него площадку. Проектируемая станция Чара должна стать первым кварталом этого города. Однако зимой, когда здесь практически не бывает ветров, но стоят сильные морозы, весь дым, словно густой туман, будет плотно стлаться над землей. По этой причине Минздрав не поставил свою подпись под проектом, и вопрос о площадке для нового города до сих пор не решен. Это очень тревожит первого секретаря райкома партии. Он понимает, что создание нового города требует вдумчивого, серьезного подхода. Надо взвесить все «за» и «против». Федор Александрович показывал нам на месте, в предгорьях Удокана, участок, поднявшийся над низиной. Можно, конечно, разбить здесь жилые кварталы. Но тогда встает вопрос — где расположится будущая зона Удоканского ТПК?

И еще проблема — охрана природы. Первый секретарь рад, что сумел защитить чарующий своей зеленью хвойный участок, планируемую тут зону отдыха. А ведь хотели вырубить для будущего промышленного строительства.

— Зимой,— говорит Ф. Тарасов,— мы сжигаем сто тысяч кубометров древесины. Ближайшая же угольная база находится всего в ста двадцати километрах. Необходимо проложить до нее тридцать километров дороги, и тогда теплофикация жилья будет поставлена на промышленную основу. Однако министерство геологии, от которого зависит решение вопроса, пока не проявляет интереса к дороге. Если мы не решим этой проблемы в оставшееся время, до того как приедут тысячи людей, нам потом придется дорого расплачиваться. Люди-то не смогут жить здесь, среда окажется отравленной дымом. Наша обязанность помочь им обжиться тут, активно включиться в решение задач, поставленных партией. Именно сюда мы нацеливаем усилия всех коммунистов. Начало работ на Чарском участке БАМа связано с непрерывным формированием новых партийных, комсомольских, профсоюзных и других общественных организаций. Только за последние несколько месяцев число коммунистов в районе выросло вдвое.

В 1982—1983 годах в Каларском районе будет работать свыше двадцати тысяч человек. Райком партии, первичные партийные организации радушно, заботливо встретили прибывший на Чару отряд Ленинского комсомола имени XXVI съезда КПСС. Это посланцы Украины, их лозунг «БАМу — традиции Днепростроя!».

...До поселка отряда «уазик» долго пробирался по раскисшим лесным проселкам, пока наконец не выехал на широкую дорогу. Изредка мелькали названия и номера механизированных колонн, то слева, то справа появлялись группы ребят, занятых расчисткой поваленного мелколесья. Неожиданно исчезло таежное царство, расступились деревья, и мы попали на обширную территорию, уже основательно обжитую человеком. В глаза бросились озаренные солнцем новенькие щитовые светлые домики, к которым тянулись тепловые коммуникации. Здесь уже были возведены общежития, хранилища, склады, магазин, помещение для клуба. В центре поселка — высокая деревянная телевизионная мачта, на которой трепетало красное полотнище. Из репродуктора неслась музыкальная программа «Маяка». В стороне большим зеленым шатром возвышалась огромная палатка — столовая, где орудовали девчата в фартуках. Трудно было поверить, что всего два месяца назад здесь еще ничего не было.

Я познакомился с командиром отряда Владимиром Степанищевым. Он приехал на БАМ в 1974 году в составе Всесоюзного ударного отряда имени XVII съезда комсомола. За минувшие годы стал авторитетным вожаком молодежи. И не только потому, что Степанищев — лауреат премии Ленинского комсомола, кавалер ордена Трудового Красного Знамени. Владимир не чурается самых трудных дел. Он не только командир отряда, но и руководитель бригады лесорубов, прокладывающих просеку под будущее железнодорожное полотно. Ширина этой полосы 55 метров, и скорость ее прокладки бригада намерена довести до одного километра в день.

— В семьдесят четвертом, — вспоминает он, — когда я и мои товарищи ступили на землю БАМа, всем нам пришлось начинать с главного — формировать самих себя. Мы понимали, что магистраль — это не только стройка, но и новая страница в нашей жизни, и от каждого из нас зависело, какой по-настоящему она станет... Мы еще не знали этого, но было очевидно — романтика органически присуща всей нашей работе. Мы жили и живем мечтой о дне, когда сможем проехать по выстроенной нами магистрали от Байкала до Амура. Уйдут заработанные деньги, а дорога, которая создавалась твоими руками, останется навечно для детей и внуков. Это ощущение поддерживает нас в трудные минуты, помогает одолевать тяжелую работу, побеждать усталость, делать, казалось бы, невозможное.

— Романтика,— продолжает Володя, — это не только палатки, вечная мерзлота, коварные подвохи Восточной Сибири. Она более прозаична. Она, например, связана с тем, что туда, где мы работаем, пока все завозят только зимой, и надо уметь не раскисать оттого, что чего-то вдруг не хватает.

На мой вопрос, что его здесь вот уже семь лет удерживает, он не задумываясь ответил: «Север». Для него это очень емкое понятие. Север — удивительная простота и честность в человеческих отношениях: природа словно счищает с людских душ мелкое, наносное и оставляет обнаженными подлинно человеческие черты. Не все, конечно, оседают на этой

земле. У одних заканчиваются контракты, другие, решив материальные вопросы, уезжают домой. Бывают и такие, которые не смогли найти здесь себя. Володя не осуждает их, не кичится своим бамовским стажем. Что делать — не все способны выдержать натиск суровой природы, ритм напряженного труда.

Здесь, в отряде, сложился свой кодекс чести, свои представления о том, что такое «строить человека». Когда в Чару приехали ребята с Украины, задушевный разговор с ними повел секретарь первичной парторганизации строительно-монтажного поезда № 696 В. Соколов, человек, строивший железные дороги Абакан — Тайшет, Хребтовая — Усть-Илимск.

— Ищите себя, шлифуйте свои характеры, переламывайте свои недостатки и оттачивайте свою волю. Когда у вас органически на первое место выдвигается забота о других и об общем деле, тогда вы нужный для БАМа и для своих товарищей человек.

...«Нужный для БАМа и для своих товарищей человек». Таких здесь много. Например, одна из главных проблем, с которой столкнулись коллективы путеукладчиков, состояла в том, что, продвигаясь вперед, рабочие все дальше уходили от своих жилищ и баз. Это

АРЫ

вело к большим потерям времени, к остро ощутимым неудобствам.

Валентин Шпеньков, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, известный на магистрали человек, нашел выход из этого тупика. Его бригада переоборудовала списанные пассажирские вагоны и подцепила их к путеукладчику. Теперь вслед за ним продвигается и «поезд с пассажирами». В его составе — вагон для семейных, общежитие, столовая, клуб, дискотека, баня с сауной...

Восемьсот километров разделяют «поезд» В. Шпенькова и бригаду А. Бондаря, которая движется к нему навстречу, с запада на восток. Оба бригадира заключили между собой договор — кто завоюет право укладки «золотого звена» в 1984 году? У обоих хранятся половинки символического ключа, который должен замкнуть магистраль у Кадарского тоннеля.

«Советский человек, — говорил на XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев, — это добросовестный труженик, человек высокой политической культуры, патриот и интернационалист... Он живет полнокровной жизнью созидателя нового мира».

Эти слова Леонида Ильича Брежнева относятся и к многотысячной армии строителей БАМа. Таковы они — и В. Степанищев, и В. Шпеньков, и А. Бондарь, и тысячи их друзей и соратников, одолевающих Чарский плацдарм.

ГДЕ РОЖДАЮТСЯ БОГАТЫРИ

Ю. ЛУШИН

Каждый раз, подъезжая к угольному разрезу «Богатырь», я испытывал странное чувство: будто бы я уменьшаюсь в размерах, становлюсь маленьким-маленьким, этаким Гулливером, попавшим в страну великанов. Изломы неземного пейзажа, циклопических размеров роторные экскаваторы и изгрызенные ими мощные пласты глянцевого угля лишь подчеркивали это впечатление. Мне всегда хотелось снять шляпу перед этими железными созданиями, неутомимо и словно играючи грызущими денно и нощно уголь. Мне казалось, что они явились на нашу землю из какого-то иного, неведомого нам фантастического мира.

Я шагал вдоль монтажной площадки, расположенной по борту разреза «Богатырь». Тут царил первозданный хаос (так, во всяком случае, мне показалось сначала, и это было ошибкой) из каких-то металлоконструкций, ящиков с оборудованием, бухт кабеля, редукторов, мотков троса. Тут находился родильный дом железных великанов, и заместитель главного механика объединения «Экибастузуголь» Анатолий Лукьянович Колесников пытался на ходу втолковать мне, что их сборка теперь не такое уж сложное дело. Наверное, так оно и было, но мне, стороннему наблюдателю, все равно не верилось.

— Сейчас,— говорил Колесников,— вы увидите программу СЭВ в действии. Здесь собирают сразу четыре роторных экскаватора из ГДР производительностью в три тысячи тонн угля в час. Машины прекрасные, настоящие богатыри, а шеф-монтаж ведут наши друзья, немецкие инженеры. Вот, кстати, их руководитель Эрхард Расковски. Знакомьтесь.

— Гутен таг,— сказал я с изящным алма-атинским акцентом.

— Здравствуйте,— ответил Эрхард без акцента.

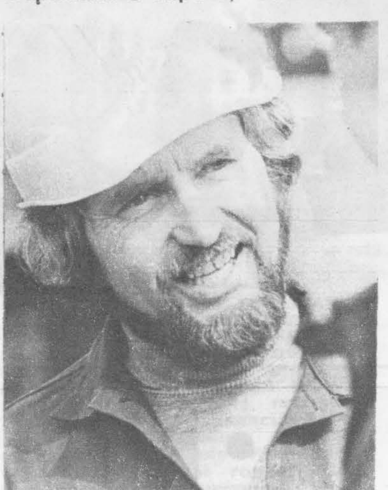
Затем каждый из нас перешел на свой родной язык, и некоторое время мы с живейшим интересом пытались понять смысл сказанного друг другом. Помог переводчик, и все встало на свои места.

— Вы впервые в Советском Союзе? — спросил я Эрхарда.

— Нет, до этого мы с Вальтером Кауфманом монтировали такой же экскаватор в Орджоникидзе. На неделю домой съездили, и сразу в Экибастуз. Вальтер самый опытный из нас, чуть ли не весь свет объездил. А вот инженер-машиностроитель Хорст Круша самый молодой, в СССР он впервые, как, впрочем, и вообще за рубежом. Остальные люди все бывалые. Харальд Виклер по совместительству секретарь партийной ячейки (в нашей группе четверо — коммунисты), инженер по сварке Роланд Мольденхауэр, тоже побывавший во многих странах мира, два неразлучных друга инженеры-электрики Клаус Мильхорн и Харальд Ваке и специалист по смазке Андреас Распе. Но скоро нас будет больше, ждем приезда жен с детьми...

— Вы все из одного города?

— Почти все. Есть в округе Котбус небольшой городок Лауххаммер, который, однако, известен во многих странах мира своими роторными экскаваторами производительностью от 200 кубометров (самый маленький) до 10 тысяч (самый большой) в час. Их делает завод тяжелого машиностроения «Лауххаммерверк», один из старейших в Европе, основанный

Инженер-электрик Клаус Мильхорн — один из тех, кто отвечает за шеф-монтаж.

Фото автора

еще в 1725 году. В момент основания он был литейным, причем эти традиции живы и поныне. Поэтому, кроме всего прочего, на заводе занимаются отливкой скульптур...

Так, разговаривая, мы дошли почти до конца монтажной площадки. Тут Эрхард остановился и сказал:

— Вот он, наш малыш...

И я увидел железного зверя. Он словно бы принюхивался к земле, опустив вниз зубастую морду-ротор. Он словно бы чувствовал, что там, под тонким слоем почвы, спрятаны пласты угля, и как бы томился временным бездельем. «Малыш» был уже обут в мощные гусеницы, начинен электроникой и десятками электромоторов, по нему непрерывно сновали монтажники, заканчивая последние работы. Прямо напротив монтировали второй экскаватор, а чуть подальше, в начальной стадии — еще два.

— Между прочим, на одном только «Богатыре» более половины всей роторной техники — из ГДР,— сказал Колесников.— Жив и здоров самый первый экскаватор. Хотите посмотреть?

И мы поехали на разрез. Я бы не сказал, что время как-то повлияло на первенца. Во всяком случае, я бы не взялся на глаз определить его возраст. Когда машинист Гарри Иванович Мозер сказал, что этот экскаватор вошел в забой больше десяти лет назад и добыл уже свыше 30 миллионов тонн угля, я с уважением посмотрел на ветерана. Тут подошел состав, и мне удалось увидеть богатыря в деле. Он был просто великолепен. От черной стены только шорох шел, поток угля так и хлестал в вагоны, и не прошло двадцати минут, как все они были наполнены.

— Старик еще поработает,— усмехнулся Гарри Иванович,— он у нас вместо университета. На нем мы учились сначала сборке, потом мастерству, набивали себе шишки и набирались опыта. Наш уголь тверже немецкого, поэтому некоторые части машины пришлось усилить — ковши ротора, например, траки гусениц... А недавно осуществили интересный эксперимент. Вместо обычного ротора поставили так называемый центробежный, донецкого производства. Он меньше по размерам, но имеет более высокую скорость резания. При этом уголь идет некрупный, почти идеальной величины, поэтому стала ненужной дробилка, которой оборудуются все экскаваторы. Мы ее попросту убрали. Возможно, немецкие товарищи тоже заинтересуются нашим опытом.

— Мне говорили, что в прошлом году вы участвовали в каких-то международных соревнованиях машинистов роторных экскаваторов?

— Да, это было в ГДР, недалеко от Лейпцига. Соревновались машинисты роторной техники стран СЭВ. Кроме меня, от Советского Союза был красноярец Владимир Авдушко. Он и занял в личном зачете первое место. Я постарался песню не испортить, и наша команда также стала первой...

Вдали показался новый состав. Он шел за углем со стороны первой Экибастузской ГРЭС, а тот уголь, что он отвез раньше, уже превратился, наверное, в электричество. Машинист находился в кабине экскаватора, который словно ждал его, чтобы тут же ожить. Пришел в движение ротор, закрутился все быстрее, вонзаясь в пласт, и вот уже черная река угля потекла в вагоны. Я окинул взглядом «Богатырь». Скоро в его забои спустятся еще четыре роторных гиганта. Угля хватит и на их богатырский век.

ПО СТРАНЕ СОВЕТСКОЙ

УЗБЕКИСТАН

НИ ГРАММА ПОТЕРЬ

Андижанская область — крупнейший производитель хлопка-сырца в Узбекистане. Ныне андижанцы показывают пример и в производстве других сельскохозяйственных продуктов. Их девиз: ни грамма потерь! Всего год работает аграрно-промышленный комбинат имени Кирова, созданный на базе садово-овощеводческого совхоза в поселке «Советабад», Ходжаабадского района, а горожане и сельские потребители уже почувствовали значительную прибавку витаминной продукции в своем ежедневном рационе. Особенно зимой и весной.

Генеральный директор комбината Герой Социалистического Труда Масадык Мадьяров подчеркивает:

— Используем каждое выращенное яблоко, помидор, огурец или ягоду. Подвоз, сортировка, переработка, доставка в торговую сеть на нашей ответственности. И, конечно, в наших экономических интересах. Отсюда и отсутствие потерь. Да и откуда им взяться, если все идет по единой и непрерывной в течение всего года технологической линии — от дерева в саду или овощного поля через заводские склады и цеха прямо к прилавку.

Особое место в этой линии принадлежит консервному заводу с его по-современному оборудованными цехами и хранилищами. Двадцать миллионов банок различных соков, варенья и маринадов — такова годовая мощность предприятия. В четыре десятка адресов — в центральные и северные районы страны — поставляется продукция андижанцев.

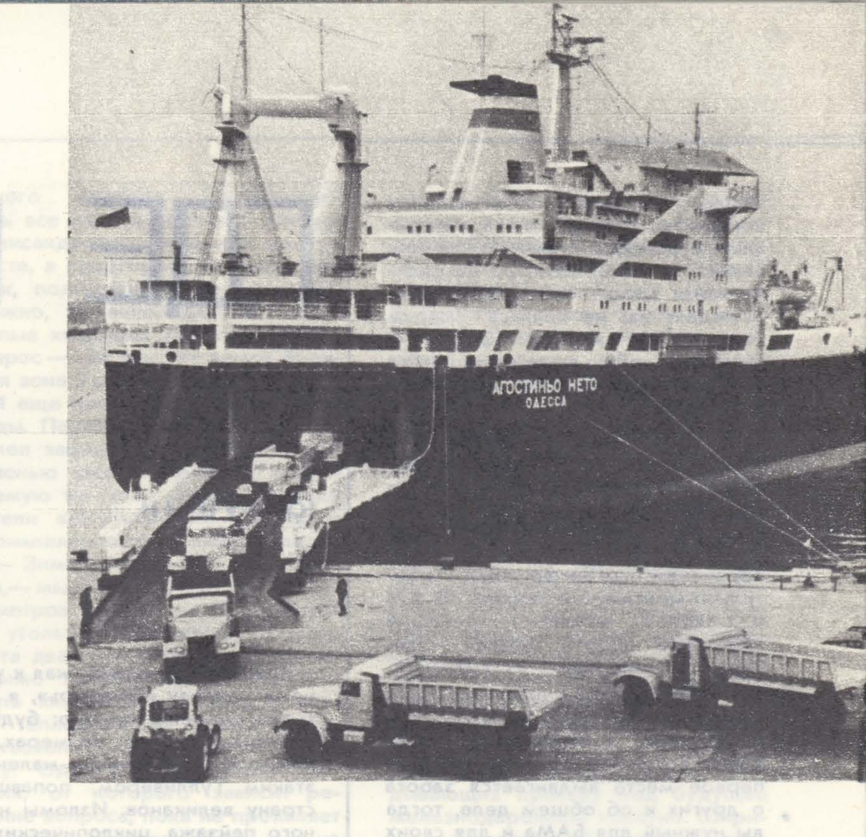
Какова она на вкус?

Недаром говорится: устами младенца глаголет истина. Воспитанницы одного из шести детсадов комбината сестры Сайера и Сурайя Махмудовы, например, считают: это объеденье!

С. ЗЕФИРОВА,
Вяч. КОСТЫРЯ,
собкор «Огонька»

Фото Б. Юсупова, Р. Ашурова

ИЛЬИЧЕВСК

РЕЙСЫ «АГОСТИНЬО

Когда в Ильичевском морском порту за 18 часов на борт теплохода было подано 1057 тракторов, удивились даже бывалые моряки и докеры-механизаторы. Их удивление вполне понятно. Судите сами: обычное универсальное судно способно принять и перевезти самое большее 400 тракторов, причем на погрузку требуется не менее двух суток. К тому же нужно находить место для каждого трактора в отдельности да еще предварительно готовить крепежный материал, который обычно используется только единожды, а это тонны проволоки. Раскрепление груза в порту назначения также очень трудоемко. Введение в строй такого специализированного судна, как «Агостиньо Нето», значительно облегчило перевозку колесной техники.

Самый крупный в Черноморском морском пароходстве ролкер назван в честь крупнейшего деятеля африканского освободительного движения, первого президента Народной Республики Ангола.

«Агостиньо Нето» способен принять на борт 900 контейнеров международного стандарта или около 1000 автомашин «Жигули». Впрочем, он с успехом может перевозить и любую колесную технику: комбайны, тракторы, самосвалы, бульдозеры, ролтрейлеры и т. д.

— Стоит остановиться на креплении этой техники,— говорит начальник хозрасчетной эксплуатационной группы судов П. А. Федосеев.— Одна из самых трудоемких забот решается как бы походя: универсальными специальными креплениями. Их не нужно готовить

•НОВОСТИ•ИНТЕРВЬЮ•РЕПОРТАЖ•

БАКУ

ФЛАЖКИ НА КАБИНАХ

Сигнальная ракета со свистом вырвалась из пистолета и растворилась в голубом небе. Взревели на старте двигатели строительных механизмов. Вгрызлись в землю стальные зубья экскаваторных ковшей. Острые лезвия бульдозерных ножей принялись аккуратно срезать твердый грунт.

Вот так знойным летним днем в пригороде Баку начался традиционный конкурс профессионального мастерства правофланговых пятилетки из треста «Промстроймеханизация» — одного из передовых предприятий Министерства промышленного строительства Азербайджана. В гости к механизаторам приехали их друзья-соперники из Москвы, Минска, Тбилиси, Еревана, Волгограда.

Программу конкурса, проходившего под девизом «Решения XXVI съезда КПСС и XXX съезда Компартии Азербайджана — в жизнь!», легкой не назовешь. За какие-нибудь 60 минут машинистам экскаваторов предстояло прорыть траншею усложненного сечения длиною шесть метров, бульдозеристам — соорудить дамбу-насыпь высотою шесть метров, а автокрановщикам — всего за десять

...НЕТО»

и никуда за ними ходить не надо: они всегда на судне и годны для службы из рейса в рейс. А потому и выгрузка этакой уймы тракторов намного ускоряется.

Скорость ролкера 22—22,5 узла (для сравнения — скорость океанских пассажирских лайнеров типа «Шота Руставели» достигает лишь 20 узлов). Экипаж из 43 человек возглавляет опытный капитан дальнего плавания В. Брагин.

Свои первые производственные рейсы теплоход совершил к берегам социалистического Вьетнама, куда доставил автотехнику для нужд народного хозяйства.

Я. ЛЕВИТ

Фото автора

минут с ювелирной точностью поднять на высоту и перенести груз.

Не проходит и часа, а на кабинах уже появляются флажки. Задание выполнено, теперь слово за судьями. И жюри назвало самыми быстрыми экскаваторщиков К. Абдуллаева и В. Меликсетяна, бульдозериста И. Воскребенцева и автокрановщика М. Гамбарова... Приятно отметить, что в числе призеров оказалось много гостей.

— Немало добрых починов и трудовых побед на счету треста «Промстроймеханизация» — этого дружного интернационального коллектива,— сказал мне заместитель Председателя Совета Министров республики А. Лемберанский.— На них равняются многие строители. Сегодня десятки механизаторов треста ведут трудовое соперничество, чтобы первыми выполнить за годы одиннадцатой пятилетки два пятилетних задания. Патриотическая инициатива новаторов одобрена Центральным Комитетом Компартии Азербайджана и получает широкое распространение на всех стройках республики, особенно на важнейших пусковых объектах.

Большим подспорьем для инициаторов ценного почина стали традиционные профессиональные конкурсы. Они превратились в хорошую школу нравственного и трудового воспитания рабочих.

Г. ПОГОСОВ

На снимке: Радость трудовой победы.

Фото автора

МОСКВА

МАГНИТНО-ТЕПЛОВОЙ ДВИГАТЕЛЬ

Внешне все просто. К ротору маленькой турбинки подносится обычная лампа, и он начинает вращаться. Так действует магнитно-тепловой двигатель, созданный известным изобретателем А. Г. Пресняковым. В авторском свидетельстве записано: «изобретение относится к устройствам, осуществляющим преобразование тепловой энергии, например, энергии солнечных лучей, в механическую энергию вращения...»

— Как известно, некоторые металлы и их сплавы притягиваются магнитом, — рассказывает Пресняков. — При нагревании это свойство утрачивается, а при охлаждении восстанавливается. На этом принципе основан новый двигатель, ротор которого сделан из сплава, теряющего магнитные свойства уже при ста градусах по Цельсию. Если нагреть ротор с одной стороны, он повернется к магниту холодной частью. А поскольку нагревание продолжается, продолжает вращаться и ротор. В качестве источника тепла можно использовать солнечную энергию.

Двигатель может быть мотором для насосов и буровых установок в засушливых, безводных районах, а также широко использован для полива зеленых насаждений в городах и поселках. На его основе можно сконструировать много разнообразных датчиков, в том числе для обслуживания жилищного и коммунального хозяйства, автоматики.

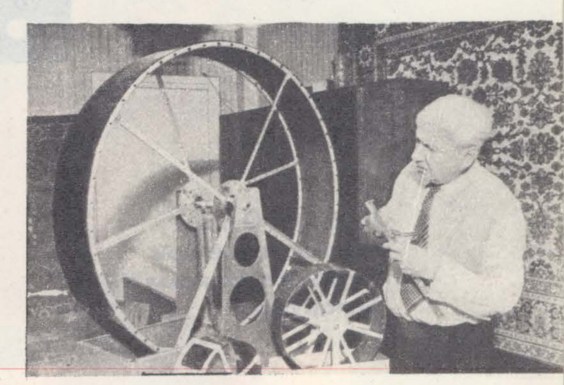
Хотелось бы, чтобы двигатель был как можно скорее запущен в промышленное производство и нашел широкое применение в соответствии со своими свойствами и возможностями. Для этого необходимо сотрудничество машиностроителей с металлургами. Наладить производство соответствующего сплава очень просто: не нужны какие-либо дефицитные материалы или сложная технология. Изготовлен опытный образец диаметром около одного метра. Конструктивно есть возможность уже сейчас сделать турбину диаметром три метра и блок из нескольких турбин.

XXVI съезд КПСС поставил задачу увеличить масштабы использования солнечной энергии. Для этого необходимо в первую очередь создать соответствующие машины и устройства. Магнитно-тепловой двигатель — одно из таких устройств.

А. ВАЙСМАН

На снимке: А. Г. Пресняков налаживает опытную модель двигателя.

Фото О. Кузьмина

ПОДМОСКОВЬЕ

ПРАЗДНИК В ШАХМАТОВЕ

Минувший год был юбилейным для Александра Блока. По решению ЮНЕСКО столетие со дня рождения великого русского поэта широко отмечалось в нашей стране и за рубежом. Конечно, лучший памятник поэту — его книги. Сейчас выходит шеститомное собрание сочинений Блока, готовится первое академическое издание его произведений, во многих городах вышли в прошлом году сборники стихов и прозы Блока, завершается беспрецедентное издание блоковского тома «Литературного наследства» в четырех (!) книгах... И это лишь краткий перечень сделанного к юбилею.

Обо всем этом рассказали московские писатели, выступавшие на двенадцатом традиционном блоковском празднике поэзии, прошедшем в первое воскресенье августа в окрестностях любимого Блоком Шахматова. Здесь родина поэзии Блока, здесь создавались многие из его гениальных стихов о России, в течение тридцати шести лет каждый год приезжал он к этим чарующим, поросшим лесом холмам и неоглядным далям.

В Солнечногорске, где начался праздник, о Блоке говорили, читали его стихи и стихи, ему посвященные, лауреат Государственной премии РСФСР имени Горького Ю. Прокушев, Вл. Гусев, П. Железнов, В. Костров, Ю. Кузнецов, В. Лазарев, С. Лесневский, И. Ляпин, Вл. Матвеев, А. Парпара, Д. Паттерсон, Т. Реброва, Вал. Сорокин.

Гости возложили цветы к памятнику Блоку у школы, носящей его имя, посетили небольшой школьный музей поэта, выставку, посвященную Блоку, в деревне Тараканово. А затем через «леса, поляны и проселки, и шоссе» все прошли на место усадьбы Блока. И вновь полились стихи и речи о Блоке. В словах выступавших звучала мысль, что надо сделать традиционный блоковский праздник поэзии всесоюзным и вновь перенести центр его туда, где он двенадцать лет назад начинался,— на шахматовскую поляну у усадебного холма. Следует также прекратить нарушение постановления об охранной зоне памятника. Александр Блок умер шестьдесят лет назад — 7 августа 1921 года. Незадолго до смерти он несколько раз вспоминал милое сердцу Шахматово, мечтал о его «благоуханной тиши». Безжалостное время многое здесь уничтожило, но хочется верить, что настанет все же день, когда оживет Шахматово и раскроет, теперь уже навсегда, двери возрожденный дом поэта — рыцаря России.

В. ПЕТРОВ

Фото И. Чиркова

На снимке: Вновь звучали стихи на шахматовской поляне. Выступает поэтесса Татьяна Реброва.

РЫБИНСК

ЦВЕТУТ ЦВЕТЫ НА РАДОСТЬ ЛЮДЯМ

Почти до морозов не угасает яркий костер цветов в саду Александра Александровича Бараева, известного садовода-любителя.

Где бы ни трудился Александр Александрович, везде оставлял он добрый след. Работал в Рыбинском музее — разбил под окнами цветник, чтоб радовался глаз посетителей. На должности председателя колхоза имени Тимирязева особенно заботился о красоте деревенских улиц, дворов, мечтал, чтоб у каждого дома был свой палисадник. Занимался селекционной работой. И в колхозной теплице вызревали лимоны, арбузы.

Цветоводство вошло в его жизнь не случайно. Отец Бараева, Александр Михайлович, весь свой досуг посвящал цветам. К Бараевым приходили полюбоваться на пышные клумбы, разжиться семенами, получить полезный совет по уходу за растениями. Страсть отца передалась сыну.

Сегодня в саду Александра Александровича пятьдесят видов цветочно-декоративных растений. Бараев увлекается выведением новых сортов. Сейчас у него около четырехсот сортов георгин, гладиолусов, тюльпанов, лилий, нарциссов, пионов, ромашек.

Своими знаниями Александр Александрович охотно делится с любителями природы. Ровно двадцать пять лет назад он создал и возглавил секцию цветоводства при городском обществе охраны природы.

У Бараева сотни корреспондентов из Ленинграда, Казани, Краснодарского края, Костромы, Прибалтики. Старается Александр Александрович ответить всем. В разных районах нашей страны растут цветы, выращенные из его семян.

К. ХРОМОВА

На снимке: А. А. Бараев в своем саду.

ЧЕЛОВЕК В КОЛЛЕКТИВЕ

Н. ПОПОВА,
первый секретарь
Лидского горкома КП
Белоруссии

Откликнутся? Соберутся? Поедут? Конечно, должны собраться и поехать. И все же появлялось сомнение: не переоценили ли мы в горкоме свои силы? Речь шла вот о чем. Мы обратились к домохозяйкам, пенсионерам, способным заняться физическим трудом, к отпускникам, не уехавшим из города, — пригласили их принять участие в заготовках кормов для скота в подшефных колхозах и совхозах. Объявили, что в назначенное время в определенных местах будут ждать машины. Заранее благодарили всех, кто выйдет на помощь селу в столь трудное, капризное лето.

Народу собралось много. Поехали и основательно помогли подшефным. Кроме всего прочего, радовала эффективность агитационно-массовой и политико-воспитательной работы.

Среди многих форм воспитания людей работа по месту жительства стала у нас, в городе Лида, пожалуй, одной из самых важных. В установленные дни на агитплощадки микрорайонов приезжают информационно-пропагандистские группы горкома партии. Собираются жители, и разговор идет о самом насущном. Вопросы. Ответы. Просьбы. Претензии. Они тут же записываются, и, как правило, сразу же определяется срок принятия мер, кто ответствен за это, и, конечно, срок проверки — как слово подкрепили делом. Людям удобно — не нужно ходить, как говорится, по инстанциям, ждать где-то приема, писать письма. А у партийных, советских работников, руководителей городских служб хорошая возможность полнее, детальнее узнать запросы, настроения горожан. Все это благотворно влияет на рост общественной активности людей. Думаю, потому и не прозвучал пустым звуком наш призыв помочь подшефным хозяйствам.

Общественная активность... Она сегодня — критерий успеха нашего воздействия на умы и сердца трудящихся. Если мы не сумели ее поднять, значит, нас устраивали формально проведенные семинары, лекции, значит, мы не избавились от суетно-показной деловитости и не научились еще проникать в глубину жизненных процессов. А без такого проникновения партийная работа будет поверхностной, далекой от больших целей. Без такого проникновения мы не сможем решить задачи, поставленные XXVI съездом КПСС.

...Город Лида невелик. Население — около 70 тысяч. Но ритм жизни, проблемы, запросы тут, естественно, как и всюду в стране. И, как всюду, есть у нас свои успехи. Объем производства за десятую пятилетку вырос у нас на 53 миллиона рублей. К 7 октября 1980 года более 3,5 тысячи тружеников выполнили пятилетние задания; многие семьи получили новые квартиры. Позаботились о благоустройстве города, он похорошел, стал более чистым, ухоженным.

Ко всему этому, понятно, причастна городская партийная организация. Усилия ее ощутимо сказываются и в руководстве социалистическим соревнованием и в политической, технической, общеобразовательной учебе. Мне хотелось бы коснуться лишь некоторых сторон ее деятельности, связанных с формированием нового человека. На XXVI съезде КПСС товарищ Л. И. Брежнев, отмечая некоторые недостатки в работе комсомола, призывал: «...Нужно усиливать воспитательную работу. Я имею в виду и воспитание трудовое, и воспитание нравственное, и воспитание идейно-политическое. Причем речь не идет об увеличении числа тех или иных «мероприятий». Речь идет о том, чтобы в каждой комсомольской организации была создана живая, творческая атмосфера. Давно известно: истина прочно усваивается тогда, когда она пережита, а не просто преподана».

Насколько это верно, мы убедились на собственном опыте.

В сентябре прошлого года город праздновал свое 600-летие. И в пору подготовки к юбилею и в дни торжеств великолепно проявились качества людей разных профессий, возрастов, способностей. Выходили на субботники, после работы занимались благоустройством, спешили на репетиции, тренировки, придумывали оформление, шили костюмы... Праздник удался. Карнавал, театрализованное представление, спортивные состязания. Создалась атмосфера, когда каждому хотелось что-то внести в общую радость города, быть причастным к празднику.

600-летие мы готовили, уже имея опыт общегородских праздников — шумных и ярких новогодних карнавалов, проводов зимы, праздника совершеннолетия, праздника труда. Чему научились? Прежде всего, пожалуй, замечать инициативу, ценить ее, ценить заинтересованность людей в общем успехе. Замеченное, вовремя поддержанное редко когда зачахнет!

На одном из субботников, помню, зашел разговор с шоферами, занятыми благоустройством.

— Для нас, водителей, несколько новых заасфальтированных улиц — целый подарок.

И вдруг голос:

— А улицу имени Носкова не осилили, хотя ездить по ней совсем плохо.

— Ты хочешь все за один раз,— вмешался кто-то.— Дойдет очередь и до улицы Носкова...

В тот же день мы советовались в горисполкоме, как заасфальтировать эту улицу. Запасы материалов к тому времени уже иссякли. И пришлось приложить немало усилий, чтобы к празднику преобразилась и улица Носкова... Может, слишком громко будет звучать, но не побоюсь этих слов: мы одержали победу! Пусть маленькую, на маленьком плацдарме, но доказали: слово и дело у коммунистов едины. Нам очень хотелось, чтоб водитель, напомнивший об улице Носкова, не усомнился: его заботу о городе почувствовали, оценили, к его словам прислушались. Он хозяин города. Думаю, что человек этот еще не раз проявит себя как общественник.

Общественная активность дает о себе знать в большом и малом.

Слесарь лакокрасочного завода Николай Евгеньевич Миль, касаясь трудностей, переживаемых коллективом из-за хронических неувязок в планировании и сбоев в снабжении производства сырьем (об этом писал «Огонек» в № 46 за 1980 год), справедливо возмутился:

— Тридцать пять раз за пятилетку предприятию корректировали годовые, квартальные, месячные планы. О какой ритмичности, о какой эффективности можно в такой обстановке говорить?!

Мы не раз высказывали по этому поводу свои претензии в адрес Министерства химической промышленности СССР. А затем приобщили к ним и резкую критику рабочего-коммуниста. И это дало положительный результат — Министерство в последнее время стало проявлять бóльшую заботу о заводе.

...В горком партии приходят люди. Каждая встреча с ними для нас чем-то поучительна. В частности, по характеру предложений, претензий, жалоб можно судить о стиле работы в организациях, на предприятиях, в учреждениях... А ведь от этого во многом зависят настроение людей, их желание или нежелание проявлять активность в общественных делах, формирование гражданской зрелости.

Если из одной организации приходит много людей с такими вопросами, которые можно решить на месте, значит, надо разобраться, почему человек минует свою партийную ячейку, свой комитет профсоюза или кабинет своего руководителя.

Мы спрашиваем с тех, кто с рабочими или служащими не находит общего языка. И учим на примере руководителей, которые не терпят казенщины, считают первейшей своей обязанностью постоянное общение с людьми, общение не ради соблюдения формального порядка, а из-за искренней, человеческой, по-настоящему деловой, партийной потребности.

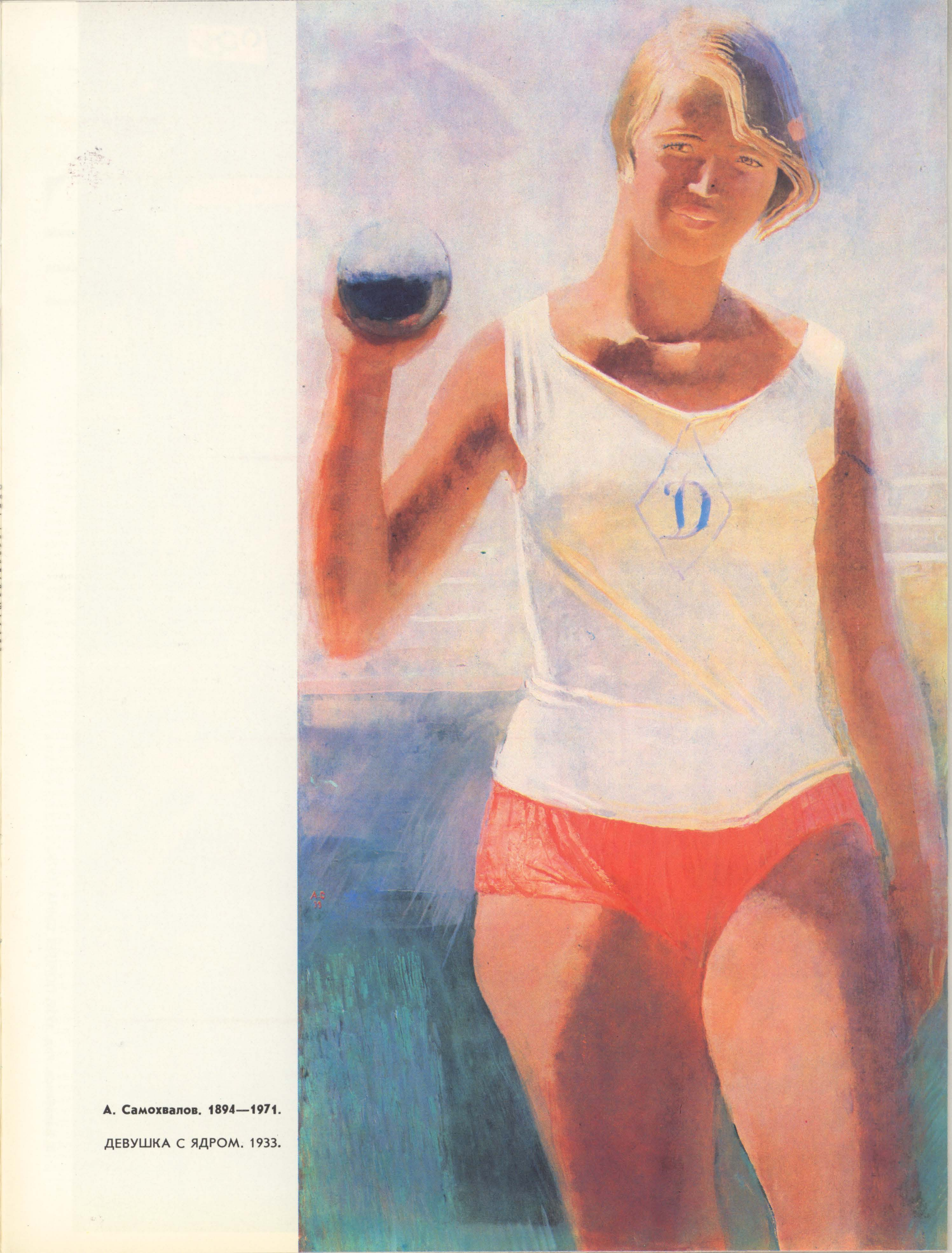
Часто ставим в пример Василия Ивановича Васильева, директора обувной фабрики. За всякими производственными хлопотами он умеет видеть нужды и запросы людей, их потребности. Отнюдь не показного демократизма ради ходил он приводить в порядок изрядно запущенный стадион, который фабрика взяла под опеку. Стадион стал заботой директора, так же как построенный по его инициативе учебно-производственный комбинат, как новое общежитие и новая столовая, профилакторий и пионерский лагерь. Такое отношение не может не сказаться на успехах фабрики. Она работает стабильно, имеет награды Министерства легкой промышленности СССР, ВЦСПС, тут самая низкая в городе текучесть кадров, самые малые потери рабочего времени.

Так создается хороший климат в коллективах, так стимулируется общественная активность. Однако то тут, то там появляются ухабы на ее пути. То ли это привычка легко прощать неблаговидные поступки, проявлять снисходительность к тем, кто его не заслуживает, то ли наивная вера, что со временем все сами собой станут примерными...

Пришли ко мне супруги и требуют вне очереди квартиру, поскольку у них трое детей. Объясняю, что придется подождать. Таких семей много. Рассердились. Позже выяснилось, что оба они агрономы, приехали в город, потому что деревенская жизнь их не устраивает, думают лишь о своем благополучии. Почему же они обиделись, когда им предложили подождать?

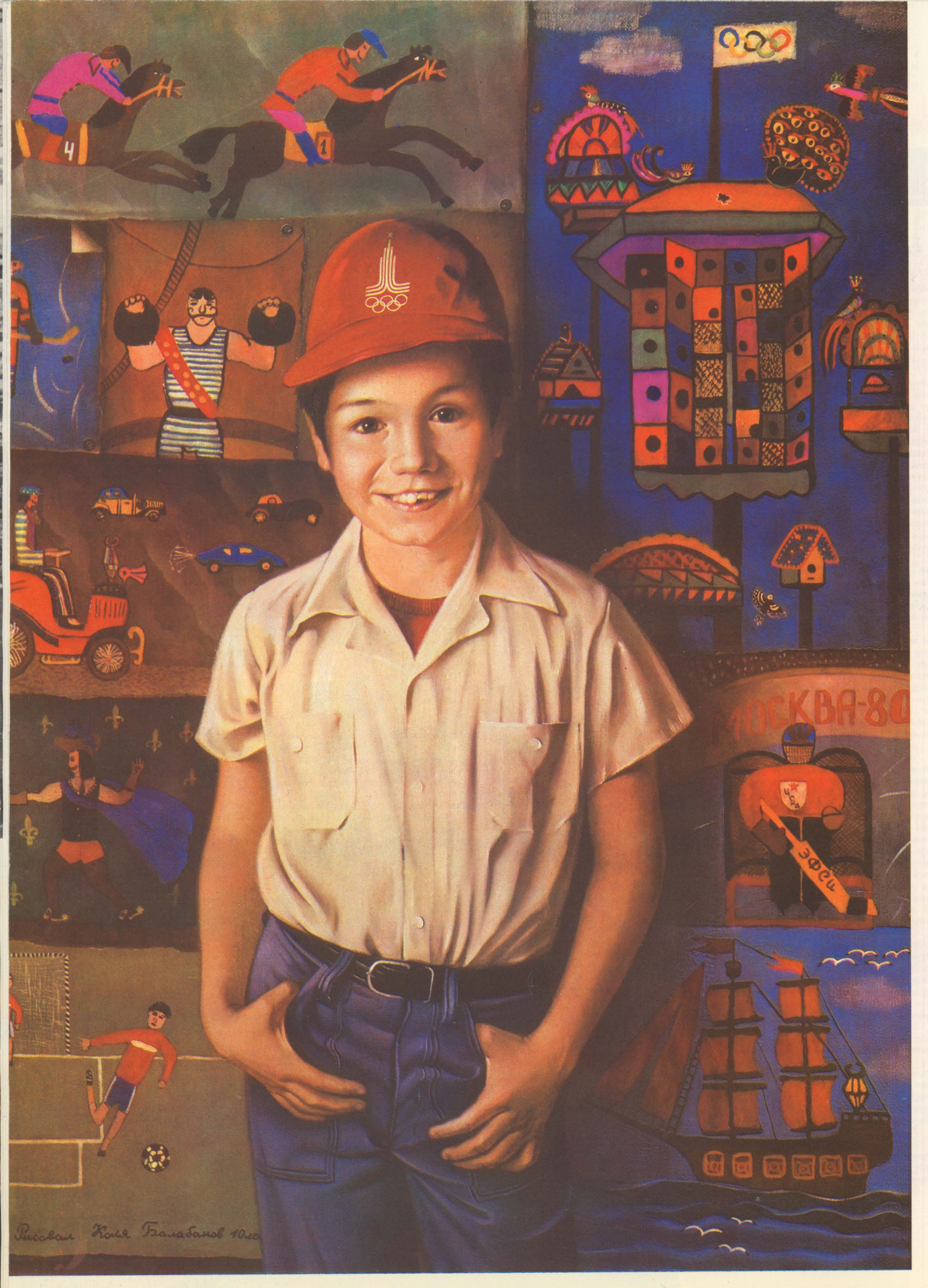
Примеров подобного рода, увы, немало.

XXVI съезд партии начертал грандиозную программу строительства новой жизни. Нам всем вместе бороться за нее сегодня и завтра.

А. Самохвалов. 1894—1971.

ДЕВУШКА С ЯДРОМ. 1933.

В. Балабанов. Род. 1939. ПОРТРЕТ СЫНА. 1979.

ДРАЧУНЫ

Михаил АЛЕКСЕЕВ

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

V

Не прибегая к предварительному расследованию дела, наш премудрый Кот, то есть Иван Павлович Наумов, безошибочно определил, кто был зачинщиком «Ледового побоища» в Кочках, и, переняв метод Воронина, объявил Ваньке Жукову и Гриньке Музыкину новейшую меру наказания — бойкот. Всем остальным своим ученикам он дал при этом устную инструкцию, из которой следовало, что отныне в течение всего года никто из нас не должен ни разговаривать с бойкотируемыми, ни подавать им руки: сам же учитель для себя положил, что будет вести уроки так, будто этих двоих вовсе не было в классе, что они для него как бы перестанут существовать.

Однако очень скоро выяснилось, что на этот раз учитель явно перемудрил, что употребленное им наказание пошло впрок драчунам. Мало того, что они могли теперь не готовить уроков, не выполнять домашних заданий, а в школе не слушать того, что говорит преподаватель, не участвовать в придуманном Котом состязании «кто решит — тот домой», не оставаться после занятий для того, чтобы рисовать плакаты и лозунги к празднику. Мало этого. Сейчас нежданно-негаданно предоставлялась почти полная свобода и для их рук и для языка. В первый же день после вступления бойкота в силу они пустили в дело то и другое. Жуков, сидевший за одной партой с Дуняшкой Поляковой, упорно отмалчивавшейся при всех его словесных домогательствах, больно ущипнул девчонку за бок. Та взвизгнула, подпрыгнула, как кошка, и ответила соседу по парте звончайшей пощечиной, вступив при этом в горячий диспут с ним, чего, собственно, и нужно было Ваньке. Действия свои он, по-видимому, заранее согласовал с Гринькой, потому что и тот уже вовсю переругивался с Шуркой Одиноковой, по несчастью оказавшейся его напарницей. По смелости и дерзости Щука (прозвище Одиноковой) нисколько не уступала не только Катьке, но и самому обидчику, а потому и не осталась перед ним в долгу. Позабыв об инструкции, предписывающей казнить бойкотируемых холодным молчанием, она огласила класс сорочьей скороговоркой, вцепившись в Гринькины патлы и раскачивая его голову так, словно бы это была не голова, а большая кормовая свекла, которую требовалось выдернуть из земли. Гриньке было и больно и смешно, как тому мальчишке, про которого он прочитал в каком-то стихотворении совсем недавно. В тщетной попытке вызволить голову из цепких, с остренькими ноготками пальцев Шурки он то хохотал, то ревел, как молодой бугай, то даже матюкался, но так, чтобы слышала одна лишь Щука, то притворно призывал на выручку, оря во всю глотку: «Ка-ра-ул! Люди добрые, спасите-е-е!» В ответ ему класс будто только того и дожидался, разразился веселым, торжествующим воплем и угомонился лишь тогда, когда рассвирепевший Иван Павлович несколькими кошачьими прыжками сократил до крайней степени расстояние сперва между собой и Ванькой, затем между собой и Гринькой и, взявши их за уши, соединивши таким образом, вывел за дверь. Когда же вернулся на свое преподавательское место, класс ожидающе примолк, изобразив нетерпеливую готовность внимать своему учителю.

Урок, однако, был скомкан. Удрученный Кот довел его кое-как, но не отменил бойкота, как следовало бы сделать по логике вещей: Иван Павлович слишком упрям и самолюбив для этого. Странная мера наказания была снята с Ваньки и Гриньки товарищами из районо, которые как-то пронюхали о ней и не только отменили, а вынесли выговор Коту «за непедагогические действия» в применении дисциплинарной практики. Очевидно, они имели в виду не только бойкот, но и рукоприкладство, к которому вынужден был по старой привычке прибегнуть учитель.

Чтобы загладить свою промашку, и оправдаться перед районным отделом народного образования, и отличиться перед местными руководителями, перед Ворониным прежде всего, а заодно подвергнуть ребят новым испытаниям, Иван Павлович создал из них агитбригады с тем, чтобы они обошли дворы особенно упрямых мужиков и уговорили последних вступить в колхоз.

Во главе одной из таких бригад оказался Гринька Музыкин, в нее Иван Павлович сознательно включил и Ваньку Жукова, решив, что это будет для обоих наказание похлестче бойкота. Но и тут хитрющий Кот ошибся. Он и не подозревал, что бойкот неожиданно сделает то, чего не могли сделать ни школа, ни сельсовет, ни родители,— он не только примирил вчерашних непримиримых, казалось, врагов, но и сблизил, сдружил их, как это нередко случается с людьми, на которых обрушится общее несчастье.

Оказавшись в одной агитбригаде, Гринька и Ванька ревностно взялись за работу. Перво-наперво Гринька решил наведаться к Якову Тверскову, прозванному почему-то Соловьем, хотя этот грубый, злой мужик даже отдаленно не напоминал сладкоголосую птицу; жуткий матерщинник и скандалист, охрипший от непрерывной ругани со своими домашними и соседями, которым не давал житья, он мог бы скорее сравниться с вороной. С соловьем же его роднило разве то, что Яков не давал покоя ни своим ближним, ни шабрам и по ночам, булгачил их в самый поздний, глухой час, подымал крик ни с того ни с сего, украшая полуночную свою речь редкими по сочности, изобретенными им самим многоступенчатыми ругательствами. К такому «соловью» не отваживался прийти даже грозный Воронин: новый председатель был уже достаточно наслышан о Якове.

Но вот Гринька решил начать именно с него. Очевидно, этому решению способствовало то, что Яков был не только его, Гриньки, однофамильцем (Тверсковых, как и Ефремовых, насчитывалось в селе дворов сорок, ежели не больше), но и доводился дядей, поскольку был родным братом давно умершего Гринькиного отца, прозванного за пристрастие к балалайке и гармони Музыкиным (кличка эта впоследствии стала фамилией и вдовы, Гринькиной матери, и самого Гриньки).

Дядю Яшу мы обязательно сагитируем. Он мой крестный!— решительно заявил Гринька, подбадривая и себя и членов своей бригады, в особенности Миньку Архипова и Яньку Рубцова, не отличавшихся, как известно, храбростью.— А потом уж к твоему отцу пойдем.— И Гринька кивнул Яньке.

— Ххх... хорошо,— едва выговорил тот.

Перед самой калиткой Соловьева подворья пионерская агитбригада принуждена была остановиться, встретившись с препятствием, о котором Гринька знал заранее, но помалкивал до поры до времени. Для встречи нежеланных гостей Яков вышел не сам, а спустил с цепи преогромного свирепого кобеля, который уже хрипел, бился в истерике, захлебывался яростью за калиткой. Он бросался то в одну, то в другую сторону, просовывая то под калитку, то под ворота страшную клыкастую морду. Члены Гринькиной бригады испугались, опешили и отбежали на середину улицы, оставив своего предводителя одного. Гринька, бледный, сотрясаемый заячьей дрожью, изо всех сил заставлял себя держаться мужественно, пытался урезонить пса, все время меняя интонацию в своем голосе, то льстиво уговаривая зверя, то угрожая ему:

«Шарик, Шарунька, аль не признал?.. Это я, Гринька!.. Шарик, ну, перестань... што ты, в самом деле, с ума сошел?.. Да замолчи ты, сволота поганая!.. Вот возьму камень да кы-ы-к дам!..

Шарик, ростом с годовалого бычка, умолкал лишь для того, чтобы потом с новой, еще большей яростью кинуться на калитку, на ворота, на плетень. С разбегу он, пожалуй, мог бы и перемахнуть через изгородь, чего больше всего опасался Гринька, которого уже покидали остатки самообладания, но он все еще стоял у калитки, не зная зачем. Малость ободрился, когда к нему вернулся Ванька Жуков; в этом, наверное, заговорила совесть или гордость, либо то и другое вместе, но вот он мужественно приблизился к плетню, за которым в эту минуту бесновался Шарик, и тоже вступил в переговоры со скандальной собакой:

— Ты, барбосина паршивая!.. Ты замолчишь когда-нибудь аль нет? Вот выдерну кол, тогда ты у меня запоешь по-другому!— И Ванька для острастки взялся за один из кольев, составлявших основу плетня.

Жест этот неожиданно возымел действие: должно быть, кобель хорошо был знаком с палкой. Во всяком случае, с плаксивым лаем откатился от изгороди, и теперь голос его доносился откуда-то из-за амбара, стоявшего на заднем дворе.

— Вот с ним как надо разговаривать, а ты: «Шарик, Шарунька»!— И Ванька самодовольно усмехнулся.— Открывай калитку — пошли!

К ним присоединились и остальные члены бригады.

Однако во двор ребят так и не пустили. На смену четвероногому сторожу заявился его хозяин — Гринькин дядя Яков, он же Соловей. Обнаружив среди пионеров племянника и выдернув его из общей кучи презлющими глазами, спросил строго:

— Зачем ты привел энтих щенков ко мне?

— Мы...— начал было Гринька.

— Ты не мычи — не теленок, чай. Говори: зачем? Ну?!

— Дядь Яша, все записались в колхоз, только ты один...— выпалил Гринька единым духом, но это было все, что он смог и успел сказать, потому что в следующее мгновение был опрокинут наземь страшнейшим ударом мужичьего кулака. Вгорячах Гринька вскочил на ноги и бросился на дядю, но был встречен другим, не менее жестоким ударом, который на какое-то время лишил мальчишку сознания.

Очнулся Гринька от чьего-то крика: «Мужики, да чево вы глядите?! Ить он, нечистая сила, убьет ребенка! Вон как вызверился!»

Из ближних дворов, набрасывая на ходу одежу, бежали мужики. Они сейчас же при-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—31.

нялись совестить останевшего Соловья, но он и их облаял не хуже Шарика, который вновь подскочил к калитке и присоединился к хозяину; выслуживаясь перед ним, пес бросался поочередно на всех, кто пытался как-то урезонить Якова. Правда, кобеля быстро урезонил хорошенький пинок под брюхо, принадлежавший ноге Карпушки Котунова, который жил на той же, что и Соловей, улице и одним из первых прибежал теперь сюда. Ограждая ребятишек, мужики взяли буяна в кольцо, а он продолжал материться и орать:

— Убью, всех перебью, щенят!.. Ишь чего надумали?.. Я вам покажу такой колхоз, что вовек не позабудете!.. А вы, мужики, што сбежались?.. Што я вам, спектакля?.. А ну марш от мово дома! Не то возьму вилы...

— Пойдемте, робята,— предложил Карпушка,— от него всяко можно ожидать... А вы што носами шмыгаете?— обратился он вдруг к пионерам.— Какой дурак дал вам это задание?.. Айдати и вы по домам, агитаторы сопливые!.. Не за свое вы дело взялися!.. Нашли кого агитировать?! Его, Яшку этого, и на аркане не затащишь в колхоз, а вы... Да и на хрена он нужен нам в колхозе? Он там такую кашу заварит, что сроду не расхлебаешь!.. Пускай уж живет один по-бирючьи, а мы и без него обойдемся!.. Пошли, мужики! Его все едино не перекричишь. У него глотка луженая!.. Уходите и вы, пацанье, подобру-поздорову.

Пряча друг от друга глаза и не внемля уговорам пришедшего в себя Гриньки, которому, конечно же, очень не хотелось признать себя побежденным, «агитаторы» один за другим отделились от отряда и, угнув головы, убегали домой. Скоро Гринька остался на улице один. Жалкий и несчастный, удерживаемый на месте неизвестно какой силой, он прислушивался к тому, как бушует в своем дворе под непрерывный брех пса родной его дядя и крестный Яков Соловей.

«Подожгу, обязательно подожгу!.. Дождусь ночи и...»— Внезапная мысль эта сперва заставила вспыхнуть его самого, и Гринька осветился, просиял весь от собственной решимости, а потом, холодея, сжимаясь в комочек от жуткого, грозного и страшного содержания этой мысли, а еще больше оттого, что он уже не сможет отказаться от нее, поскорее повторил про себя: «Спалю, обязательно!..»

Не лучше обстояли дела и в других бригадах: за малым они всюду были изгнаны с позором. А Иван Леснов, Катькин отец, чуть было не оторвал у меня нос, когда я прямо с порога заговорил о колхозе. Леснов выслушал со вниманием, даже пробормотал вроде бы согласно: «Так, так, в колхоз, стало быть?.. Ну, ну...» Говоря это, он подошел к маленькому агитатору, взял двумя шершавыми пальцами его носишко и с силой дернул, сказав:

— А сопли-то надо вытирать, пионер? И губы тоже — они у тебя еще в мамкином молоке. Ясно?— И, развернув меня лицом к двери, дал коленкою легкого пинка под зад.— Ступай с богом! И вы тоже!— приказал он остальным.

А на печке, забившись в самый угол, плакала Катька.

Леснов Иван вступит в колхоз, но это случится немного позже. Сейчас ему до смерти не хотелось расставаться с верблюдом, которого, соблазнившись примером Авраама, он выменял на лошадь у какого-то казаха или киргиза за Волгой.

И все-таки моя агитбригада оказалась удачливее других. Правда, еще в трех домах нам не слишком вежливо указали от ворот поворот, зато в пятом, куда я шел с особенною неохотой, мы были встречены необыкновенно приветливо, противно моему ожиданию. Это меня чрезвычайно удивило, потому что дом принадлежал не кому-нибудь еще, а Григорию Яковлевичу Жукову, Ванькиному отцу. Лично я был убежден, что Иван Павлович специально внес в мой список эту семью — в отместку за участие в недавнем ледовом сражении. Исполненный сознания высокого долга, вытекающего из пионерского звания, я не мог протестовать, но теперь чувствовал себя обреченным. Мы долго всей гурьбой толклись в темных сенях, отыскивая ручку двери, пока сам хозяин, заслышав нашу возню, не открыл нам ее.

— Входите, входите, ребятишки!— пригласил он ласково.— Сопли-то, поди, отморозили?

При этих его словах я инстинктивно прикрыл ладошкой свой нос, боясь, как бы дядя Гриша не поступил с ним так же, как Иван Леснов. Но Жуков-старший был попрежнему ласков. Он даже приказал жене, тетеньке Вере:

— Мать, дай-ка им по блинку.

И одного за другим подвел к столу.

Угостившись и осмелев, я, как мог, изложил хозяину цель нашего прихода. Еще раньше приметил, что Ваньки дома не было. Не было и Федора, старшего Ванькиного брата, что и поприбавило мне духу.

— Ах, вон вы об чем!— Григорий Яковлевич широко улыбнулся, но поначалу мы не поняли, что она означала, чем обернется для нас эта его улыбка.— Ну, што ж, молодцы!.. Ну-ка, мать, достань листок-то. Он там, за образами... Прослышал, што вы придете, и загодя написал заявленьице. Нате, несите Воронину.

Зажавши в кулаке бумагу, я пулей вылетел на улицу и мчался в сторону сельсовета так, что Миша Тверсков и другие члены бригады едва поспевали за мною. На полпути встретили отца, и тот, узнав, в чем дело, привел нас в правление колхоза, разместившееся в просторном доме купца Савельева, предусмотрительно убравшегося из села двумя годами раньше. Заявление Жуковых принял сам председатель Зелинский, которого папанька почему-то называл двадцатипятитысячником.

Зелинский расправил на столе перед собою бумажку, прочел ее раз и два и только потом уж сказал:

— Вот это агитаторы! Вот тебе и шпингалеты!

От счастья мы зарделись и не знали, куда себя деть.

Не знал я и того, что раньше нас к Жуковым наведался мой отец и заключил мировую с Григорием Яковлевичем,— это и предопределило успех предприятия, который мы приписывали исключительно себе.

Ну, а что же с Гринькой? Не остыл ли он, вернувшись домой, не отказался ли от страшного своего намерения? Увы, нет. Мальчишка лишь немного подправил, изменил первоначальный план: вместо избы дяди Якова решил спалить его ригу на Малых гумнах и теперь, затаившись, упрятавшись в самого себя, ждал, когда сойдет на нет, источится в студеном и, как назло, ясном ночном небе серп луны, грозным мечом занесенный над Гринькиной отчаянной головой. Все дни, предшествовавшие задуманному, Гринька плохо спал и ел, по ночам ворочался, как вьюн, на деревянной скрипучей кровати, порою вскрикивал в полусне, а то и вовсе вскакивал и выбегал босой на снег, как лунатик. Мать видела это, но, придавленная грузом разных вдовьих забот, не придавала этой перемене в поведении сына особого значения: опять, думала, подрался с кем-нибудь, а теперь вот мается, такое случалось с ним и прежде.

На пятый день зашевелился, все более оживляясь, западный ветерок. Сперва где-то за деревней Панциревкой он из множества малых разрозненных туч собрал один большой табун и погнал его на Монастырское, закрыв к вечеру и село и все вокруг села. А к полуночи повалил снег. Сперва неслышно, словно на парашюте, спустилась одна похожая на крохотного белого барашка снежинка, за ней другая, третья, и вот во втором часу ночи был уже не снегопад, а снежная замять, крутоверть, потому что северный ветер, спохватившись, решил преградить дорогу западному, остановить его, отбросить прочь, но тот к этому часу успел набрать силу и оказал яростное сопротивление противнику. Столкновение стихий вызвало сперва поземку, которая скоро стала закручиваться в снежные вихри, призрачными смерчами несшимися встречь друг другу.

Все живое убралось под крыши домов и хлевов. Гринька же, напротив, заторопился на улицу.

— Куда тебя нечистый несет в этакую-то нéпогодь?— окликнула с печки мать.

— Известно куда,— отозвался Гринька, поспешно застегивая шубейку, ту самую, что приходилась на всех детей.

— Помочился бы в ведро. Там оно, у порожка.

— Чего придумала? Чай не маленький!— сердито буркнул Гринька и поскорее хлопнул дверью.

Он не знал, что мать, не дождавшись его возвращения, трижды выходила во двор, звала, заглянула даже в колодец, что был у них на задах,— не угодил ли в него ненароком непутевый ее сын; вернувшись в очередной раз в избу, растолкала, разбудила Гринькиного брата; борясь с пургою, они обшарили весь двор, ощупали каждый подозрительный темный бугорок, вновь и вновь окликали, но в ответ лишь свистел, поминутно переходя на звериный вой, ветер; колючие снежинки, остуженные уже северным ветром, постепенно берущим верх над западным, больно ударялись в лицо, путались в ресницах, слезили глаза.

Гринька в это время достиг гумен, приблизился к нужной ему риге. Он все еще боялся, что в последнюю минуту оробеет, убежит, не исполнив приговора, вынесенного им Соловью, а потому и торопился, отыскивая правою рукой коробок спичек, который уже в дороге перекочевал из кармана в левую его руку. Вспомнив, наконец, о нем, Гринька согнулся под соломенной крышей риги, доходившей краями чуть ли не до самой земли, и принялся чиркать. Но оттого ли, что чиркал не тем концом спички, или оттого, что руки тряслись, а может, еще потому, что коробок, находившийся до этой решительной минуты во влажном от пота кулаке, отсырел, но Музыкин, к ужасу своему, долго не мог извлечь огня. Первая вспышка не продержалась и секунды, ибо сейчас же была погашена сильным низовым ветром. Та же участь постигла и несколько других спичечных головок, пока грозный мститель не вспомнил о том, как в таких случаях поступает Ванька Жуков, раскуривая цигарку. Упрятав коробок в пригоршне, заслонив его таким образом от порывов ветра, Гринька добился того, чего хотел. Обжигая ладони, сделавшиеся похожими на красный фонарик, он поднес колеблющееся крохотное пламя под сухой жгут соломы. Тот мгновенно занялся. А маленький злодей со всех ног ударился бежать, но не в сторону села, где мог быть пойман, а на Гаевскую гору, которая поднималась сразу же за кладбищем.

Гринька бежал, спотыкаясь о жесткие гребни бурунчиков, наметенных и утрамбованных поземкой, а с двух сторон его обступили кресты, и мальчишке уже казалось, что это не кресты, а сами покойники вышли из могил, чтобы потом, на страшном суде, выступить в качестве свидетелей Гринькиного преступления. А когда, зацепившись ногой за невидимое препятствие, падал, то думал, что кто-то из них, этих мертвецов, подставил ему ножку, и Гринька вскрикивал, замирая в ужасе. Выбравшись на гору, он впервые оглянулся. И то, что увидал, поразило его и испугало до шевеления волос под шапкой.

В центре Малых гумен, выхватывая из мрака то одну, то другую ригу, то сразу несколько из них, вырвался к темному беззвездному небу преогромный огненный столб, раскачиваемый из стороны в сторону каким-то невидимым могучим существом. Над ним и внутри него, рассыпая кроваво-красные искры, носились «галки» — пучки горящей соломы, а по бокам, то пропадая за кромкою пламени, то вновь появляясь в его отсветах, метались белыми ангелами голуби, разбуженные и выгнанные из церковных темниц набатным колокольным звоном, ревевшим уже сразу в двух церквах — православной и кулугурской. До Гринькиного

слуха доносились шум и хлопанье взъярившегося огня и треск падающих стропил, и в этом торжествующем безумстве пламени, в грозном этом видении, в мельтешении снежинок он не сразу увидел людей, которые уже бежали отовсюду к пожару, а когда увидел, то очень удивился, что никто из них ничего не делал, ничего не предпринимал: мужики, парни, бабы и девки лишь размахивали руками, указывали ими на что-то, но не делали даже слабой попытки побороться с огнем,— наверное, понимали, что теперь уже нельзя совладать с ним и спасти хотя бы часть строения. Но кто-то все-таки взобрался на крышу соседней риги и гасил там падающие горящие жгуты. Народу сбежалось полсела, и догадливый Гринька решил спуститься с горы и смешаться в толпе.

К рассвету вернулся домой,— от него, как от только что залитой водою головешки, остро пахло едким дымом и гарью. Мать так обрадовалась его появлению, что даже не отшлепала, а только всплеснула руками:

— О, царица небесная! Неужто и ты был на пожаре? Чье же гумно-то сожгли?

— Не знаю...

— Господи, ну что за времена приспели?! За неверие наше наказывает нас господь бог! Скоро, говорят, колокола начнут сымать, нехристи!..

Гринька нырнул под одеяло, а мать долго еще разговаривала то с пресвятой богородицей, то с самим господом богом, то с собою.

Содеянное ее младшим сыном явилось как бы сигналом к массовым поджогам. Начались они на Малых гумнах, а через несколько дней перекинулись и на Большие, а потом уж и на дворы и избы. Чуть стемнеет — глядишь, то в одном конце селения, то в другом подымалось зарево, начинали бешено трезвонить колокола, люди выскакивали из домов и не всегда знали, куда надо бежать: случалось иной ночью, что загоралось сразу несколько риг и на Малых и на Больших гумнах или даже несколько изб в разных местах. Гумно Якова Тверскова-Соловья спалил его племянник, а кто были другие поджигатели, никто толком не знал, жители Монастырского терялись в догадках, в предположениях. Одни говорили, что «красных петухов» подпускали сынки раскулаченных, тайно вернувшиеся в село, или их родственники; другие были уверены, что оставленные без хозяев постройки были обречены на верную погибель уже самим фактом безнадзорного своего существования (такой точки зрения придерживались мой отец и Петр Ксенофонтович Одиноков); третьи все приписывали уличным хулиганам, действительно распоясавшимся в пору решительной ломки, радикальнейших перемен всего и вся. Бабы ахали и охали, собираясь по утрам у колодцев, а по вечерам сбивались большими группами по улицам и проулкам, безвольно взирая на то, как разбойничают там и сям огненные сполохи.

— А уж не перед страшным ли это судом? — восклицала какая-нибудь из особенно набожных, осеняя себя крестным знамением.

Один, кажется, только Федот Ефремов был невозмутим. Выйдя на крыльцо и любуясь величественным, грозным зрелищем пожара, он философски заключал:

— Горит, горит матушка Расея!— В пляске недалекого пламени его глаза пылали каким-то нездешним сатанинским огнем.

VI

Весною, когда полые воды убрались в берега рек, а дороги подсохли, то есть перед самой посевной, откуда-то из-за Панциревки послышался странный, незнакомый, ни на что прежнее не похожий гул, который явно приближался, потому что с минуты на минуту становился отчетливее и страшней. Люди, застигнутые этим гулом на улице, внезапно останавливались и вопрошающе глядели друг на друга: что бы это могло быть?

Дедушка Ничей, только что справивший

малую нужду за плетнем своего дырявого, давно обесскотиневшего двора, позабыл застегнуть ширинку и теперь оттягивал двумя пальцами мочку уха, нацеливаясь им на панциревскую дорогу: он не помнил, чтобы когда-нибудь на долгом своем веку слышал подобное. Когда же гул докатился до Ужиного моста, до самой окраины села, дед Ничей и вовсе перетрусил и поспешил скрыться в своей хижине, где добрую четверть века обитал вдовцом. «Береженого и бог бережет»,— пробормотал он, крестясь, устраиваясь теперь уж у окна, с помощью которого надеялся, не подвергая свою жизнь большому риску, все-таки разгадать загадку.

Иван Морозов, мой дядя по материнской линии, заторопился в церковь и уже стоял под самым большим, стопудовым колоколом, готовый в любую минуту огласить село его октависто-медным рявканьем,— все последние ночи сторож не покидал колокольни, трезвонил с вечера до утра, скликая народ на пожар и сам любуясь с высоты редким по зловещей красоте зрелищем. Вероятно, сейчас он первым из односельчан увидал двух огромных черных жуков, которые ползли по дороге к Монастырскому, оставляя позади себя клубы дыма и пугая всех жутким, захлебывающимся в ярости ревом. Увидав такое и торопливо благословясь, дядя Иван изо всех сил нажал ногою на доску, соединенную длинной веревкой с «языком» заглавного колокола, и, ободренный, одухотворенный поглощающим все остальные звуки звоном, радостно покоряясь и отдаваясь лишь одному ему, позабыл про все на свете и наяривал до тех пор, пока сам Воронин не поднялся на колокольню и не спустил его по винтовой деревянной лестнице вниз, дав при этом обезумевшему звонарю «по шапке».

Но к этой минуте уже все село было поднято на ноги и выплеснулось на улицы. Что касается нас, ребятишек, то даже строгий Иван Павлович не смог совладать с нами — не удержал в школе, и, подхлестнутые непобедимой силой любопытства, которое в таком возрасте всегда берет верх над страхом, мы раньше всех оказались возле Ужиного моста, перед которым как бы в нерешительности остановились железные пришельцы из неведомого нам мира. Чумазые человекообразные существа, с которых мы не сводили вытаращенных в счастливом страхе глаз, спустились на землю и начали осматривать мост, решая, очевидно, выдержит ли он их пыхающих огнем и дымом коней. Найдя, что должен выдержать, вернулись к машинам, взобрались на сиденья, сделали что-то там, дернули за какие-то рычаги, на что-то нажали: огромные страшные звери взвыли в голос и двинулись через мост, перебирая его бревно за бревном, будто по косточкам, своими поставленными наискосок, похожими на большие острые ножи когтями.

— Трахтуры! Трахтуры! — закричал кто-то за моей спиной очень звонким и очень знакомым мне голосом.

Я оглянулся и встретился с белыми галочьими глазами Ваньки Жукова.

— Трахтуры, трахтуры! — заорал вслед за Ванькой и я, не зная еще, радоваться ли тому, что он оказался рядом со мною в такую небывалую минуту, или следует изготовиться для очередной схватки.

— Форд-зон! — нараспев прокричал вдруг Миша Тверсков, устыдившись собственного открытия и оттого залившись краскою.— Я прочитал на макушке: «Фордзон»! Ей-богу, честное пионерское! — отчаянно уверял он, хотя никто с ним и не спорил.

Взволнованный его голос, похоже, долетел до крайней избы, у которой сгуртовалось десятка два баб, и какая-то из них сейчас же ахнула, всплеснула руками и заголосила:

— Фармазоны, фармазоны!.. Бабоньки, што ж это?.. А?.. Конец свету?! Пресвятая богородица!.. И што только церква-то замолчала?.. Куда энтот глухой черт подевался?..

— Об ком ты, кума?

— Да об Иване! Об ком ищо!..

Лишь бабье любопытство, которое у них было, пожалуй, посильнее ребячьего, удерживало женщин на месте. Они только подались назад, шарахнулись, как овцы, и теснились, жались у высоких дощатых ворот, когда первый трактор появился на улице. Сидевший на нем парень, у которого белыми оставались лишь одни вьющиеся волосы да оскаленные в широченной улыбке зубы, балуясь, нарочно крутнул крендель руля чуть вправо; послушный его воле, «фордзон» кинулся на баб, извлекши из них панический вопль. Удовлетворившись этим, парень резко отвернул машину влево и, выправив ее, помчался вслед за перегнавшим его товарищем по прямой и широкой улице, нареченной недавно Садовой.

Перегоняя один другого, мальчишки старались не отставать от тракторов, наиболее храбрые и шустроногие бежали впереди машин.

Не помню, как я оказался почти вплотную к одному трактору, но тот неожиданно остановился, и черный чумазый человек соскочил с него, подхватил меня под мышки и, леденеющего от ужаса и неслыханного счастья одновременно, усадил рядом с собою. По его рукам, по голосу, который едва пробивался сквозь гул мотора, а еще раньше по ровному, ослепительно блестевшему ряду зубов я понял, что это же мой брат Ленька! Гордый, распираемый этой гордостью изнутри, не знающий, что с нею делать, чувствующий себя героем, повелителем всего и всех, в том числе и этой ревущей махины, я оглядывал мчавшуюся и впереди и по бокам орду своих сверстников, долее всех удерживая глазами Ваньку Жукова, который, как жеребенок, скакал вприпрыжку прямо перед носом н а ш е г о с Ленькой трактора. Я следил за ним и слышал, что не испытываю к своему неприятелю решительно ничего недоброго, враждебного, и, кажется, даже закричал: «Ванька-а-а!», но голос мой потонул в невообразимом шуме и треске, стоявшем вокруг. Может быть, и не закричал вовсе, а только подумал окликнуть его.

Из девчонок за трактором бежала только отчаянная Катька Леснова, все же остальные держались подальше, перебегая от избы к избе по обеим сторонам улицы, пугливо повизгивая.

Мужики, сохраняя солидность, смотрели на тракторы молча, решая про себя, как к ним отнестись. Одни покачивали головой; другие искали ответ в затылке, почесывая его; третьи взглядывали на соседа, как бы приноравливаясь к тому, какую позицию займет тот,— так или иначе, но никто из них не торопился со своими выводами, никто не хотел раньше времени ни печалиться, ни восторгаться по поводу этого события. Правда, Яков Соловей, услышав о нем, тотчас же изрек: «Што бы ни случилось, все к худшему», и оказавшийся поблизости от него Федотка «успокоил» ворчуна: «Вот это ты в самую точку попал, Соловей! Для тебя хужее ничего и быть не могёт. Завтра как выползут эти вонючие трескуны на поле и зачнут перепахивать все межи подряд! Ты потом днем с огнем не отыщешь своей делянки! А мне, колхозничку, и горюшка мало, наплевать на энти межи, потому как теперича у нас все обчее. Понял, дурная твоя башка?» В ответ Соловей сплюнул по-верблюжьи, сочно матюкнулся и скрылся в своем дворе. Это случилось в тот момент, когда первый трактор поравнялся с его избой.

Толпа ребятишек стремительно увеличивалась по мере продвижения машин, она росла, как снежный ком, когда он катится с горы. От своих ворот во весь дух бежал Гринька Музыкин и пытался с ходу вспрыгнуть на м о й трактор, но не смог и, конфузливо улыбаясь, красный, точно сваренный рак, мчался сзади, принимая на себя основную порцию дыма и пыли, вылетавших из-под машины.

Удивил меня, однако, не Гринька, а Миша Тверсков, который до того расхрабрился, что давно не стриженная его голова мелькала где-то рядом с радиатором. А справа и слева, будто конвойные, иноходью продвигались Микарай Земсков и Паня Камышов. По-видимому, они встретили трактористов где-то еще за Панциревкой, потому что с ног до головы были перепачканы мазутом. Глаза блаженных победительно блестели; тот и другой отшвыривали в стороны ребятишек, выпрастывая себе дорогу, и нечленораздельный, радостный мык исторгался из их восторженных душ; похоже на то, что и они, так же как и я, чувствовали себя героями дня и готовы были ревниво отстаивать свое несомненное право на это. Этим только и можно объяснить то, что Паня и Микарай против обыкновения были не слишком вежливы в обращении с ребятней, путавшейся у них под ногами.

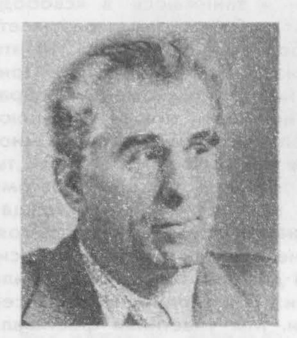
Сжалившись над Гринькой, я подал ему руку, и теперь мы оба были на Ленькином тракторе и видели, как, заметив это, сильно страдал Ванька. Он даже отбежал в сторону и долго сиротливо стоял на одном и том же месте, а потом и вовсе скрылся в проулке. Смешанное чувство испытывал я: мне было жалко Ваньку, но жалость эта не завладевала мною целиком, потому что ей мешало ощущение полного, безоговорочного торжества над поверженным врагом, ощущение, с которым нелегко было так вот, в один миг, расстаться. Теперь-то уж, думал я, Ванька наверняка лопнет от зависти — так ему и нужно, пускай не дерется! Чувствуя, однако, что мысль эта не погасила до конца щемящей жалости к Ваньке, я начал перебирать в памяти самые большие обиды, какие получал от него в разное время, но они почему-то не вспоминались. Может быть, потому, что брат отвлек меня от них тем, что взял мою правую руку и положил ее на руль, прикрыв своей теплой черной ладонью. Сердце мое прямо-таки зашлось от великой радости; горячая дрожь стального тела машины тотчас передалась мне, растеклась по всем жилам, воспламенила так, что из глаз выскочили слезинки, и я глупо и счастливо засмеялся. Радуясь моей радостью, Ленька непроизвольно провел своей ладошкой по моему лицу, и оно стало таким же чумазым, как и его собственное, моментально вызвав зависть у всех моих товарищей из Непочетовки, которые бежали за трактором, впереди него и рядом с ним.

Трактора остановились не у общего двора, не у сельсовета, не у правления даже, а на выгоне, прямо перед нашей избой, перед ее окнами, что еще выше вознесло меня в глазах сверстников и друзей. Пока трактористы обедали (мать хотела привести Ленькину физиономию хотя бы в относительный порядок, то есть помыть ее, но он решительно отказался), я выставил вокруг медленно остывающих, отдыхающих «фордзонов» часовых из Гриньки Музыкина, Петеньки Утопленника, Кольки Полякова, Яньки Рубцова и Миньки Архипова, расставил их и ревниво следил, чтобы никто больше не подходил к ним ближе чем на пятьдесят метров. Дежурили мы и ночью, когда Ленька и другие трактористы (всего их вместе с ним было четверо), покуражившись около машин, поважничав, отправились к нардому, где их уж в великом нетерпении ожидали девчата — к утру почти все сельские красавицы заявятся домой вымазанными мазутом и не будут торопиться смыть его со своих платьев и со своих щек — это в ту пору были знаки, которых девчата не только не стыдились, но страшно гордились ими. Пройдет немного времени — и по всей стране покатится немудрящая песенка: «Прокати нас, Петруша, на тракторе, до околицы нас прокати».

Всю эту памятную, необыкновенную ночь, от вечерней до утренней зари, Ванька Жуков просидел на нашей избе, укрывшись за печной трубой, выведенной высоко над соломенной крышей. Он пробрался туда со стороны глухой стены, воспользовавшись сумерками, которые поселились там гораздо раньше, чем в других местах. Были минуты, в какие он мог бы, пренебрегши опасностью, спуститься на землю и подбежать к нам, но гордость, которая у Ваньки всегда преобладала над страхом, удерживала его от последнего шага. Но чего бы он только не сделал, чего бы не отдал за то, чтобы оказаться на моем месте!

Продолжение следует.

РАССВЕТНЫЕ БЕРЕЗЫ

Нил ГИЛЕВИЧ

•

Оттуда не дождавшись сыновей —
С войны великой (как они их ждали!),
Сошли в могилу сонмы матерей —
Параски, и Марильи, и Натальи —
Сошли под сень кладбищенских ветвей.
И провожал их черною печалью
Последний миг земного бытия:
Не постоят у гроба сыновья.

Ужели мне представить не дано
Улыбку на губах у Михалины,
Что дочку отдала войне и сына
И на пригорке спит сама давно?
Ужель не улыбалась?.. Как же так?
Боль отступала... Таяла усталость...
Хоть редко, все же, видно, улыбалась...
А вот представить не могу никак.

•

Был любим, был всегда украшеньем венка,
Но в опалу попал... Все же, прячась во ржи,
Свой неистовый цвет он пронес сквозь века,
И кто вырос в селе, откровенно скажи:
Не печально ли было б идти по тропе
Там, где ниву рассветный дымок заволок,
Если б солнечно в смутную душу тебе
Синим глазом своим не светил василек?

•

С улыбкой мне полный кувшин подала:
«Отведайте нашей березовой бражки...»
У ног ее стройных резвятся двойняшки.
Склонилась и сразу двоих подняла.

Целует... Кружится... Смотрю на нее —
Не это ли счастье земное на свете!
Счастливая мать. И счастливые дети.
И вкусное в красном кувшине питье.

•

Тут, меж этих холмов, где в озера глядятся дубровы,
Прорастала, светясь, как цветами поляна весной,
Каждым словом своим наша речь — белорусская мова,
И, родную, ее не могу я представить иной.

Удивительно разве, хоть это действительно чудо,
Что душой нашей стала, все краски и звуки вобрав?
С нами ж вместе на почве, веками замешенной круто,
И взошла и взросла именами деревьев и трав!

•

В преддверии ночи медвяной, в бору на заре,
Тоскуя, кукушка кукует... Стою и внимаю....
Откуда печаль эта — в самой весенней поре?
Откуда же эта сиротская жалоба — в мае?
Вечеряйте в хате, а я постою на дворе,
Прошу, обо мне не заботьтесь — гуляйте счастливо.
Ведь кто-то же должен послушать, с чего так тоскливо
Кукушка кукует в бору на вечерней заре.

•

Ивану Мележу

На кроснах пущи, на крутом морозе
Ночь ткет из светотеней полог свой.
Не разобрать: в тиши скрипят полозья
Иль под парчою звездною — навой?

И память в детство улетает снова —
В мир старых сказок, в милый уголок...
И, словно между нитями основы,
Мелькает в тучках месяца челнок.

•

У речки за день на ногах моих,
Как звездочки, под вечер пули вызрели.
Какими-то захваченная мыслями,
Мать на крылечке исцеляет их.

Листочки подорожника, как пластыри,
К ним приложила ласковой рукой.
И вдруг сказала: «Слышишь, под стрехой
Щебечут засыпающие ласточки...»

•

Август, орешник и желтые осы —
Все мне мешают тебя целовать.
Первый виток паутины белесой,
Хмель перепелой травы в головах.

Где-то колеса стучат на покосе,
Оклики где-то в лесу, как во мгле.
Грешное счастье на грешной земле.
Август. Орешник. И желтые осы.

•

Колокольчик жаворонка в поле,
Там, где росы к вечеру густы.
Из цветущей ржи исходят, что ли,
Чары этой божьей красоты?

Стоило — осознаю до боли —
Этот миг у века вырвать мне,
Чтоб с тобой послушать в тишине
Колокольчик жаворонка в поле.

•

Простыл и след весеннего веселья.
Я с поседелой головой стою
В краю, где начинал пахать и сеять,
Откуда песню в мир понес свою.

Листва осин, что опадет вот-вот,
Мне тихо шепчет в сумраке осеннем:
«Скажи, ты стал счастливее, чем тот,
Кто здесь остался и пахать и сеять?»

•

Я — за прогресс. Дыша в лицо весной,
Идет он по дороге магистральной...
Как хорошо вписался новизной
В мои леса пейзаж индустриальный!

Но мне не сохранить бы равновесья,
Не будь надежды, что наверняка
Родимый край свой и через века
Узнаю я по материнской песне.

Куда ни глянь — над крышей строй антенн,
Во всех квартирах — светятся экраны.
Сиди в тепле, в плену у тесных стен,
Сиди, гляди пространные программы,
Гадай о сути резких перемен,
Переживай земель далеких драмы...
К тебе приблизился весь белый свет.
А стал ли тебе ближе твой сосед?

•

Вечно торопимся. Некогда! Времени нет!..
Скорость снимает пролеты мелькающих лет.
Едем,— не ходим давно мы пешком,— недосуг.
Кружится круг окоема, земли нашей круг...
Шелест резины и грохот железных колес,
Вдаль уносящих нас мимо рассветных берез...
К счастью летим или, может быть, мимо него?
Время торопим, не думая: а для чего?

•

Как хочу я вернуться в тот вечер июльский на Витебщине,
В отблеск радостных молний, под гулкий захлебистый ливень,
В мятный запах садов, до листочка омытых и вычищенных,
В те объятия рук, окрылающих, нежных, пугливых.

Нет, не смолкли в душе той грозы громовые раскаты,
Не увяло все то, что с такими страданьями выращено...
Если б знала ты, как через годы, тоскою объятый,
Вновь хочу я вернуться в тот вечер июльский на Витебщине!

•

Не стал бы, видать, никогда человек Человеком —
Вовек не достиг бы такой, как теперь, высоты,
В себе не сомкни он прошедшее с будущим веком,
И память не сделай опорой для дерзкой мечты.

Как дерево в небе своею вершиною тонкой,
Корнями — в земле, семенами — в грядущей весне,
Он — памятью в прошлом, делами — в сегодняшнем дне,
А мыслью-мечтою — в своих благодарных потомках.

•

Поклон тебе, мой белорусский край!
На глобусе — ты лист дубовый в кроне.
Всем существом прильнуть к тебе мне дай,
В наследный дол пустить поглубже корни...

За радость вдохновенного труда,
За счастье, что твое ношу я имя,—
Поклон, поклон тебе, мой край родимый!
Ты — мой, я — твой, во всем и навсегда!

С белорусского перевел
Бронислав СПРИНЧАН

ПОДАРИ МНЕ КАПЕЛЛУ

Н. ТОЛЧЕНОВА

«А капелла»... Совершенно особый вид искусства.

Древнее, но отнюдь не устаревшее, оно, напротив, сегодня подтверждает себя, свою силу самим временем. Множит любовь к себе своих приверженцев.

Хоровое многоголосое пение — что и есть **а капелла** — не нуждается в поддержке музыкальных инструментов: оно само выражает собою неограниченные возможности поющих вместе людей. Тут нет ничего более. Но этого оказывается достаточно, чтобы в самом сочетании голосов нам открылась великая сила и красота гармонии. Само это разноголосие, будучи сложно и мощно объединено, порождает музыку, которая подобна разве только органу своим богатством, своей торжественной выразительностью. И мы, потрясенные слушатели его, догадываемся, что именно поющий человеческий голос и есть самая высокая Музыка земли.

Музыка самого человека.

Это ощущаешь, об этом думаешь при каждой встрече с хорошей сильной капеллой. Все они существуют творчески, а значит, и выражают себя несхоже: всякая воплощает свой репертуар; притом на свой лад и свой манер... Но именно поэтому все их запоминаешь; и не спутаешь в воспоминании эти великолепные капеллы Прибалтики, Новосибирска, Улан-Удэ, других городов... А вот теперь, как новый подарок судьбы, прибавилась встреча с капеллой Томского государственного университета.

Ее возникновение — не говоря уж о самом постоянстве, стабильности коллектива, влюбленности со стороны города и, разумеется, самого университета, который, кстати сказать, только что отпраздновал свое столетие, — да все тут удивляет и радует непоказной, чисто сибирской обстоятельностью. Силой нравственного понимания и свершения, без которых никакое искусство не приносит плодов: остается пустоцветом.

В самом деле, если судить поверхностно, ну, зачем студенту капелла: не на век же он в стены вуза приходит; выучился, и до свидания! Да и не до свидания даже, а прощай навсегда... Значит, от всех этих больших привязанностей — если они на малый срок — одно только огорчение и лишние хлопоты: стоит ли время тратить...

В подобных рационалистических соображениях, конечно, есть свой — пусть жесткий и глухой к доброму, но резон... Однако же организаторы студенческой капеллы, увлеченные значительностью замысла,— многие тогдашние комсомольские работники Томска, в том числе Ваня Госсен (тогда его звали только так, это теперь к нему все обращаются по имени-отчеству), упорно не отступали от своей идеи. Да они просто не могли ее предать: они знали, чего хотели, к чему стремились. И верили, что идею осуществить сумеют.

Так и случилось. Капелла возникла. Начала жить. Утвердила себя как явление для Томского университета обязательное и непременное.

Ректор университета профессор Александр Петрович Бычков, доктор наук, каждой осенью теперь подписывает приказ о прослушивании голосов поступивших студентов; деканы выделяют соответствующее время, и весь сентябрь идет прослушивание. А в октябре — большой праздник: посвящение в студенты, и уж на этом-то празднике университетская капелла не просто выступает, а заявляет о себе во всю свою мощь, после чего «агитировать» кого-то, убеждать в воспитывающем духовном значении капеллы вообще не приходится.

— Вот так выработалось отношение к пению как искусству, формирующему **красивого человека**, — говорит дирижер Виталий Вячеславович Сотников, художественный руководитель капеллы. Он вспоминает прошедшие годы; с благодарностью называет имя своего предшественника, Виктора Кузьминова, своего друга; оба окончили Казанскую консерваторию.

— Виктор закладывал, можно сказать, фундамент, — говорит Сотников. — Но ведь даже он приехал в Томск — и пришел в университет — не на пустое место. Он застал готовность к творчеству. Здесь пели все. Пели везде. Пели во дворах и на лестничных площадках, с гитарой и без нее. Пели на улицах и в парках, возле общежитий и в самих общежитиях... Наверное, атмосфера города традиционно была — да и осталась! — вот такой певучей; очень хотелось ее сохранить, закрепить, продолжить... Когда Виктор начал отбирать голоса, на первое же прослушивание пришло сразу полтораста человек. Разумеется, многие потом отсеялись, и началось самое трудное для каждой вообще капеллы: процесс освоения, вживания. Ведь не всякий примет строгую, даже, вернее, строжайшую дисциплину и голоса и поведения. Не каждого устроит «слишком» серьезная музыка, отсутствие легких песенок, расхожего репертуара... И я по себе знаю, что разубеждать, читать лекции о музыке бесполезно. Тут само время — лучший агитатор. Вот если парень или девушка побывают на наших концертах, услышат, как звучат Бах, Моцарт, Мендельсон, Вивальди, Танеев, Свиридов, — уговаривать никого не приходится! Но они понимают еще и то, что для такого пения нужен не только голос. Может быть, еще больше нужен характер: ум и воля, способность организовать свое время. Даже физическая сила нужна, не говоря о выдержке и терпении; ведь новички знакомятся с вокальной культурой не с классики, а начинают с «азов»: ноты, техника пения, сольфеджио... Тем не менее семьдесят — восемьдесят человек — это твердый состав капеллы. Пятнадцать лет я наблюдаю за этими молодыми голосами. И вижу, что далеко не всякий способен принять от университета в собственное владение еще и этот бесценный подарок — капеллу, — вдруг неожиданно заключает Виталий Вячеславович. Он председатель областного хорового общества, человек, влюбленный в свое дело.

Мы беседуем у него дома: я беззастенчиво напросилась в гости. Нас четверо: Сотников, его жена Лена (она концертмейстер), маленькая Ксюша и я.

Дочь Сотниковых накануне своего пятилетия чувствует себя нашей полноправной собеседницей. И доказывает это: говорит вдруг вполне серьезно отцу:

— Подари мне капеллу! Ладно?.. Я уж постараюсь! И даже по вечерам буду одна оставаться.

Ксюша затрагивает проблему, для ветеранов капеллы острую. Ведь у тех, кто остался работать и жить в Томске, а значит, и в капелле — ребятишки. И все разного возраста. Куда с ними денешься? Ветеранам немного легче, у них дети уже школьники, как, например, у Госсенов. Тут тоже и папа и мама — оба в капелле. Лилия Павловна солирует. А Иван Иванович и вовсе является президентом капеллы — победительницы многих конкурсов, лауреата премии Ленинского комсомола.

— Откуда «Президент»? Такое торжественное звание? — спрашиваю я.

— А мы вообще хотим, чтобы в капелле все было торжественным. Все было праздничным. Необыденным, — твердо отвечает Госсен. — Ведь я — на самом деле президент! Иного слова мы просто не могли придумать. У меня очень много обязанностей, которыми я занимаюсь в «свободное» от работы время, разумеется, — более двадцати лет... И это моя жизнь. Мое призвание... Притом я не только «командую парадом», но еще и пою. И как поющий человек понимаю: очень много тебе дано! Но так же много ты и сам должен отдать! И поэтому теперь наша капелла — настоящая **народная капелла** — стала достоянием не одного только университета. И даже не только города или области: мы принадлежим всей Сибири. Мы участники фестиваля «Северное сияние» и каждое лето едем на теплоходе по Оби и Чулыму с концертами, которые проходят при огромном стечении публики... Она уже знает нас. И любит. Хотя многие до сих пор не верят, что мы обходимся только своими голосами; люди думают, что какие-то инструменты у нас все же где-то припрятаны. Эти концерты и нас самих радуют. Да нас вообще многое радует могуществом отдачи. И мы стараемся эту радость поддерживать. Мы дружная капелла. У нас есть свои веселые, смешные юбилеи; есть своя прогулочная «капельная поляна», куда едем на выходные дни. Есть почетные грамоты «Заслуженному старику (или старухе) капеллы» — они вручаются тем, кто поет все пять лет. А для тех, кто пел много дольше, — медаль; на ней слова: «Наши песни — наше оружие; наше золото — звенящие голоса». Когда студенты-геологи во время летней командировки нашли золотоносный ручей, они обозначили район самым дорогим для них словом — «Капелла»... Мы поклонники музыки классической. Но мы любим всю музыку, если она настоящая. Мы любим своих друзей по искусству. Гордимся дружбой с Эрнесаксом: он ведь король хорового пения. И нас эта дружба ко многому обязывает. Вы послушайте, как мы поем! Убедитесь сами...

Я убедилась.

Пересказывать музыку словами не буду. Одно скажу: даже та «простая», всякий раз начинающая работу капеллы репетиция, когда Виталий Сотников ничего, кроме гласного «у», еще и не распевает со своей капеллой, а дает множественное, многоголосое звучание этому «у» во всех регистрах, — тебе действительно может показаться, что ты слушаешь орган; что дирижер скрыто управляет органной музыкой, требовательно и чутко пробуя ее удивительные, нескончаемые возможности.

А когда капелла начинает само пение, пусть довольно часто прерываемое взыскательными поправками Сотникова, душа твоя тоже начинает петь... И нравственный уровень твой поднимается.

Капелла — дорогой, особый дар искусства. Надо уметь дарить его. И принимать — тоже.

Томск

Вдруг выпал снег

Юрий Авдеенко. Вдруг выпал снег. «Советский писатель», 1981.

Роман Ю. Авдеенко — о послевоенном поколении, о молодом парне Антоне Сорокине, вступающем в самостоятельную жизнь в то время, когда еще не изгладились из памяти тяжелые годы Отечественной войны, когда война оставалась мерилом многих действий и поступков. Удары, которые обрушивает на Антона судьба — отец инвалид, вернувшийся с войны, мать арестована и осуждена,— заставляют его самого искать свой путь в жизни. Писатель очень внимателен к психологическому строю романа. Не увлекаясь внешними деталями и формальными ходами, он погружается в глубины характера, стремится нащупать и пластически выразить движение души героя. Ошибки, разочарования, метания Антона, его отношения с людьми — все это осмыслено писателем, в чьем творчестве заметна философски-психологическая тенденция, соединенная со светлой лиричностью и вниманием к быту, к деталям времени и рассказу о буднях.

О романе Ю. Авдеенко состоялся содержательный разговор в Клубе романистов творческого объединения прозаиков Московской писательской организации. В выступлениях писателей и критиков отмечались профессионализм и эрудиция автора, точность изображения им эпохи, серьезность проблем, поднятых в книге, запоминающиеся образы, мягкий юмор.

Литература — реальность — литература

Д. С. Лихачев. Литература — реальность — литература. «Советский писатель», 1981.

Задумывались ли вы, почему в известнейших стихах Пушкина крестьянская «лошадка, снег почуя,//Плетется рысью как-нибудь...»? Действительно, отчего лошадь не видит снег, а чует? Лишь детальное знание читателем деталей крестьянского быта позволит рассеять недоумение, а заодно и убедиться, что сам Пушкин знал деревенскую жизнь в мельчайших подробностях и был абсолютно точен в ее изображении.

Когда-то Пушкин писал о поэтике исторической достоверности — ей и посвящена новая книга академика Д. С. Лихачева. Автор стремится выявить связи тех или иных явлений литературы с жизнью. Метод, которого он при этом придерживается, Лихачев удачно определяет как «конкретное литературоведение», которое, пишет автор, «совершенно не стремится вытеснить какие-либо другие подходы к литературе... Оно дает частные объяснения частным же явлениям литературы, приучает к медленному чтению, к углубленному пониманию произведений в реальной обстановке...».

Велик круг имен и тем, которые затрагивает автор. Его небольшие, насыщенные интереснейшей информацией этюды-исследования (так хочется определить жанр произведений, составивших книгу, из-за их элегантного стиля и глубины раскрытия тех или иных проблем) посвящены и социальным корням типа гоголевского Манилова — их ученый доказательно находит в характере «первого помещика России» Николая I и его ближайшего окружения; и реальной топографии Петербурга у Достоевского; своеобразное, полемическое истолкование знаменитого стихотворения Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека» соседствует в книге со своеобразным глубоким анализом связей поэзии Ахматовой с петербургскими повестями Гоголя...

Что же касается вопроса, с которого мы начали эту рецензию, то за разъяснением академик обратился к специалисту по конному спорту. И вот что узнал: «Снег почуя» — лошадь прежде всего и преимущественно все чует. Глаза у нее сравнительно слабые, слух неплохой, но главное — чутье».

Этот простой с виду пример подтверждает, как важно понимать то, что стоит за литературной строкой, как важно воспринимать произведение в контексте породившей его действительности, ибо точность истолкования произведения — это один из элементов сохранения его текста, сохранения литературного памятника.

Сказания о белых камнях

Сергей Голицын. Сказания о белых камнях. «Молодая гвардия», 1980.

С. М. Голицын и А. С. Потресов во время работы. Фото из книги «Сказания о белых камнях».

«...Моя вторая любовь,— пишет Сергей Михайлович Голицын,— это старое русское зодчество». Книга «Сказания о белых камнях» — поистине результат многолетнего труда человека, влюбленного в историю своей Родины, в ее белокаменную летопись, в стройные силуэты русских церквей, в сказочную резьбу крестьянских изб, в чудо древнерусской живописи. Проникновенно, с большим знанием дела пишет С. Голицын о памятниках Владимира, Суздаля, Юрьева-Польского... Он погружает читателя в глубь русской истории, рассказывает о людях, которые жили в древнерусских городах, о событиях, которые происходили у их стен. Рельефно, четко выступают на этом историческом фоне рассказы о памятниках древности, в чьих строгих, лаконичных формах выразились талант, душевные устремления, любовь и страдания русского народа.

С. Голицын не только пишет о белокаменном чуде. Не счесть, скольких школьников научил он понимать прекрасное, любить прошлое Родины, водя группы юных туристов по самым отдаленным, самым прекрасным уголкам России. Такое действенное воспитание патриотизма наложило отпечаток и на книгу. Она страстна и откровенна. Автор с горечью говорит о навсегда погибших и для нас и для будущих поколений памятниках истории и культуры, призывает свято хранить те, что остались и ждут возрождения, реставрации. Книга С. Голицына — прекрасный пример творческого отношения к родной земле, к ее прошлому.

И прочесть об архитектурных памятниках и воочию увидеть их может открывший эту книгу. Великолепные, выполненные с предельным мастерством и любовью снимки прекрасного знатока русской истории и архитектуры фотографа-художника А. С. Потресова — органическая, неотъемлемая часть книги. Вышла она, когда А. С. Потресова уже не было в живых, и как хочется, глядя на эти фотографии, когда-нибудь раскрыть альбом под названием «Памятники русской архитектуры в фотографиях А. С. Потресова». Для такого издания в архиве Александра Сергеевича сохранилось все. Дело за энтузиазмом издателей.

...Что движет солнце и светила

Евгений Богат. ...Что движет солнце и светила. «Детская литература», 1981.

Эта книга посвящена любви в письмах выдающихся людей. Достаточно перечислить лишь часть имен, чтобы понять, какой интерес — и познавательный и духовный — имеют документы, подобранные Е. Богатом: Вольтер и Шиллер, Петрарка и Дидро, Байрон и Руссо, Маркс и Фихте, Белинский, Герцен, Пушкин, Блок...

Письма, приведенные в книге, существуют в ней не сами по себе, они сопровождаются тонким психологическим разбором, историческим и биографическим комментарием, писатель стремится ввести молодого читателя (примечательно, что книга вышла в детском издательстве, хотя остроинтересна она и для взрослых) в мир высоких чувств людей, которые умели по-настоящему любить, были способны ради любви на страдания, а порой и гибель. Великая тайна любви, к которой прикасаемся мы, читая строки писем, отосланных многие годы, а то и века тому назад, становится тем загадочней, чем более мы приближаемся к ней. Но как прекрасно приобщение к тайне, ибо именно в ней заключена жизнь, поэзия, заключен весь мир.

Многие письма, которые отобрал автор, широко известны, можно сказать, хрестоматийны, но оттого не уменьшается значение их, собранных воедино. Однако есть в работе Богата подлинные откровения, настоящие открытия внимательного исследователя. Это страницы о русской поэтессе Е. Ю. Кузьминой-Караваевой — героине французского Сопротивления,— монахине Марии, чью трагическую прекрасную судьбу со всей возможной полнотой восстанавливает автор и чьи письма, публикуются в этой книге, рядом с письмами Цветаевой, Пастернака, Шмидта, Чаадаева, Сент-Экзюпери...

Московский рассказ

Сборник. «Московский рабочий», 1981.

Двадцать три автора представлены в сборнике, и, прочтя его, убеждаешься: не отстал, не переживает кризис жанр рассказа — собранные воедино произведения писателей-москвичей привлекают внимание психологически точно выверенными деталями, завершенностью сюжета, изобретательностью построения. Мастера разных возрастов, но высокого писательского класса, энтузиасты «малой прозы» Юрий Нагибин, Павел Нилин, Сергей Залыгин, Юрий Бондарев, Ирина Ракша и другие воочию доказывают своими новеллами истинность давнего утверждения Алексея Толстого, что «малая форма не освобождает... от большого содержания».

Нет, не только московской темой ограничены, если можно так выразиться, «географические» рамки сборника. Далекие дороги уводят от столицы героев В. Липатова, В. Поволяева, С. Залыгина; будни российской глубинки — в рассказах Ю. Грибова, Р. Коваленко, М. Чернолусского, А. Ткаченко... Но разве дело лишь в месте действия? Писатели-москвичи прослеживают судьбы своих героев с тем пристальным вниманием, всегда отличавшим русский рассказ, о котором писал Твардовский, исследуя бунинское творчество: «Возникнув из живой жизни, конечно, преображенной и обобщенной творческой мыслью художника, эти произведения русской прозы в своих концовках стремятся как бы сомкнуться с той же действительностью, откуда вышли, и раствориться в ней, оставляя читателю широкий простор для мысленного продолжения их, для додумывания, «доследования» затронутых в них человеческих судеб, идей и вопросов...»

Многие из рассказов пронизаны памятью о войне (именно памятью, ибо в сборнике нет произведений непосредственно о военных днях) и обращением к духовному опыту поколения, для которого Великая Отечественная война стала исходной точкой биографии. Отсвет тех давних дней лежит на рассказах К. Ваншенкина, Г. Семенова, Г. Бакланова, М. Колосова.

Господин Великий Новгород

Ю. БЫЧКОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Сколько лет Новгороду? 1000? 1122? Или...

«Словени же седоша около езера Илмеря, и прозвашася своим именем... и сделаша град и нарекоша и Новъгород»,— извещает летопись и увековечивает год записи 859-й. Предания упоминают Гостомысла — руководителя словен, основавших город. Дата эта, 859, как пишут исследователи, условна. Нет убедительных доказательств существования города в IX веке. Но не вернее ли сказать, что летописная запись таит в себе тайну! Сколько раз скептицизм ученых исчезал, забывался при появлении на свет археологических (да только ли археологических) свидетельств былой жизни! Пока слоев старше X века, подтверждающих наличие городского быта в черте сегодняшнего Новгорода, не найдено. Однако в 1951 году археологами было обнаружено языческое святилище Перуна—бога грома и молнии древних славян. Капище в виде восьмилепесткового, выложенного из камня цветка датируется X веком. То место на левом берегу Волхова в точке истока реки из Ильменя зовется Перынь. Пребывание громовержца Перуна оставило по себе память в названии, правда, с поправкой на местный диалект.

Деревянного Перуна с принятием христианства скорее всего бросили в волны Волхова. Но... свято место пусто не бывает: среди рощи ритуальных сосен возникает монастырь, а в первой трети XIII столетия, в канун нашествия на Русь Орды, здесь встала каменная церковь Рождества — типичная новгородская постройка, однокупольный храм с трехлопастным, гладким, без украшений фасадом, единственной приземистой абсидой, подчеркивающей устремленность здания ввысь.

То, что словене назвали поселение вблизи Ильменя Новгородом (т. е. новым местом), означало процесс переселения. Напротив Перыни, на правом берегу, в разные исторические периоды шумела жизнь. Краеведы называют раскоп «Рюриковым городищем», хотя, по правде сказать, то, что найдено там, — это реалии эпохи неолита, ранний железный век и предметы княжеского быта XII—XV веков, когда повелением новгородского веча здесь была устроена княжеская резиденция. Скорее всего настоящее Рюриково городище еще никем не обнаружено.

Был ли Рюрик? Кто он? Откуда явился? Существует версия о славянском происхождении князя Рюрика, призванного по смерти Гостомысла править «новгородским полугосударством». Варягом Рюрика звали оттого, что он происхождением с острова Рюген, на Варяжском (Балтийском) море.

«Варяги» не народ и не племя, «варяжество» — род занятий. Разноплеменные балтийские (варяжские) пираты в княжеском, королевском окружении всюду в Европе становились наемными военачальниками, дружинниками, переводчиками, телохранителями. Родовые распри по смерти князя Гостомысла, возникшие в «новгородском полугосударстве» (оно включало угро-финские племена, заселявшие крайний север до побережья Белого моря, кривичей-славян, селившихся от Немана до Москвы-реки, многолюдные племена мери, жившие в районе Нарвы), породили фразу первого русского летописца Нестора: «...вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет». Необходим был нарядник — человек, способный судить, рядить, приказывать, наследник. Умирая, Гостомысл завещал призвать из варягов-руссов князя Рюрика — так прочел свидетельства летописей знаменитый русский историк В. Н. Татищев.

Мыслимое ли это дело, чтобы известный торговый город, державший у себя в подчинении бескрайние земли на северо-западе, севере и северо-востоке, город, в котором чуть ли не каждый — грамотей, вдруг оказался неспособным к самоуправлению? Как показывает анализ летописей и внимательное изучение истории Новгорода, дело тут в другом. Князя варяжского из руссов — Рюрика призвали, как впоследствии призывали вече и других князей: суд вершить, предводительствовать дружиной. Ни один князь в Новгороде никогда не чувствовал себя полновластным владыкой, будучи в подчинении у строптивых, самостоятельных новгородцев. Ярослав Мудрый, умирая, в завещательной грамоте не называет Новгород среди вотчинных городов. Господин Великий Новгород достоин особого положения!

Природная деловитость, практическая сметка, склонность к ремеслам и художествам, жажда воли, простора, стремление к неизведанному, умение постоять за себя, за честь Родины, предпочтение света знания невежеству — эти черты исконных новгородцев стали с веками солью характера общерусского.

С Новгорода многое зачиналось в русской истории.

Зайдет речь о достойном отпоре иноземным нашествиям — первой назовем мы битву на Чудском озере у Вороньего камня, вспомним гениального полководца, выдающегося государственного деятеля и дипломата Александра Ярославовича Невского, коего новгородцы призывали княжить, вести полки против супостата, когда с Запада шла гроза. Но во времена не столь тревожные предпочитали они обходиться без сильной руки. Городом правили посадники и вместе с ними вече — постоянно действующее народное собрание. Вече назначало князя, оно же лишало его власти. В вече мог участвовать каждый свободный новгородец. Известно, заправляли вечем архимандрит, бояре, богатые купцы. Но как не вспомнить, что более ста раз в XII—XV веках вечевой сход перерастал в народное восстание... Республиканская форма правления раньше, чем где-либо, утвердилась в средневековом Новгороде.

Былина о Садко поэтически рисует неистощимую любознательность, рисковость и находчивость истового новгородца — его не удержишь женскими ласками да домашними пирогами, коль скоро струги и ладьи готовы в путь. Нелегкими трудами покорителей дальних земель богател Господин Великий Новгород.

Талантливы, самобытны новгородцы и в искусстве. Десятый век. С введением христианства, в 989 году, горожане срубили из дуба церковь святой Софии о тринадцати верхах. В 1049 году церковь сгорела, однако конструктивный прием многокупольного деревянного храма впоследствии был занесен новгородцами на Мезень и Печору, в Карелию и на Северную Двину. Прославленный ныне на весь свет двадцатидвухкупольный Преображенский собор погоста Кижи, конечно же, восходит к той же первозданной деревянной церкви, срубленной в десятом веке в честь покровительницы Новгорода св. Софии.

Летопись свидетельствует, что среди «шесть муж храбрых» князя Александра, отличившихся в Невской битве со шведами, был «новгородец именем Сбыслав Якунович... биашеся единым топором, не имея страха в сердци», что «пятый от молодых его именем Сава», подсек столп шатерный и возрадовались воины Александра, видя, как «падает златоверхий шатер свейского короля». Еще раньше, в 1187 году, новгородцы единовременным натиском с моря и суши овладели хорошо укрепленной столицей Швеции Сигтуной. На западном портале Софийского собора — главной новгородской святыни — установлены отлитые в немецком городе Магдебурге врата. Это один из трофеев новгородского воинства, штурмовавшего Сигтуну. Изготовили врата в Магдебурге литейщики Риквин и Вайсмут — они изображены на рельефах с инструментами в руках, а русский мастер Авраам в XIV веке собрал

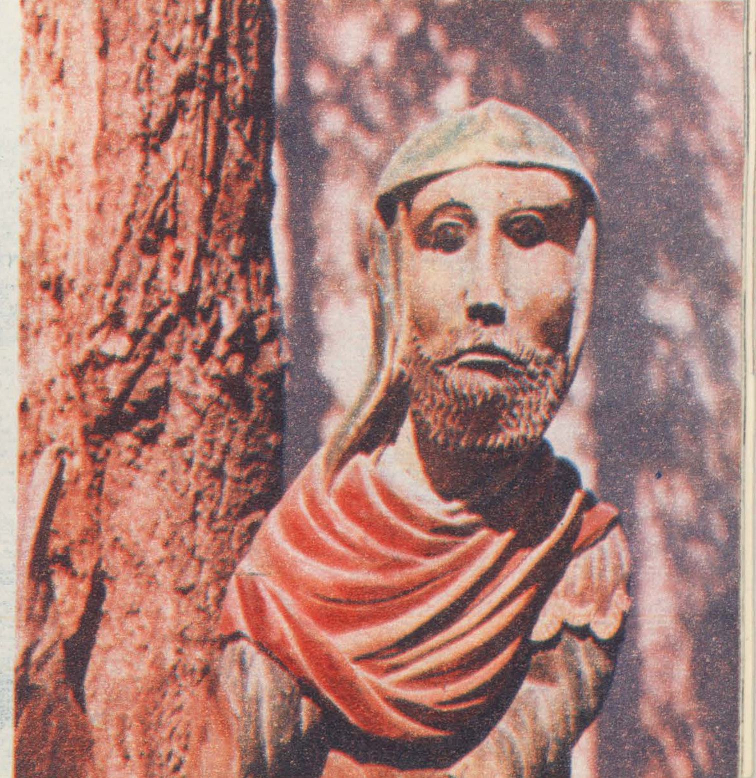
Памятник «Тысячелетие России». На переднем плане — вожди русского ополчения 1612 года Дмитрий Пожарский и Козьма Минин. * Софийская звонница. За Волховом — панорама Торговой стороны. * Фрески церкви Спаса на Ковалеве (XIV век) считались безвозвратно утерянными—древний храм в годы войны был разрушен. Художники-реставраторы А. П. и В. Б. Грековы сумели собрать более ста квадратных метров бесценных фресок. Вы видите один из фрагментов росписей. * Потир из ризницы Софийского собора. Чеканка по серебру, позолота. XII век. * Деревянная скульптура.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Новгородский Детинец.

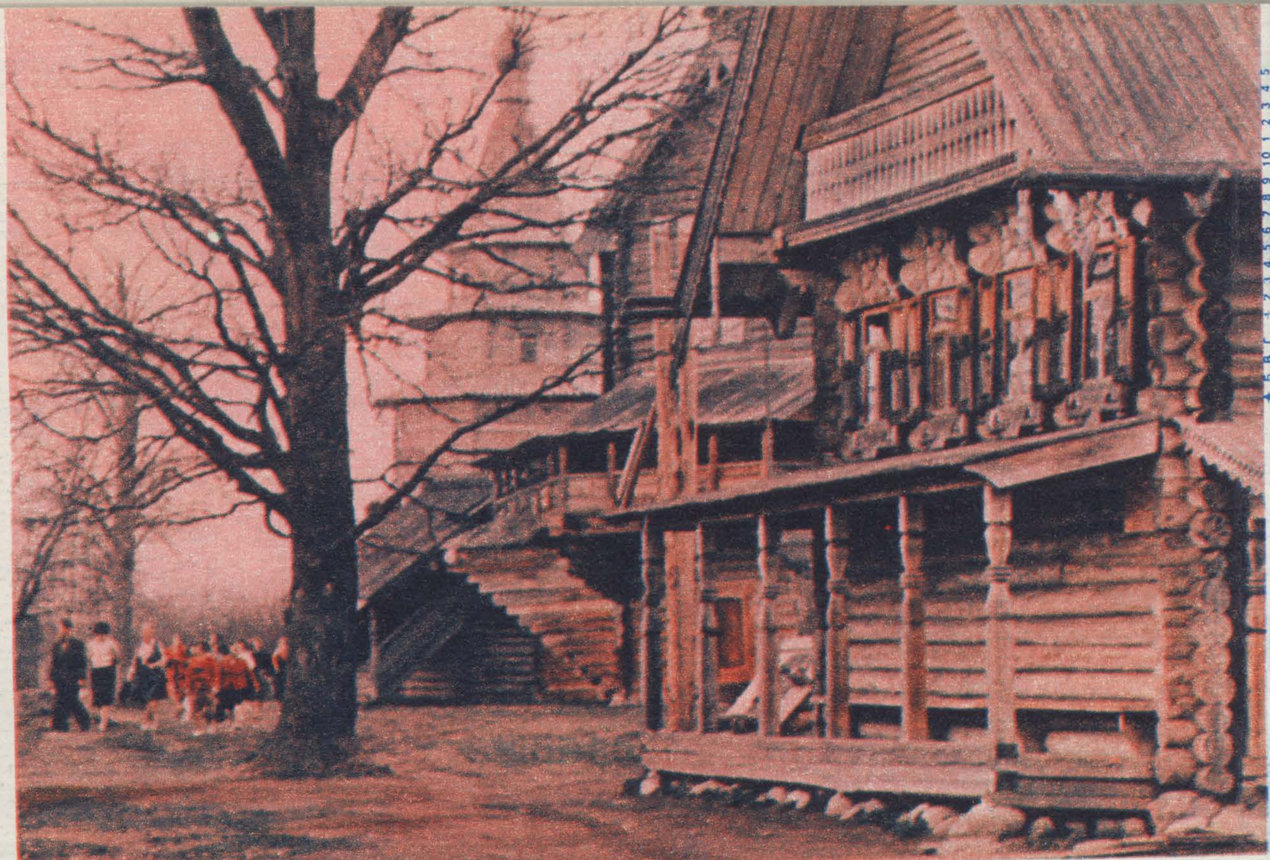

разрозненные трофейные пластины и в память о трудах своих отлил автопортрет и оставил автограф. Дескать, литейное художество мы, новгородцы, знаем не хуже немцев.

В каменной новгородской Софии, выстроенной повелением князя Владимира Ярославовича в 1045—1050 годах, отразились все главные черты местного зодчества — тяжелые пропорции, неторопливые горизонтальные ритмы и устойчивые вертикали несущих конструкций, незыблемый покой во внутреннем пространстве храма.

В XII—XIV веках расцвело самобытное новгородское зодчество. Это Перынская церковь, церковь Благовещенья на берегу озера Мячино и, словно вышедшая из земли, оставив в ней крепкие корни, Нередица, и характерные строгой красотой фасадов, прославленные фресковыми росписями Федор Стратилат на Ручью, и Спас на Ильине улице.

Город сберег для нас наибольшее число древнейших образцов иконописи. Достаточно назвать такие шедевры XI—XIII веков, как «Петр и Павел», «Знамение», «Никола Липный». А «Чудо Георгия о змие» XV века из Третьяковской галереи! Иконы местной школы составляют огромную историко-художественную ценность...

Истоки новгородской культуры — язык, обычаи, ремесла праславян. Тысячу лет назад новгородская культура достигла вершины своего развития. Сколько же веков она шла к моменту наивысшего расцвета?

...Упомянутый в Ипатьевской летописи год прихода в Новгород Рюрика — 862-й был для дореволюционной науки исходной вехой отечественной государственности. В центре Новгородского кремля — Детинца 8 сентября 1862 года торжественно открыли отлитый из бронзы памятник «Тысячелетие России».

В 1859 году на конкурсе из числа пятидесяти представленных проектов был выделен и принят к исполнению эскиз 23-летнего выпускника Академии художеств Михаила Микешина. Идея государственности, как она понималась тогда, блистательно выражена основным объемом памятника — это Шапка Мономаха. Шесть скульптурных групп, вознесенных над цокольной частью, символизируют переломные моменты отечественной истории. Рюрик (может быть, впервые именно Микешиным дан его воображаемый облик), Владимир (креститель Руси), Дмитрий Донской, Иван III (при нем покончено было с новгородскими вольностями), Михаил Федорович (основатель династии Романовых), Петр I — так отечественная история предстала в лицах. В нижней части памятника, в многофигурном фризе, Михаил Осипович Микешин создал великолепные реалистические горельефные портреты тех, кто обессмертил свои имена, выступая на ниве духовного просвещения и на поле брани, в сфере государственного правления и на поприще литературы и искусства. Нестор и Ярослав Мудрый, Александр Невский и Богдан Хмельницкий, основатель русского театра Волков и писатель-сатирик Фонвизин, историк Карамзин и композитор Глинка, поэты Державин, Жуковский, Пушкин, Лермонтов...

На первой из числа сохранившихся пергаментных страниц «Новгородской Первой летописи старшего извода» увековечена насмешка воеводы киевского князя Святополка. Этот воевода, разъезжая по правому берегу Днепра во время известного стояния новгородской дружины у Киева, выкрикивал воинам Ярослава:

— А вы плотницы суще, а приставим вы хором рубити.

Дескать, будете вы плотники-новгородцы биты и придется вам рубить хоромы для гридней, приближенных Святополка. Пока он насмешки строил, Ярослав Мудрый изготовился к сече, ночью переплыл с войском Днепр и наголову разбил его дружину.

Что же до плотницкого ремесла, о котором говорил заносчивый воевода Святополка, то здесь следует вспомнить, чем история Новгорода обязана топору.

С берегов Волхова на крепко срубленных боевых ладьях шли дружины горожан к дальним пределам своей земли, простиравшейся от берегов Балтийского моря до Урала и Северного Ледовитого океана. Ходили они и за Урал. Знаменитые гости новгородские грузили мед, пеньку, кожи, соболиные меха в трюмы кораблей, построенных не где-то за тридевять земель, а в родном городе.

Новгородские ушкуйники, за ними купцы и боевые дружины прошли огромные пространства русского Севера. И там, где оседали неутомимые землепроходцы, под стук веселого топора споро украшалась земля просторными избами на высоких подклетях, изукрашенными резьбой купеческими хоромами, шатровыми храмами и часовнями. Плотницкое мастерство было в крови у новгородцев.

Новгород Великий с древних времен располагался по обоим берегам Волхова, испокон веков соперничали сторона Софийская и сторона Торговая. Торговая делилась на два больших района, по-новгородски — конца. Правая часть Торговой стороны по названию холма в ее южной оконечности называлась концом Славенским, а северная, по основному занятию большей части ее жителей — Плотницким.

Мы знаем каменный Новгород, а ведь в эпоху своего расцвета он был деревянным. Еще в начале двадцатого века облик древнего города определялся деревянными строениями. То, что новгородцы «плотницы суще», позволяло городу после опустошительных средневековых пожаров возрождаться в фантастически короткое время...

О былой красоте да практической пользе плотницкого умения можно получить представление и в наши дни. В заповеднике деревянного зодчества близ озера Мячина серебрятся островерхие шатры церквей и колоколен, разбросанные прихотливо на вольном просторе, манят пройтись по гулким половицам просторные гульбища, опоясывающие храмы, рубленные одним топором, покоряют расчетливым совершенством крестьянские дворы.

Да и каждый, кто заглянет в археологический раскоп, наглядно убедится в том, что древодельцы оснащали буквально всю жизнь средневекового города. Жилье, хозяйственные постройки, утварь, посуда. Расколотыми пополам бревнами мостили улицы; мостовые в Новгороде появились раньше, чем в Париже. «Вы плотницы суще» — это бесспорно, это очевидно для всякого, кто хоть раз мог видеть археологический раскоп на любой из новгородских улиц. Впрочем, и сегодня Новгород — город в значительной мере деревянный — уютный, приближенный к земле, к природе. По вечерам с широких галерей Детинца, с земляного вала, некогда оберегавшего жителей Славенского конца, можно любоваться бескрайними лугами в пойме Волхова и Волховца. Приглядевшись, вдали различишь силуэт недавно восстановленной церкви Спаса на Ковалеве. Она простояла на новгородской земле шестьсот лет и была превращена в руины снарядами и бомбами фашистских вандалов.

Земля Новгорода — бесценный клад памятников материальной культуры прошлого. За тридцать лет здесь найдено около шестисот грамот, десятки тысяч изделий средневековых ремесленников — деревянных и железных, кожаных и костяных, каменных и стеклянных, медных и свинцовых, остатки древних строений. В городе нельзя вести какие бы то ни было фундаментные земляные работы без участия, хотя бы присутствия, археолога. Помню, мне довелось быть свидетелем и участником довольно острого разговора в облисполкоме: ученые вроде бы оказывались виноватыми в том, что областной центр из-за их вмешательства и постоянно накладываемого вето строит не так быстро, как хотелось бы. Профессор Валентин Лаврентьевич Янин стал разъяснять положение. Он говорил о районах, где ответы на поставленные наукой вопросы получены и, стало быть, строители могут чувствовать себя чуть повольготнее. «Там, где Новгородская археологическая экспедиция, полностью исчерпав, оставила район, можно ставить дома»,— говорил профессор. Но в голосе его появились интонации непреклонности, когда речь зашла о Славенском конце. Идет планомерная исследовательская работа, множится число важнейших находок. Археологи извлекли на свет гусли, на которых, быть может, играл легендарный Садко. Обнаружены гусли звончатые и гудки (род скрипки), изготовленные музыкальными мастерами-новгородцами в XI—XIII веках, деревянный волчок, знакомая всем детская игрушка, выточенная из дерева в XIV веке. А вот цера — дощечка для обучения письму. И это учили детей грамоте в трагический XIII век, когда скорбели за порабощенную Ордой Русь, ратовали против псов-рыцарей...

Тридцать лет назад здесь была найдена первая берестяная грамота. Как жили, о чем думали много веков назад люди, принадлежащие к разным классовым сословиям? Какими были их взаимные отношения? Чем они питались, как одевались? К чему стремились? В берестяных грамотах в отличие от летописей, отмечавших лишь начало войны, смерть князя, выборы епископа, закладку церкви, неурожай, наводнение, эпидемию или солнечное затмение, люди писали о повседневных заботах, и это как чудо — по прошествии восьми-девяти веков мы слышим голоса тех, кто жил в то время, вникаем в их заботы, представляем себе их быт. Как много сберегла для науки темная, влажная, илистая новгородская земля...

В 1970 году группе ученых Новгородской археологической экспедиции была присуждена Государственная премия СССР. Лауреатами стали профессора МГУ Артемий Владимирович Арциховский и Валентин Лаврентьевич Янин. Всю свою жизнь посвятил замечательный советский ученый А. В. Арциховский исследованию древнейшего русского города. Он предсказал наличие в его культурном слое берестяных грамот и стал свидетелем первых находок. В. Л. Янин так же, как Арциховский, вырос на новгородских раскопках от аспиранта до ученого с мировым именем. Это и с его участием Господин Великий Новгород, прежде объяснявшийся с миром торжественным словом летописных сводов, эпическим языком былин, в сотнях извлеченных из глубин земли берестяных грамот заговорил живым простонародным языком.

...20 января 1944 года, когда над Детинцем взвилось знамя освобождения, город представлял собой груду развалин. Из двух с лишним тысяч жилых домов только в сорока зданиях можно было кое-как устроиться на ночлег. Новгородцы в первое время находили спасение от вьюг и холодов под сводами полуразрушенных храмов. А вскоре взялись за поддержание исторических памятников. Город, которому вновь восстать из руин помогала вся страна, не мог спокойно созерцать обгоревшую, ободранную Софию, побитые снарядами изысканные фронтоны Федора Стратилата, не мог примириться с гибелью Нередицы, не мог долго терпеть следы дикого постоя франкистской «Голубой дивизии» в храме Георгия, построенном гениальным новгородцем, мастером Петром.

Прошло время, и загорелся золотом главный купол Софии, по фотографиям и архитектурным обмерам лучшими мастерами был заново «вылеплен» Нередицкий храм, помолодевшими на сотни лет вышли из реставрации многие знаменитые новгородские палаты и соборы.

Работы по восстановлению и развитию города велись по генеральному плану, созданному под руководством замечательного архитектора Алексея Викторовича Щусева. «Город Новгород,— говорилось в пояснительной записке к генплану,— восстанавливается как выдающийся город-памятник, сохранивший на своей территории большое количество древних сооружений русского зодчества, и как административно-хозяйственный и промышленный центр Новгородской области».

Этот город нельзя понять, глядя на него из окошка автобуса. Попав сюда, ходите пешком, вглядывайтесь, и вслушивайтесь. Он живет в двух измерениях: известны блестящие успехи его тружеников в сфере современных отраслей промышленности и мировая слава археологов, реставраторов. Как и шесть веков назад, на его гербе снова может быть начертано гордое имя — Господин Великий Новгород.

Полотенце с вышивкой. * Фрагмент Магдебургских врат. * Башни Новгородского кремля — Покровская, Кокуй, Княжая. XV—XVII века. * Музей деревянной архитектуры. Изба Екимовой из деревни Рышево. XIX век. * Экскурсанты. * Рубленая церковь из деревни Тухоля. XVIII век.

К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. С. КУРОЧКИНА

ПОЭТ-ИСКРОВЕЦ

У Василия Степановича Курочкина был яркий талант, громкое имя, всероссийская слава. Вначале — как у лучшего переводчика Беранже (кстати, Курочкин не просто переводил французского певца — он, как отмечали наиболее прозорливые исследователи, «пересадил стихи и песни Беранже на российскую почву», сделав это так, что в них явственно «зазвучал голос российского демократа-шестидесятника»). Используя темы Беранже, Курочкин поднялся до истинных высот обличительной сатиры, порой вводя в тексты французского поэта конкретные намеки на русскую общественную жизнь — об этом хорошо сказал Демьян Бедный:

Как трогательны были усилия
Курочкина Василия,
Прикрывая усмешкой
язвительность,
Балансируя на цензурном ноже,
Разъедать крепостную
действительность
Мотивами Беранже.

Но все же, хотя переводы создали славу Курочкину, далеко не только они определяют его значение в истории русской литературы и общественной мысли.

Шестидесятые годы. Время Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Щедрина... Великие имена. Но наряду с ними жили, работали, боролись писатели и поэты, составившие тот глубинный пласт русской демократической культуры, во многом благодаря которому десятилетие спустя стала формироваться литература нового века, новой эпохи. Среди тех литераторов шестидесятых годов заметен необычной остротой дара Василий Курочкин.

Если мы заглянем в его детство (Курочкин родился в 1831 году в семье бывшего дворового кн. В. А. Шаховского, отпущенного на волю и дослужившегося до чина коллежского асессора, дававшего потомственное дворянство), то увидим, что с ранних лет он тянется к литературе, неотрывно читает, а в десять уже сочиняет. Потому и военная служба, на которую Курочкин вступил, совершенно не влекла его. Во время пребывания в гренадерском полку в Порхове и в Старой Руссе он перевел вместе с братом Николаем Степановичем все комедии и пословицы Альфреда де Мюссе и написал здесь же ряд беспощадных эпиграмм — «Путешествие хромого беса в Старую Руссу» — на все тогдашнее общество городка, прославленного в будущем Достоевским. Вскоре Курочкин вышел в отставку. Это было в 1853 году. А через шесть лет увидел свет первый номер знаменитого русского сатирического журнала «Искра», душой которого стал Курочкин.

В России того времени веяли ветры близких реформ, общественная жизнь бурлила, и «Искра» стала не только самым популярным изданием расцветшей в те годы обличительной и сатирической литературы, но и «высшей кассационной инстанцией по вопросам нашей общественной жизни». В Петербурге журнал играл как бы роль герценовского «Колокола», а Курочкин, писал Н. К. Михайловский, «сам себе создал — положение совершенно исключительное. Это был как бы председатель суда общественного мнения... Положение высокое, трудное и ответственное».

Боевой орган радикальных и революционных разночинцев 60-х годов, «Искра» боролась против крепостнической монархии, обличала крупную финансовую буржуазию, откупщиков, банкиров. Деятельность «Искры» развивалась параллельно и в унисон с борьбой знаменитого сатирического добролюбовского «Свистка», и «Современник» своим высоким авторитетом поддерживал «Искру».

Пользуясь множеством подчас еще и не до конца раскрытых псевдонимов, Курочкин писал в «Искре» много и часто. Редкий номер журнала выходил без его материалов. Пятнадцать лет он печатал в «Искре» стихотворения, переводы, пародии, статьи, фельетоны, лишь изредка выступая в других изданиях, чаще всего в «Отечественных записках» Некрасова. Первый поэт-публицист, поэт-фельетонист, именно Курочкин создал в России летучий жанр газетной поэзии. На страницах «Искры» расцвел импровизационный талант Курочкина, развивший мгновенно, смело, точно. Обличительные стрелы «Искры» били без промаха, и цензура делала все возможное, чтобы вытряхнуть из журнала живую душу. Курочкин сражался бескомпромиссно. Сатира искровца поистине уличала самодержавие и его институты:

Над цензурою, друзья,
Смейтесь так же, как и я:
Ведь для мысли и для слова,
Откровенно говоря,
Нам не нужно никакого
Разрешения царя!

Если русский властелин
Сам не чужд кровавых пятен,—
Не пропустит Головнин
То, что вычеркнул Путятин.

Отлично осознавая больные точки современного ему строя, Курочкин активно, целеустремленно стремился исправить общественные пороки, не чураясь и «низких» сфер жизни, вскрывая самые острые проблемы русского общества:

О гласности более и тоскуя
Почти пять лет,
К прискорбию ее не нахожу я
В столбцах газет;
Не нахожу в полемике журнальной,
Хоть предо мной
И обличен в печати Н. квартальный,
М. становой.
Я гласности, я гласности желаю
В столбцах газет,—
Но формулы, как в алгебре, встречаю:

Икс, Игрек, Зет...

(«Явление гласности»)

Блестящий полемист, бесстрашный автор политических стихов, обличитель самодержавия, создатель знаменитой сатиры на царскую Россию «Принц Лутоня», В. С. Курочкин был активно свя-

ПТЕНЕЦ ГНЕЗДА ПЕТРОВА

Ближнее Подмосковье. Деревня Болдино Солнечногорского района. Поросший лесом старый погост Рождествено. На сдвинутом с места, разбитом известняковом надгробии, с трудом разбирая полустершиеся буквы, читаем: «Василий Никитич Татищев... генерал-бергмейстер... и в Астрахани губернатор...» Остальные слова разобрать невозможно. Василий Татищев — замечательный русский человек — лежит на этом погосте, неподалеку от своего Болдина, куда приехал в 1746 году и где провел в непрекращающихся трудах последние пять лет жизни.

Русский XVIII век. Удивительное время, могучие люди и среди них — один из первых — Татищев. Окончив в Москве инженерную и артиллерийскую школу, он начал военную службу, как требовал указ Петра I, солдатом и участвовал в осаде Нарвы и в Полтавском сражении, в боях под Азовом и в Прутском походе. Получив чин капитан-поручика, состоял при генерале Я. В. Брюсе и вместе с ним вел переговоры о мире со Швецией на Аландском конгрессе. В 1719 году Татищев предлагает царю составить обстоятельную российскую географию. Петр проект одобрил, повелев Татищеву приступить к «землемерию всего государства». Тогда же была задумана и капитальная татищевская «История Российская».

А пока в марте 1720 года по указу царя-преобразователя капитан-поручик артиллерии Василий Татищев скачет на Урал в качестве начальника сибирских горных заводов. Труд его здесь положил начало развитию металлургической промышленности на востоке. Растут дома и заводы нового города Екатеринска, или Екатеринбурга (нынешний Свердловск), что «в Сибири, в горах Пояса, на реке Исети, зачат капитаном Татищевым в 1721 году строить железной завод, и зделан город немалой, в котором при великой плотине 44 колеса делают железо разных рук...». С 1724 по 1726 год Татищев изучает горное дело в Швеции, пишет и издает в Швеции и в России научный труд «О мамонтовой кости», то есть о костях зверя, называемого русскими мамонт». Прогрессивная деятельность В. Н. Татищева, его труды, в которых он выступает как ученый-реалист, чуждый схоластических догм и богословских теорий, вызывают опалу. Он попадает под следствие в руки Бирона, но, сумев оправдаться, по указу Анны Иоанновны получает звание генерал-бергмейстера и в 1734 году повеление вновь принять под начало все заводы и горные дела в Сибирской и Казанской губерниях.

Здесь талант Татищева как ученого и государственного деятеля развернулся в полную силу. Он создает горнозаводские школы, из которых вышли замечательные русские изобретатели Иван Ползунов и Кузьма Фролов, добивается приравнивания горных чинов к военным офицерским чинам, готовит проект создания Академии ремесел и проект широкой сети народных школ, где могли бы учиться дети крепостных. Татищев открыл крупнейшее железорудное месторождение и дал рудоносной горе имя «Благодать», первым провел границу между Европой и Азией по Уральскому хребту, заменив этим именем старые названия — Рифейские горы и Каменный пояс. Замечательны его географические очерки о Сибири, записки о ее климате и о северных сияниях. Им заложены основы русской этнографии. Как ученый-филолог, он создает русско-татарско-калмыцкий словарь и организует первую татаро-калмыцкую школу. Он же впервые проводит классификацию народностей и племен России. В мае 1737 года Татищев едет в Самару, получив назначение начальствовать Оренбургской экспедицией для освоения и изучения Оренбургского края. Здесь начинает он грандиозную работу по составлению генеральной карты России, карт уездов и провинций, завершившуюся изданием в 1745 году «Атласа Российского». Как прекрасный геодезист, Татищев стал главой дела, на которое его прочил Петр I.

Терпя постоянные притеснения со стороны Бирона и возглавлявших Академию наук иностранцев, Татищев продолжает активно работать. Новая царица Елизавета Петровна назначает его астраханским губернатором. Честность и неподкупность Татищева вызывают новую опалу: он отставлен от должности и под охраной роты солдат препровожден в подмосковное Болдино. Здесь трудился он над пятитомной «Историей Российской», над первым русским энциклопедическим словарем широкого назначения — «Лексиконом». Из Болдина напишет Татищев письма молодому Ломоносову, передавая знамя русской науки в достойные руки.

Татищев умер 15 (26) июля 1750 года. Накануне смерти он повел солдат, его сторожживших, на Рождественский погост, что в двух верстах от Болдина. Тут, вблизи посаженных им привезенных с Урала двух лиственниц, велел рыть могилу. Воротясь домой, он нашел у дверей дома фельдъегеря из Петербурга с указом о своей невиновности и с орденом. «Завтра умру»,— сказал он курьеру и отправил орден обратно.

...Вспоминается здесь, на старом погосте, у этих еще шумящих татищевских лиственниц, полная тягот, самопожертвования, осе-

зан с действенным революционным движением. Он был одним из руководителей Русского центрального народного комитета «Земли и воли», состоял под негласным надзором полиции, после каракозовского покушения просидел свыше двух месяцев в Петропавловской крепости. В революции видел Курочкин разрешение всех зол и противоречий мира, в неизбежность российской революции верил:

Мы слышим, в звуках всем понятных
Закон явлений мировых:
В природе нет шагов попятных,
Нет остановок никаких!
Мужайся, молодое племя!
В сияньи дня исчезнет мрак.
Тебе подсказывает время:
Тик-так! Тик-так!

(«Тик-так! Тик-так!»)

Курочкин умер на сорок пятом году жизни. С горечью отмечал Михайловский, сетуя на равнодушие общества 70-х годов: «Тридцать — сорок человек шло за гробом человека, который каких-нибудь пятнадцать лет тому назад был одним из самых популярных людей в России, журнала которого боялись, стихи которого выдержали не одно издание». Но поэзия Курочкина пережила эпоху, творчество поэтов «Искры» имело большое влияние на формирование значительной части русской интеллигенции, пришедшей в революцию. «Они учили всматриваться в жизнь,— писала Н. К. Крупская,— в быт и замечать в жизни, говоря словами Некрасова, «все недостойное, подлое, злое», они учили разбираться в людях... Мне кажется, что на нашу оценку людей сильнейшее влияние оказали поэты «Искры». И, конечно, первый среди них — Василий Курочкин.

Вл. ВЕЛЬЯШЕВ

ненная великой любовью к России жизнь, и становится стыдно, что мы, потомки, способны так легко и равнодушно забывать былое.

Через пять лет будет отмечаться трехсотлетие со дня рождения В. Н. Татищева. Не пора ли привести в порядок и взять под охрану государства его могилу, а в Болдине, в одном из уцелевших старинных зданий, открыть музей.

Георгий БЛЮМИН,
кандидат технических наук.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Пока писался и набирался этот материал, его автор изготовил металлическую памятную доску и, пронеся ее на своих плечах несколько километров через леса и овраги, установил на погосте Рождествено. Отныне пришедший к могиле Татищева путник сможет прочесть: «Василий Никитич Татищев. 19 (29) апреля 1686—15 (26) июля 1750. Русский ученый-энциклопедист, географ, историк, филолог, математик, геодезист, металлург, этнограф, палеонтолог, дипломат, основатель Свердловска (Екатеринбурга) и Оренбурга, сподвижник Петра Великого. «Тело Татищева предано земле в погосте, состоящем в одной версте от его деревни». А. С. Пушкин «О Татищеве».

Быть может, теперь ведомства, ответственные за охрану памятников истории и культуры, найдут время привести в порядок место, где жил и умер наш великий соотечественник.

ФОРМУЛА ЮЛИИ СОЛНЦЕВОЙ

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Время не властно над впечатлениями, вынесенными из юных лет. И Аэлита в одноименном фильме 1924 года, Зина Весенина в фильме «Папиросница из Моссельпрома» для меня, тогда пятнадцатилетнего школьника, остались на всю жизнь в образе стройной, черноокой актрисы, красавицы Юлии Солнцевой.

Через 56 лет Зина Весенина вдруг возникла на нашем телевизионном экране снова — все такая же стройная, черноокая, покоряющая и партнеров и зрителей мимолетной улыбкой, грациозными движениями тонких рук. А перед началом фильма с прочувствованным словом к зрителям обратилась Юлия Ипполитовна Солнцева — прославленный деятель советского кино, знаменитый кинорежиссер, народная артистка РСФСР, чьи фильмы, поставленные по сценариям Александра Петровича Довженко и других авторов, известны ныне миллионам людей и в нашей стране и далеко за ее пределами.

Она выступала именно в этом качестве, дарованном ей всей творческой жизнью. Но ее выдавало волнение. И я вновь видел перед собой юную актрису студии Московского камерного театра, возникающую из впечатлений юных лет. Видел ее гордую, властную Аэлиту, ее милую девушку Зину Весенину, ее молчаливых героинь из фильмов «Буря», «Глаза, которые видели», «Джимми Хиггинс» и других, ныне — увы! — забытых картин немого кино.

С экрана телевизора говорил художник — опытный, мудрый мастер нашего кинематографа, чье имя неразрывно связано с его историей. И звучали не только воспоминания. О прошлом она говорила с улыбкой, такой знакомой. Конечно же, ей дорого все, что в прошлом связывало ее с кинематографом как актрису, очень быстро получившую народное признание. Но ей много дороже долголетняя работа с Александром Петровичем Довженко в качестве его ассистента, сорежиссера, а затем и режиссера. И еще дороже годы, отданные воплощению на экране поэтических произведений знаменитого кинорежиссера, чьим соратником, другом, женой она была и чьи творческие замыслы осуществила после его безвременной кончины.

Верная художественным заветам Довженко, избравшего основной темой своего творчества «сегодняшний день, потому что в сегодняшнем дне нашей неповторимой действительности счастливее всего осуществляются мечты художника», Юлия Ипполитовна Солнцева своими фильмами «Поэма о море» (за сценарий которого А. П. Довженко был посмертно удостоен Ленинской премии), «Повесть пламенных лет», «Зачарованная Десна», «Незабываемое», «Золотые ворота», «Такие высокие горы», как и последним своим фильмом «Мир в трех измерениях», утверждает в нашем киноискусстве эпическое начало, преклонение перед нравственным величием советского человека, его верностью идеалам социализма, преданностью ленинской партии.

Фильмам Солнцевой, поставленным по сценариям А. П. Довженко, как и другим произведениям,

органически присущи революционные мотивы, гражданский пафос, активное вмешательство в решение проблем, какими живет наше общество. В этих фильмах режиссером и актерами созданы запоминающиеся образы мужественных советских патриотов, истинных интернационалистов; им присущи лучшие черты советского характера. Таковы — председатель колхоза, богатырь из народа Савва Зарудный; генерал Игнат Федорченко; крестьянка Степанида Воронцова, потерявшая на войне семерых сыновей («Поэма о море»)... Таков бессмертный сержант Иван Орлюк, «человек, рожденный для добра» («Повесть пламенных лет»). Таковы герои «Зачарованной Десны» и «Золотых ворот»...

Думается, что в ряд с ними должны быть поставлены и школьный учитель из «Таких высоких гор» и простой рабочий, замечательный ученый Федор Тимофеевич Боярышев из фильма «Мир в трех измерениях».

Не только в названных здесь героях, но и во всем образном и композиционном строе художественных лент Юлии Ипполитовны Солнцевой мы познаем истоки мужества и героизма солдат революции, строителей заводов и колхозов, воинов Советской Армии, ученых и учителей, рабочих и крестьян Страны Советов... Даже любой, казалось бы, частный случай, введенный в сюжет, в ее фильмах обретает характер события, каждый персонаж — явление достоверное, типическое.

В одухотворенных картинах родной природы, в ее неизбывной красоте Солнцева ищет и находит тот покоряющий фон, который возвышает человека, открывает зрителям его личность, какая и появиться-то могла только в наших, советских условиях, в кровавых и бескровных, боевых и трудовых социальных битвах.

В соответствии с этим принципом в картине «Мир в трех измерениях» показан Федор Тимофеевич Боярышев. Выдающийся ученый — математик и философ, посоветоваться с которым считают за честь советские и зарубежные ученые,— он был и остается рабочим-металлургом. Он до конца верен династическим традициям рабочей семьи уральских металлургов, из которой вышел. Невероятно? Нет, закономерно! Ибо семья рабочего Боярышева — это семья советская. И сам он не просто рабочий, он — советский рабочий. Коммунистическая партия и Советская власть открыли ему все пути к совершенствованию, помогли накопить такие интеллектуальные, профессиональные и нравственные ценности, которые возможно приобрести человеку только в условиях нашего, советского образа жизни.

Думается, все эти ценности и составляют у Солнцевой **«формулу Боярышева»:** умение видеть «мир в трех измерениях», о чем повествует фильм.

Только такими и видит своих героев замечательный советский кинохудожник Юлия Ипполитовна Солнцева. Такими показывает в своих произведениях.

Главная отличительная их черта как раз в том и состоит, что они — люди советские. Уже в наши дни они хорошо видят, осязают коммунистическое будущее страны и отдают все свои силы построению нового общества.

«Формула Боярышева» и есть, следовательно, основная творческая формула Солнцевой; ее особый, ей присущий принцип отражения в кинематографическом искусстве нашей, советской действительности.

Ал. РОМАНОВ

8 АВГУСТА — ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ ФИЗКУЛЬТУРНИКА

Б. СМИРНОВ,
фото
А. БОЧИНИНА

«Бегом от инфаркта», «бег ради жизни» — много громких лозунгов есть у нынешних любителей бега. Они создают клубы и общества, о них пишут газеты, им посвящаются теле- и радиопрограммы. Что же это такое: поветрие, вредная мода или полезное увлечение? Давайте не будем продолжать давний спор, оставив такую возможность медикам, социологам и физиологам, а просто отправимся в Калугу, в клуб любителей бега «Пульс».

В Калуге бегуны пока на каждом шагу не встречаются, но вы всегда найдете их, если пойдете по дамбе нового водохранилища в городской сосновый бор. Это, конечно, находка для калужан — настоящий, с тихими тропинками, с земляникой и с сочными травами лес, вклинившийся в городские кварталы. И город мудро распорядился своим богатством — отдал его тем, кто заботится о своем здоровье.

Вот на дорожке группа молодых загорелых ребят, бегут красиво и мощно. Спортсмены? Да, похоже. А это явно пенсионеры — тоже в спортивной форме, тоже загорелые, жилистые, но темп бега гораздо спокойнее, шаг реже, о чем-то переговариваются. Вот издали слышно, как приближается целая семья: еще молодые папа с мамой и дочери-школьницы. А там трусит по упругой хвое пожилая чета, следом еще кто-то... Впрочем, оставим наблюдения и познакомимся с бегунами поближе. То, что люди бегают, набираются здоровья, сил — это естественно. Но зачем при всем этом нужен клуб?

— Я, в общем, всегда был здоровым человеком, — рассказывает Лев Петрович Орлов, начальник конструкторского бюро моторостроительного завода. — Еще со школы занимался спортом, любил легкую атлетику, лыжи, имел второй спортивный разряд. Потом институт, работа, служебные обязанности, семья — знаете, как все это бывает... Стало не до спорта. Прибавил в весе килограммов пятнадцать, постепенно пропала охота к движению. То есть я бы охотно побегал, размялся — но где? И вот как-то в городской газете вижу объявление: создается клуб любителей бега. Решил пойти туда, и, как видите, занимаюсь до сих пор. В клубе меня, можно сказать, второй раз в жизни поставили на ноги, заставили поверить, что в мои сорок лет я могу даже выступать в соревнованиях! Да, уже на второй год занятий я одолел классическую марафонскую дистанцию — 42 километра 195 метров. А потом «под флагом» клуба участвовал в сверхмарафонских пробегах: Тула — Калуга, Жуково — Малоярославец — Калуга, бегал по ленинградской трассе «Дорога жизни», участвовал в Череповецком марафоне, Калининградском марафоне и других соревнованиях. Сейчас готовлюсь пробежать сто километров за десять часов.

— Значит, ваша цель пребывания в клубе — соревнования?

— Совсем нет, — объясняет Лев Петрович, — просто ежедневные пробежки дали мне силу, выносливость, и появилось желание испытать себя, проснулся спортивный азарт! А в клубе каждый бегает, как хочет: хочет — соревнуется, хочет — бегает «для души», для собственного удовольствия. И каждый в любой момент может получить дельный совет, консультацию, проверить у врача свое состояние...

— Это для многих очень важно! — вступает в разговор бывший военнослужащий Александр Федорович Набатов. — Вот я на пятьдесят втором году жизни получил инфаркт, еле откачали меня в госпитале. Вылечился, уволился со службы, ходил с валидолом в кармане. Чувствовал, что, если не предприму чего-то, плохо дело кончится... И пошел по объявлению в клуб бега. А там, представьте, меня приняли с объятиями. Под наблюдением врача начал с ходьбы, потом побежал потихоньку — правда, с валидолом в кармане. Но вскоре его выбросил — ни к чему мне теперь!

— Сердце больше не беспокоит?

— Я попросту его не чувствую. Окреп, конечно. Снова устроился на работу. Сейчас для меня пробежать двадцать километров — пустяк, и даже смешно вспомнить, каким я был с десяток лет назад!

Снова и снова просили мы остановиться бегунов, слушали их рассказы, и каждая новая короткая история казалась мне самой главной, самой показательной. Вот семья Ершовых: ее глава, Владимир Ильич Ершов, мастер спорта по лыжным гонкам, вместе с женой Ириной Евгеньевной избрали вот такую, активную форму воспитания своих девочек, и, думается, Таня с Олей получают с детства прекрасный пример настойчивости и заряд здоровья. Прохоров Тимофей Петрович, — плотник, который многие годы ощущал себя, как он написал в анкете, «неуклюжим, пропитанным табаком и алкоголем человеком», стал в 47 лет подтянутым, бодрым спортсменом-разрядником! Инженер Владимир Матвеевич Григорьев, которому клуб не только вернул потерянное здоровье, но и, как он выразился, «позволил стать более молодым и крепким, чем в молодости».

Ну и, конечно, нельзя не назвать гордость клуба «Пульс» — его энтузиаста Петра Константиновича Фадеева. В сентябре он собирается отметить на дистанции свое восьмидесятилетие! Что это — давняя привычка к спорту, к заботе о своем здоровье? Наоборот, думать о себе таким людям было некогда... Слесарь в свои пятнадцать лет, комсомолец грозного 1919-го, потом — командир Красной Армии, участник гражданской и Отечественной войн, орденоносец — все, что стало сутью нашей эпохи, есть в его биографии. И еще — ворох болезней, накопившихся за долгие и трудные годы... А характер остался. Легко ли было решиться в семьдесят пять лет надеть спортивную майку, трусы и выйти на улицу родного города, где тебя каждый камень знает? Не только выйти — заставить себя бежать, заставить отступить болезни, старость...

— Об одном только жалею — поздно понял, что лучшим лекарством может стать стадион, — рассуждает Петр Константинович. — Эх, если бы пораньше... Зато я жену свою бегать сагитировал, — хитро прищурился собеседник. — Хоть она и моложе, но я остался в лидерах!

— Наш клуб организовался в 1976 году, — рассказывает председатель совета клуба Шамиль Шайхулович Арасланов. — Я тогда уже работал врачом в областном физкультурном диспансере и знал, что у нас в Калуге много бегунов-одиночек. Кто от инфаркта бегает, кто не хочет былую спортивную форму терять — короче, просто необходимо было всем нам объединиться. Я ведь тоже с детства увлекался лыжами, борьбой, тяжелой атлетикой, потом, когда работал хирургом, отошел от спорта, но с 1973 года с помощью бега вернул свои силы. И захотелось, чтобы другие поверили в чудесные возможности бега. Нашел таких же энтузиастов, дали объявление в газету, назначили организационное собрание. Вот там и подобрали название клуба — «Пульс», символ жизни. Сейчас нас 263 человека, мы участвуем в соревнованиях, с нами считаются в областном спорткомитете, иначе говоря — клуб доказал свою жизнеспособность!

Да, клуб действует, но вокруг есть еще десятки, сотни людей, для которых вся прелесть и польза свободного бега откроется завтра...

Ветеран войны Александр Петрович Сергеев в этом году 9 мая пробежал марафонскую дистанцию.

Р А

После бега.

Каждый день на улицах Калуги.

ДОСТЬ БЕГА

Контроль на дорожке ведут врачи — председатель клуба «Пульс» Ш. Ш. Арасланов и Р. И. Бендовская.

Исследовано — в практику

СУДЬБА ИЗОБРЕТЕНИЯ

В редакцию пришло письмо. Из конверта выпало несколько пожелтевших газетных вырезок. В письме спрашивалось, что изменилось в судьбе человека, о котором писалось в присланной статье, в судьбе его самого и его изобретения.

Но расскажем все по порядку. Много лет жизни отдал талантливый врач Езекиэль Лазаревич Фишков, участник Отечественной войны, изучению свойств пчелиного яда и его воздействию на организм. Способность пчелиного яда повышать защитные силы человека известна давно. Под его влиянием улучшается общее состояние, повышается работоспособность, проходят сильные боли, он обладает и бактерицидными свойствами.

Езекиэль Лазаревич (он жил и работал тогда в Сухуми) из года в год исследовал самые различные стороны действия пчелиного яда. Яд расширяет мелкие кровеносные сосуды, благодаря чему увеличивается приток крови к больному месту, уменьшается вязкость и свертываемость крови, понижается кровяное давление. Вместе с этим пчелиный яд оказывает стимулирующее действие на мускулатуру, на сердечную мышцу, благотворно влияет на обмен веществ, снижает в крови количество холестерина. Особенно благотворно воздействует он на нервную систему. Однако применяться яд должен в определенных количествах.

Доктор Фишков не только изучил разносторонние свойства пчелиного яда, но и создал на его основе оригинальный препарат «венапиолин». Пчелиный яд в нем применен, так сказать, в чистом, натуральном виде, отчего в большей степени сохраняются его лечебные свойства. Раствор яда делается не на воде, а на персиковом масле. В организм препарат вводится в виде инъекций. Препарат этот может быть полезен при лечении ревматических заболеваний, полиартритов, самых различных неврозов, атеросклероза, астмы, мигреней, целого ряда других недугов. «Свыше 35 лет занимаюсь я разработкой и применением «венапиолина»,— говорил Е. Л. Фишков в своем интервью, опубликованном в августе 1967 года.— Желающих лечиться препаратом очень много. Мне уже семьдесят пять лет, и у меня есть только один помощник — моя жена... Но теперь, когда предложенный мною препарат принят и прошел проверку в различных учреждениях страны, я надеюсь, что скоро он найдет более широкое применение в клиниках. Мечта моей жизни, чтобы было налажено широкое производство препарата и чтобы он как можно скорее стал достоянием больных».

С тех пор прошло почти четырнадцать лет. Как же действительно живет сейчас доктор Фишков? Каковы результаты применения созданного им препарата?

В аптеках «венапиолина» не оказалось.

Беру монографию М. Д. Машковского «Лекарственные средства», изданную Медгизом. На странице 492 нахожу подробное описание «венапиолина», его замечательных лечебных свойств. Значит, препарат существует. В Большой медицинской энциклопедии тоже говорится о препарате на пчелином яде. Надо искать теперь его автора. Четырнадцать лет назад доктору Фишкову было 75 лет...

— Входите, не заперто!

На пороге появляется худенькая, хрупкая женщина в накинутом на плечи платке.

Мы знакомимся с хозяйкой. Это Александра Дмитриевна Утешенская — жена и верный друг доктора Фишкова. А вот и он сам бодро выходит навстречу.

Я представляюсь, говорю о письме в редакцию, спрашиваю о препарате.

Лица моих собеседников мрачнеют.

— Зачем вы приехали? — горячится Александра Дмитриевна.— Только разволнуете мужа, а в 90 лет это вредно. Ведь он жизнь посвятил своему препарату, авторское свидетельство получил, положительные отзывы врачей, даже сам Александр Александрович Вишневский применял препарат у себя в клинике, а вот добиться широкого производства не мог.

— Бросили мы все это,— мрачно говорит Езекиэль Лазаревич.

Слово за слово узнаю повесть о жизни двух людей, преданных своему делу.

...Александра Дмитриевна познакомилась с Езекиэлем Лазаревичем как пациентка с врачом. И хотя она была тогда молода, врачи признали ее почти безнадежной — тяжелое расстройство нервной системы, деформирующий

БЕЛЫЙ ДЫМ НАД

Владимир ПАВЛИНОВ

ПРОВОДЫ КАПИТАНА

Теплый дым на песок оседает,
белый дым над зеленой рекой.
Капитан теплоход покидает,
капитану пора на покой.
— Путь далек ли?
— На поезд — и к дому!
— Где же вещи?
— Да вон — чемодан...
Он сдает теплоход молодому,
но пока он еще — капитан!
Он осмотрит и трюмы и рубку:
— Пустяки, молодежь подождет!..
Выпьет чарку и выкурит трубку,
а потом вниз по трапу сойдет.
Вот платок достает виновато,
вот соринку смахнул со щеки...
Сжав стаканы, притихли ребята,
удалые пловцы-речники.
— Счастья вам и хорошей погоды!..
Друг о дружку стучат катера.
— Тридцать лет я водил теплоходы,
знать, теперь и на поезд пора...
Белый дым оседает на плесы,
и виски капитана в дыму.
Мотористы, механик, матросы
с верхней палубы машут ему.
Ничего тут не сделаешь, видно,
видно, так повелось испокон:
молодым перед старыми стыдно,
это, видимо, жизни закон!
А навстречу бегут теплоходы,
грустно чайки кричат, как всегда,
и кругом — те же самые воды,
только годы бегут, как вода...
На откосах — туман,
и на плесах — туман...
Добрый путь, капитан!
В добрый час, капитан!

СПЕЛАЯ МАЛИНА

В бор, пропахший малиной спелой,
входит Инка в косынке белой.
Зноен бор, а река светла.
В красных соснах кипит смола.

Душно... Щеки горят у Инки.
Пальцы холодны, словно льдинки.
Глянет: вот она, я, в реке.
Гладит родинку на щеке.

В небе плавает паутинка.
Долго смотрится в воду Инка:
в речке, в солнечной синеве
ходит Инка на голове.

Сердце Инки частит-двоится.
За малину она боится.
Встречу милую я в саду,
к ней, испуганной, подойду.

— Ты скажи,— я взглянул на Инну,—
кто в бору обобрал малину?
День бродил я, устал и взмок,
а и кружки набрать не смог!

Быть ей жадиной нет охоты.
Инна вспыхнула: — Что́ ты? Что ты?
Есть такие места в бору,
их и за год не оберу!

На затылок я сбил косынку.
Прямо в губы целую Инку.
— Ты меня отведешь туда?
И она отвечает: — Да...

Говорю я: — Спасибо, Инна!
Ой, вкусна же твоя малина...
Утром жду тебя тут, в саду.
Ты придешь?..
И она: — Приду...

Про малину забыла Инна.
Раскатилась в траве малина.
С той поры до скончанья дней
Мне ходить по малину с ней.

РУССКАЯ КРАСОТА

Российских женщин красота —
дитя простора и мороза.
Сродни ей разве что береза,
в ней мягкость, свет и чистота.

инфекционный полиартрит. Доктор Фишков вылечил ее, вылечил, кстати, с помощью препарата из пчелиного яда, над созданием которого тогда только работал. Они полюбили друг друга, поженились, теперь уже справили серебряную свадьбу.

Раньше Фишковы жили в Сухуми, теперь перебрались в Москву.

— А свой дом в Сухуми подарили под городскую картинную галерею,— говорит Езекиэль Лазаревич.— Красивый дом, отец мой был в свое время известным архитектором, сам его строил. Я, кроме медицины, увлекаюсь живописью. Собирал картины. Вещей пятьдесят отдал галерее вместе с домом. Смотрят люди, добрым словом вспоминают... Я ведь привык к Абхазии, родной ее считаю, хотя медицину изучал в Петрограде, в Ленинграде. Здоровье у меня сдало, врачи запретили жить на юге. Да и сам я медик, понял раньше других, что как ни грустно, но надо уезжать в умеренный климат.

Потом я узнала, что картины, подаренные Фишковым, есть и в Москве, в художественной школе Перовского района, и в краеведческом музее подмосковного Раменского.

Езекиэль Лазаревич бережно кладет передо мной авторское свидетельство № 95572 на «способ получения препарата пчелиного яда» от 22 июня 1953 года. Изданную инструкцию для клинического испытания и дозировки препарата. Как и положено, в углу надпись: «Утверждена фармакологическим комитетом Ученого Совета Минздрава СССР». А вот и письмо академика А. А. Вишневского, где известный ученый пишет, что «лично знает Фишкова в течение многих лет как преданного своему делу исследователя и широко использует предложенные им методы в руководимом им Институте хирургии им. А. В. Вишневского АМН». И еще Александр Александрович называет Фишкова «выдающимся врачом» и говорит о необходимой помощи «дальнейшему продолжению ценной для медицины работы».

— Видите, все есть,— препарата только нет,— грустно шутит Е. Л. Фишков.

— В Киеве, на Дарницкой фармацевтической фабрике, была приготовлена партия нашего лекарства, его применял в своей клинике Александр Александрович Вишневский,— говорит Александра Дмитриевна.— Как важно наладить производство препарата сейчас, пока еще живы люди, знающие его технологию, работают врачи, испытывавшие его в клиниках, пока мы можем помочь.

...Еще до встречи с Фишковым, после письма в редакцию, я позвонила в фармакологический комитет Минздрава СССР. Старший инспектор Лидия Михайловна Казьмина мгновенно навела справки и очень любезно и доброжелательно объяснила мне, что препарат Фишкова был разрешен, первая его партия выпущена, но готовить его трудно, препарат оказался нестандартным, с небольшим сроком годности (год), и следующую партию уже не выпускали. Хотя отзывы после клинических испытаний, особенно если производство препарата контролировал сам Фишков и применялся он быстро после изготовления, были положительными.

Думается, что к препарату Фишкова необходимо вернуться, ведь письмо в редакцию написали люди, которым та, первая партия лекарства, выпущенная на Дарницкой фабрике, вернула полную трудоспособность, здоровье.

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

РЕКОЙ

Семнадцати неполных лет,
светла, как ландыш серебристый,
смех — колокольчик нежный,
чистый,
глаза — весенний неба свет.

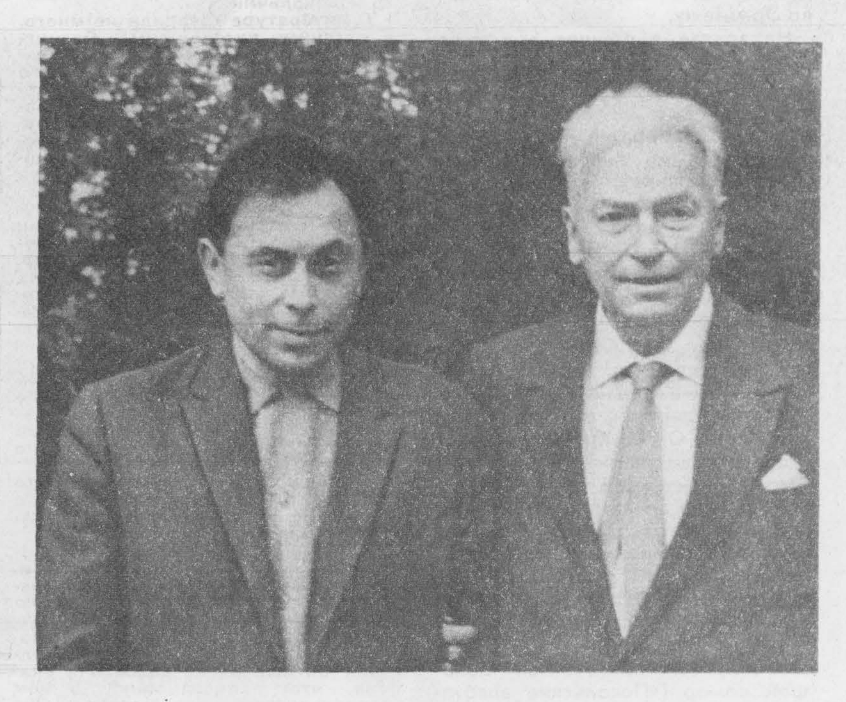
Так мягки плавные черты,
румянец светится, алея.
Нет, в целом свете нет светлее,
добрее русской красоты!

Россия, тихое жилье,
она, как твой простор бескрайний,
как лето краткое твое,
наполнена печалью тайной...

РОССИЙСКИЕ ЛЕСА

Свинцовый лес, плакуч-бурьян,
стог сена, вставший на туман,
земля, души моей начало,
вы, чья тоска сформировала
стальной характер россиян!
Не книги и не словеса —
леса, вы в душу мне запали...
России сила и краса,
душа страны моей — леса...
Нельзя, чтобы леса пропали!
Зачем, красны и тяжелы,
полны живицы и смолы,
щит от меча и урагана,
встают из желто-синей мглы,
поют сосновые стволы,
и каждый — как труба органа!
О чем грустят, роняя слезы,
меланхоличные березы?
А дети рощ, народ лесной,
мечтают зацвести весной!..
Чтобы светились под луной
с покатыми плечами ели,
чтобы зубчатою стеной
от зноя, града и метели
отгородили край родной —
подснежники, синичьи трели,
хрусталь прозрачно-ледяной,
дух травяной и смоляной,
блеск паутины слюдяной —
и не горели, не старели,
беречь, а не под гребень стричь
леса нам завещал Ильич.

РИЧАРД ОЛДИНГТОН В ЛЕНИНГРАДЕ

Ричард Олдингтон и Дм. Молдавский в Ленинграде.

Публикуем главу из книги воспоминаний Дм. Молдавского, известного советского критика, литературоведа, исследователя русского фольклора, которому исполняется 60 лет.

Дм. МОЛДАВСКИЙ

Мы читали его еще до войны. Первой книгой Ричарда Олдингтона, дошедшей до нас, был роман «Все люди враги» (в старом переводе он назывался «Вражда»). Это была книга, полная ненависти к войне, ненависти страшной, концентрированной, брызжущей, и еще — о любви. Любовь была оазисом в пустыне выжженных человеческих чувств. Потом мы прочитали «Смерть героя» и «Сущий рай». Ричард Олдингтон вставал перед нами как обличитель мещан всех масштабов и габаритов. Его беспощадная улыбка напоминала нам Свифта. Может быть, это было преувеличением. Но мы воспринимали его как одного из самых правдивых и самых близких нам писателей Запада.

Авторы предисловий писали, что Ричард Олдингтон что-то не понял, перед чем-то остановился, к чему-то относится скептически. В общем, они были правы — авторы этих статей.

Но мы-то просто думали, что Ричард Олдингтон еще не успел написать книгу, в которой его герои поймут, что убежать от людей, от общества, от войны нельзя, что на географических картах мира нет острова Эя, что есть только один путь — это путь борьбы. Мы ждали эту книгу. И вспоминали слова героя «Сущего рая» Криса, который спрашивает: «Разве нет у нас живого искусства? Разве нет живых творческих центров?» А когда его иронически спрашивают: «Может быть, Москва?» — он отвечает: «Опять-таки почему же нет?.. Они хотят строить будущее, а не жить паразитами за счет прошлого».

Мы находили в Олдингтоне что-то от Маяковского — вероятно, ненависть к буржуазии, к мещанству, к игре моды. Потом я читал его стихи — они были далеки от стихов поэта революции, но поразили меня своей угловатой смелостью и

какой-то попыткой смести грань времен — древних и новых.

Я вспомнил о Ричарде Олдингтоне уже после войны, когда появились новые издания его книг. Стало известно, что «добрая старая Англия», которую он когда-то окрестил «старой сукой», припомнила ему список обид; после выхода книги «Лоуренс Аравийский», где прославленный британский разведчик, превращенный в национального героя, был изображен таким, каким он был на самом деле, Олдингтон был подвергнут травле.

С тех пор постоянным местом жительства писателя стал юг Франции.

В июне 1961 года мне позвонили из иностранной комиссии Союза писателей. Сказали, что приезжает Ричард Олдингтон, что он интересуется искусством, что неплохо было бы, если бы я смог походить с ним по городу и, конечно, по Эрмитажу.

На вокзал я пришел вместе с критиком и переводчиком В. Савицким.

Поезд подошел секунда в секунду, и на перрон, кажется, самыми первыми вышли из вагона трое пассажиров: розовощекий, голубоглазый старик в синем костюме, очень похожая на него девушка, улыбающаяся и подвижная, и небольшого роста женщина сугубо академического вида.

— Вероятно, это они,— сказал Савицкий.

Мы подошли.

Это действительно были мистер Ричард Олдингтон, его дочь и переводчица О. С. Кругерская.

Знакомство на ходу, минутное удивление с моей стороны (я-то представлял писателя по фотографиям тридцатых годов — бледным и строгим юношей с грустными глазами, а здесь седовласый старик в чуть топорщившемся новом пиджаке)... В машине, потом в гостинице «Европейская», где Р. Олдингтону был приготовлен большой номер («Посольские апартаменты»,— сказал он), мы перебросились несколькими фразами.

Помню вопрос Олдингтона по поводу клодтовских коней, удивление, когда я сказал, что Аничков дворец — Дворец пионеров; внимательный взгляд на Гостиный, когда я мельком в рассказе упомянул о том, что в войну это здание горело, впрочем, как и многие другие, мимо которых мы проехали.

В руках Р. Олдингтона было несколько книг, изданных у нас на английском языке. На обложке одной я прочитал «К. Паустовский. «Золотая роза». Я спросил, понравилось ли ему. Он ответил: «Хороший перевод».

И сразу же мы заговорили о планах осмотра города.

В этот же день Р. Олдингтон осматривал Русский музей.

У поэта Роберта Рождественского в одном из стихотворений существуют «мальчики-ремарчики», молоденькие подражатели, тщащиеся походить на героев известного писателя. Они очень бедненькие и очень модненькие, эти «мальчики-ремарчики». И все они бедненькие потому, что жить подражателю всегда очень скучно, и модненькие потому, что мода заменяет им душу.

Как бы удивились эти самые персонажи, если бы они узнали, что один из самых знаменитых у нас в стране зарубежных писателей отнюдь не попросил показать ему абстракцию молодого В. Кандинского, а, наоборот, очень-очень внимательно осматривал и Левитана, и Куинджи, и Шишкина!

Ричард Олдингтон долго ходил по музею. И, кажется, единственной его просьбой за все время пребывания в нашем городе была просьба достать ему альбом Рублева.

Русские иконы приводили его в восторг, и он сравнивал их с мастерами раннего итальянского Возрождения.

Я провел с Олдингтоном все те дни, что он был в Ленинграде.

Мы ездили осматривать стадион имени Кирова, мы были в районах новостроек (Р. Олдингтон сам просил показать ему новые кварталы), конечно, на набережных, в Летнем саду, у Медного всадника.

Я давал объяснения, иногда мне кое-что подсказывал шофер. Шофер был старый ленинградец и солдат Ленинградского фронта. Олдингтон слушал нас внимательно, а потом сказал, что только парижане и ленинградцы так любят свои города.

В Летнем саду он с удовольствием рассматривал статуи и, взяв дочь за руку, водил ее вокруг памятника Крылову, узнавал героев международно известных сюжетов и вспоминал тексты басен. Так, он рассказал притчу о мышах, которые захотели повесить на шею кота колокольчик.

О литературе говорили не много. С русскими писателями Р. Олдингтон, по-видимому, был знаком слабо, но, когда я сказал о том, что в юности мы находили что-то общее между его антимещанским пафосом и стихами раннего Маяковского, он подтвердил, что хотя недостаточно знаком с произведениями русского поэта, но мысль эта в основе правильна.

После посещения Русского музея я подарил ему наш сборник «Русский лубок XV—XIX вв.». Лубок очень понравился Олдингтону, и он написал мне на книге своих рассказов несколько слов благодарности за «чрезвычайно интересную книгу, иллюстрирующую русский фольклор».

Он вообще, как выяснилось потом, часто рассматривал эту книгу, как только возвращался к себе в номер.

И когда кто-то из наших друзей пошутил по поводу ее, ужасно рассердился!

Ричард Олдингтон сказал, что сам он относится к фольклору с большим интересом. И как писатель и просто как читатель.

Спрашивал, кого я люблю из английских писателей, и, кажется, был разочарован, когда я не назвал имя Стивенсона. Когда он задал такой же вопрос Вс. Рождественскому и тот в числе других назвал имя этого писателя, Р. Олдингтон был очень доволен и сказал, что написал книгу о нем (впоследствии он послал ее Всеволоду Александровичу Рождественскому).

Очень уважительно отзывался о писателе Лоуренсе, сказал, что, к сожалению, его знают по одному-двум романам, а писатель он чрезвычайно интересный.

Потом я начал расспрашивать его о той степени, в какой автобиографичны его романы, он ответил, что если вы «хотите создать автобиографический образ — пишите объективно, получится само собой».

Был приятно поражен, когда увидел, что его книги хорошо знают у нас. Он даже как-то встрепенулся, когда к нему один за другим стали подходить люди, полюбившие его героев. Это было и в Летнем саду, и в Книжной лавке писателей, и в Эрмитаже, где девушка-экскурсовод, увидев Олдингтона, воскликнула: «Это самый счастливый день моей жизни!»

Ричард Олдингтон приехал в наш город накануне своего 70-летия — его праздновали в Москве, весело, шумно, товарищески. Кто-то даже поднес ему «настоящий русский самовар» — правда, электрический. Классического тульского самовара в то время найти было невозможно. Он ходил по городу мало, уставал, и мы старались не загружать его зрелищами.

Многое не узнаешь о человеке за три-четыре дня, да я и не пытаюсь создать его «психологический портрет», но у меня было такое ощущение, что Р. Олдингтон, этот старый, уравновешенный, казалось бы, удивительно спокойный человек, находится в каком-то внутреннем смятении, скорее, подобающем его молодым героям. Ему явно нравилось у нас. Многим он просто восхищался. Но о своих оценках он избегал говорить. Думаю, что это была не только природная сдержанность — слишком уж были живы воспоминания о травле, слишком уж трудно жить вдали от родины, да и материальные дела этого замечательного писателя были весьма в плачевном состоянии. Он был доволен потому, что, видимо, во Франции, где он живет постоянно, его знают мало, а в Англии... Я обратил внимание, что, слыша английскую речь в залах музея, Ричард Олдингтон отнюдь не стремился встретиться с земляками — скорее, наоборот.

Я понял, что этот человек очень одинок и что, кроме его дочери Кэт — она названа в честь героини романа «Все люди враги»,— у него, пожалуй, никого нет.

В Эрмитаже я частый гость. И всегда вожу сюда приезжих друзей и своих приятелей из Киева или Уфы и гостей из-за рубежа. Но, кажется, в первый раз гость вел меня.

Ричард Олдингтон входил в залу, становился посредине и начинал подряд называть мастеров. Это были не только прославленные и знаменитые художники, это были мастера, я бы сказал, второго плана. В залах итальянского искусства Р. Олдингтон знал всех! Он шел от картины к картине, объяснял Кэт содержание, манеру письма, жизнь художника. Он восторгался, он радовался, он строил догадки — был ли гуманистом тот или иной персонаж.

Иногда он острил:

— Бедная Медуза, каково ей по утрам расчесывать своих змей!

Иногда шутливо сочинял биографии — так, глядя на мужской портрет работы Франса Гальса, рассказал жизнь героя картины, которого вполне справедливо, на мой взгляд, представил изрядным забулдыгой.

Вообще в залах Эрмитажа он был совсем не таким, каким в машине, на улице, в книжном магазине. Он был каким-то здоровым, сельским. Его легко можно было представить в огороде с лейкой. Было в нем что-то очень милое.

Кэт сказала, что хотела бы родиться лет на сто раньше. Я заметил, что в викторианскую Англию ее, как дочь Олдингтона, попросту не пустили бы. Старик смеялся и снова шел вперед.

Рафаэль, Ван Дейк, Рембрандт, Рубенс... Здесь мы подолгу останавливались.

Случайно разговор зашел об абстракционистах. Олдингтон заявил, что он человек старомодных вкусов и считает, что все это ерунда. Когда упомянули о сюрреалистах, сказал, что Сальвадор Дали начинал как талантливый художник, а потом для завоевания симпатий публики пустился на разные фокусы. Кэт, впрочем, была не согласна с ним и сказала, что некоторые вещи этого художника ей нравятся — в них много-много неба и яркий свет.

Мы прервали осмотр: Р. Олдингтон устал. Но, уходя, мы зашли в дирекцию музея. В. Ф. Левинсон-Лессинг подарил ему том репродукций Эрмитажа. Поговорили о музеях во Франции, в Англии, в Италии.

Каким-то образом разговор коснулся переводов. Выяснилось, что Р. Олдингтон переводил и Вольтера и Боккаччо. Здесь я заметил, что почти все сюжеты «Декамерона» есть в русской сатирической сказке. Р. Олдингтон подтвердил, что народное творчество — вечный источник писателя.

Потом поднялись наверх, пошли по залам нового искусства. Ричард Олдингтон был в восторге. Он говорил, что такого собрания импрессионистов и последующих школ в одном месте он никогда не видел. Он восхищался Монэ, Дега, Ван-Гогом.

Долго сидели в зале Пикассо, и Р. Олдингтон сказал, что дважды встречался с художником.

— Интересно, что каждый период Пикассо был неожиданностью. Пикассо работал втайне. А его подражатели, спекулирующие на открытиях художника, изо всех сил стремились узнать: что же будет нового? И вот открытие выставки, они первыми кидаются посмотреть, что выставил Пикассо, и опрометью мчатся в свои студии, чтобы писать под Пикассо в новом качестве.

Р. Олдингтон смеется.

Идем дальше.

— Нет, пожалуй, и во Франции нет такого собрания.

Вторично обходим залы...

В Ленинграде Олдингтон встречался с писателями, ездил в Дом творчества в Комарово, был на спектаклях балета (но все это с обязательным заездом в гостиницу, с отдыхом). Время его было расписано, но тем не менее он сделал то, что никогда не делал за рубежом: он выступил по телевидению перед молодежью. Он говорил, что самая счастливая работа — это та, которая захватывает тебя целиком, что надо так воспитывать людей, чтобы они нашли эту работу. Еще он говорил о том, как следовало бы использовать свободное время. «Терять его нельзя. Изучайте искусство, читайте книги,— говорил старый писатель.—Используйте удивительные возможности, которые вам предоставили, используйте свой досуг, изучайте искусства».

«Удивительные возможности, которые вам предоставили» — это была, пожалуй, первая фраза писателя о его отношении к нашей жизни. Сдержанность мистера Олдингтона постепенно исчезала. Корреспонденту вечерней газеты он сказал несколько слов благодарности за гостеприимство и тепло; часы, проведенные в Эрмитаже, назвал чудесным, незабываемым утром.

Вскоре Олдингтон с дочерью уехали к себе.

Примерно через месяц — я жил тогда под Одессой — пришло известие о смерти Ричарда Олдингтона. Оно ошеломило меня. Написал несколько слов Кэт.

А когда вернулся в Ленинград, увидел у себя на столе бандероль — это был двухтомный «Декамерон» в переводе Ричарда Олдингтона. На обложке одного тома была репродуцирована картина Венето, на обложке второго — Полициано. На заглавной странице была надпись — память о встречах в Ленинграде.

Бандероль была отправлена за день до смерти писателя.

А еще спустя месяц я получил письмо от Кэт Олдингтон. Она писала: «Я не забуду ни моего посещения Ленинграда, ни того, как мой отец был там счастлив».

Счастье не было частым спутником Ричарда Олдингтона, но в нашей стране оно протянуло ему свою руку.

Б. Тальберг. Род. 1930. ГИМНАСТКИ. 1972.

Г. Яралова. Род. 1938, М. Абдурахманов. Род. 1934. ВЕСЕННИЕ КАНИКУЛЫ. 1979.

УРАГАН

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

Афанасьев, оставшись один, побрился, переоделся, собрал вещи, проверил присланные заранее личные документы, пропуска на право круглосуточного хождения и езды по городу, разложил их по карманам и взглянул на часы. Стрелки показывали 23.00.

В это время открылась дверь, в землянку вошли Дьяур, лесник Трофимов с немецким автоматом за плечом и белой полицейской повязкой на рукаве и прибывший из города Рыбак, одетый в форму ефрейтора немецкой армии, с парабеллумом в потертой кобуре, свисавшей с широкого ремня на тощий живот. В руке он держал большой чемодан. Дьяур, указывая на «немцев», сказал:

— Товарищ капитан! Я гостей к вам привел, принимайте!

Афанасьев вышел из-за стола, внимательно посмотрел на Трофимова и Рыбака.

— Рад, рад дорогим гостям, а тебе, Тимофей Захарович, сегодня рад особенно.

— Я тоже,— ответил лесник.

Рыбак поставил чемодан на пол, вытянулся, щелкнул каблуками, скороговоркой по-немецки выпалил, улыбаясь:

— Господин капитан! Все готово для вашей отправки в город. Докладывает ефрейтор Бадель, ваш денщик.

Крепко сжав его огрубевшие пальцы, Афанасьев сказал:

— Здравствуй, друг мой Георгий!

— Я не Георгий, а Пауль, точнее, с первого числа я ефрейтор Бадель Пауль. Товарищ капитан, прошу хорошо это запомнить.

— Постараюсь,— ответил Афанасьев, всматриваясь в ефрейтора.— Все мы, дорогой Пауль, по тебе и по твоей ухе очень соскучились. Даже запах ее забыли.

— Кончится война, приезжайте к нам на озеро Байкал, я вам такую ушицу состряпаю, всю жизнь помнить будете, а сейчас, Семен Иванович, мне с вами нужно поговорить с глазу на глаз.

— У меня от них секретов нет.— Капитан кивнул на лесника и Дьяура.

— Зато у нас с Тимофеем Захаровичем от вас есть,— пошутил Дьяур и вместе с Трофимовым скрылся за дверью.

— Ну, давай, Пауль, быстро выкладывай, что там у тебя, а то неудобно их долго держать за дверью.

— Пусть подышат свежим воздухом, это полезно. А сейчас разрешите доложить, что мне приказано вас встретить и разместить в отеле «Лейпциг», в люксе на 5-м этаже. Номер я уже заказал и осмотрел — прекрасные три комнаты со всеми удобствами. И еще вам положен по чину адъютант.

— Не было печали, да черти накачали.

— Это вы о чем? — с недоумением спросил Рыбак.

— О том, что теперь нам с вами нужно следить за тем, чтобы под видом адъютанта мне не подсунули агента гестапо или эсэсовца.

— Конечно, самый лучший вариант — взять на эту должность кого-то из своих.

— В моем чине на новом месте это сразу сделать почти невозможно. А как поработаем, обживемся, при удобном случае постараемся заменить своим человеком.

— Пожалуй, верно,— согласился Рыбак.— Ваш непосредственный начальник полковник Везе Губерт считает, что вы должны приехать в город через сутки берлинским поездом.

— Везе о моем приезде получил телеграмму?

— Об этом мне ничего не известно. Но полковник сказал мне буквально следующее: «...Ефрейтор Пауль! Поскольку поезд прибывает в шесть часов утра, а я плохо себя чувствую, поручаю вам встретить капитана Райснера на вокзале, доставить в город, разместить в гостинице, заказать столик в ресторане и в 10.00 доложить мне». Как я понял из разговора Везе со своим адъютантом, он намерен лично приехать к вам засвидетельствовать свое почтение и позавтракать с вами. Он почему-то считает, что вы чертовски богаты, к тому же у вас высокие покровители.

— Как вы намерены доставить меня в город?

— Я прибыл за вами на «опель-адмирале». Мы с Трофимовым оставили его недалеко от шоссе, хорошо замаскировав, конечно.

— А его не обнаружат?

— Не думаю. Сейчас темно, к тому же его охраняют ребята из группы Горохова.

— А как они туда попали?

— На этот вопрос вам лучше ответят Дьяур и Трофимов. Этот пункт они отрабатывали. Моя задача — доставить вас в город. Я привез вам личный пакет, врученный мне Матвеем Егоровичем перед отъездом. От кого он — не знаю. Думаю, что там все, что вам нужно знать, сказано.

— Что же ты столько тянул?

— Хотел все доложить по порядку.— Рыбак расстегнул шинель, вынул из внутреннего кармана небольшой пакет, выложил на стол перед Афанасьевым, а сам открыл чемодан и стал доставать обмундирование.

— Господин капитан! Извольте одеться.

Афанасьев, взглянув на немецкий китель и шинель с погонами, поморщился:

— Убери эту гадость, я переоденусь в машине, а то по пути еще свои подстрелят, как куропатку.

Рыбак закрыл чемодан, стал ждать. Афанасьев вскрыл пакет, дважды прочитал записку, вложенную в него, вышел из-за стола, подошел к «буржуйке», сунул в нее записку, конверт и поджег. Пламя, заплясав, быстро слизнуло их. Убедившись, что все сгорело, капитан вернулся к столу, внимательно просмотрел присланные документы, служебный годичный железнодорожный билет, дающий право проезда в любом пассажирском поезде фатерланда и оккупированных территорий, посадочный талон на занятие 4-го купе в 7-м мягком вагоне скорого берлинского поезда, квитанцию на получение багажа и опись отправленных в нем вещей.

— Молодцы наши товарищи в Берлине, чисто сработали, и «Фауст» не подкачал. Все оформили с немецкой точностью.— Афанасьев протянул железнодорожный билет, квитанцию и посадочный талон ефрейтору: — Георгий, хорошенько запомни, из какого купе и вагона ты выносил мои чемоданы, и постарайся получить остальной багаж вместе с шофером.

— Это нужно задокументировать на случай перепроверки? — спросил ефрейтор.

Афанасьев в знак согласия кивнул головой.

— Не беспокойтесь, все сделаю так, что комар носа не подточит. Думаю, что останетесь мной довольны.

— Поживем — увидим,—отозвался Афанасьев. Помолчал, подумав, спросил: — Мы с тобой все обсудили или есть еще что-нибудь?

— На сегодня, пожалуй, все, некоторые детали обговорим в пути.

— Тогда приглашай товарищей, а то они наверняка уже замерзли.

Рыбак мгновенно скрылся за дверью. Через несколько минут в землянку вошла расстроенная Тоня, за ней Дьяур, Горохов, Трофимов и оставшиеся на острове разведчики группы «Пламя». Афанасьев попросил всех сесть.

— Друзья мои! Я позвал вас попрощаться. Мы хорошо работали вместе, мне легко было быть вашим начальником. Я люблю вас всех и знаю, что это взаимно. Сегодня мне предстоит уйти от вас — каждый из нас выполняет свой служебный долг и долг совести. Там, где прикажет партия. Я всегда буду помнить о вас и по возможности помогать вам из города. Поскольку мне предстоит еще длинный путь, а многих из вас ждет работа ночью, я прощаюсь с вами здесь, в нашей штабной землянке.— Афанасьев шагнул к Тоне, расцеловал в разрумянившиеся щеки и сказал: — Не волнуйся, скоро снова будешь с мужем, я помогу.

Из глаз Тони покатились крупные слезы.

— Вот тебе раз, уж этого я никак не ожидал.

Тоня стала вытирать глаза платочком. Афанасьев поочередно прощался с разведчиками, троекратно — по русскому обычаю — целуя каждого. Когда он подошел к Дьяуру, тот остановил его:

— Нет, так не пойдет, товарищ капитан. Я теперь здесь за старшего, а лейтенант Горохов вроде бы как начальник гарнизона, поэтому по уставу, по всем писаным и неписаным правилам мы проводим вас до берега, там и простимся.

— Доводы убедительны, не возражаю.— Афанасьев надел полушубок, ушанку, набросил на плечо немецкий автомат.— Ну, счастливо оставаться, друзья мои! — Двинулся к выходу.

Старший лейтенант Дьяур, повернувшись к загрустившим разведчикам, распорядился:

— Всем разойтись по местам, каждому заниматься своим делом. У кого дел нет — отдыхать.

Дьяур и Горохов догнали капитана у спуска в ущелье.

— Все, товарищ капитан, прощайтесь с ними,— решительно произнес лесник,— дальше начинается моя епархия.

Капитан посмотрел на Дьяура и Горохова, развел руками — здесь, мол, я не хозяин,— крепко прижал к груди Дьяура, хлопнул его ладонью по плечу:

— Держись, друг, не плошай. Если у меня все пойдет удачно, возьму к себе, как и обещал.

— Спасибо, товарищ капитан, постараюсь не подвести вас.

Прощаясь с Гороховым, Афанасьев попросил:

— Увидишь Николаева-старшего, привет от меня передай, и пусть за сыном своим присматривает, слишком отчаянный он у него. Если его подучить, из него может получиться отличный разведчик.

— Обязательно передам,— пообещал Горохов, поднимая с земли привязанный к толстому стволу сосны свисавший в ущелье канат.

Трофимов, держась за него, спустился вниз, закрепил конец, тихо сказал: «Все в порядке».

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—31.

Афанасьев вынул из кармана никелированный пистолет, передал его Дьяуру:

— Возьми на память, я его еще до выброски в тыл противника как премию по приказу Наркома обороны получил.

— Это для меня дорогой подарок, Семен Иванович, ко многому обязывает,— ответил старший лейтенант, пряча пистолет в полевую сумку.

Афанасьев взялся за канат и стал спускаться вниз. Последним подошел к ущелью Рыбак, посмотрел вниз, недовольно проговорил:

— Тоже мне конспираторы, выбрали место — здесь же сорваться в два счета можно. Альпинисты и те ночью по таким скалам не лазят.— Ворча, он шагнул в темноту.

— Зато надежно,— бросил ему вслед лейтенант Горохов, осторожно на веревке спуская чемодан.

Провожающие еще долго стояли на высоком берегу, вглядывались в темноту ущелья, прислушивались, но, кроме завывания холодного ветра, раскачивающего деревья и сбрасывающего с них на землю налипшие комья снега, ничего не слыхали.

Горохов вытянул из ущелья веревку, смотал ее, бросил под сосну, грустно сказал:

— Ну, вот и все. Ждать бесполезно, все равно ничего не видать. По моим расчетам, они уже где-то на середине озера.

— Может, пойдем проверим, как твои партизаны минируют проходы? — предложил Дьяур.

Горохов нажал на кнопку фонарика, направил его синий свет на циферблат часов:

— Сейчас три часа ночи, мои минеры выйдут на рассвете.

— Тогда вернемся в лагерь, немного отдохнем, а то завтра колготной день. Тоню нужно отправлять, самим в дорогу собираться.

— Пошли. Я тоже сильно устал, буквально с ног валюсь, на ходу засыпаю.

Они зашагали к лагерю. Дьяур вынул портсигар, закурил и, угощая лейтенанта Горохова сигаретой, спросил:

— Вы откуда родом?

— Коренной ленинградец. Работал с отцом на Кировском заводе слесарем — я из потомственных. По путевке комсомола был направлен на учебу в артиллерийское училище. Нас выпустили досрочно на полгода. Я получил назначение в артполк командиром батареи противотанковых пушек. Когда началась война, я был под Смоленском. Там попали в окружение, дрались до последнего снаряда, а потом взорвали пушки и небольшими группами стали выходить. Однажды ночью в лесу встретились с партизанами. С ними пришли в отряд, там и остались.

— А семья где твоя?

— Не успел обзавестись, война помешала. Девушка была, Надя, да я тогда был слишком робкий, стеснялся сделать предложение. Девушку очень любил, а сказать ей об этом не смел. Перед отъездом из Ленинграда зашел к ней домой проститься. Она обрадовалась, видно было. Сел я на диван, уставился на нее, а сказать ничего не могу. Плету что-то о трудностях учебы в училище, о ночных тренировках, об угрозе новой войны. Она глядит на меня, слушает, а думает о другом. Потом поднялась и говорит резко так: «Какой же ты еще ребенок. Надоело мне слушать твои сказки, езжай, куда собрался. Когда поумнеешь, тогда приедешь»,— хлопнула дверью и убежала из дома. Дверь была приоткрыта на кухню, и наш разговор услыхала ее бабушка. Входит она и говорит мне с упреком: «Ну и недотепа же ты, лейтенант! О любви говорить девушке надо, а ты все об училище. Она же не курсант!» «Спасибо, бабушка»,— схватил я фуражку, побежал за Надей, но она как в воду канула. Писем ей написал много, но от нее не получил ни одного. Что случилось? Не знаю. А вскоре началась война. Жив останусь, разыщу ее,— горько закончил лейтенант.

— Да, это была настоящая любовь. Такую девушку упустить! Напиши ей письмо, при первой возможности перешлем на Большую землю.— Они подошли к землянке.— Значит, так, лейтенант, сейчас — спать. Встречаемся в 11.00.— Дьяур зашел в землянку, Горохов поспешил к себе.

К утру капитан Афанасьев, Рыбак и Трофимов подошли к ельнику, где стоял под охраной замаскированный ветками хвои и сухо-

стоем «опель-адмирал». Афанасьев сел в машину, переоделся в форму капитана немецкой армии, на кителе у него красовались железный крест и ленточка о ранении.

Рыбак подал ему шинель, рукавом протер козырек офицерской фуражки с высокой тульей. Афанасьев аккуратно пригладил волосы, надел фуражку.

— Придется померзнуть в этом фрицевском обмундировании.

Рыбак взял гражданскую одежду капитана, отдал Трофимову и обратился к Афанасьеву:

— Господин капитан! Прошу в салон!

Афанасьев сел на заднее сиденье, помахал рукой остающимся, захлопнул дверку. Партизаны сняли маскировку. Машина рванулась вперед, подскакивая на выбоинах.

Пронзительный ветер, дувший всю ночь над островом, утром внезапно стих. Небо очистилось от тяжелых серых облаков, и впервые после долгих пасмурных дней выглянуло солнышко. Его лучи коснулись суровых обветренных лиц партизан, обнажив усталость. Взвод лейтенанта Горохова заканчивал минирование проходов на восточном берегу острова.

Увлеченные работой, они не заметили, как, вынырнув из-за леса, к острову устремилась «рама». Когда они услыхали прерывистый гул мотора, самолет уже был над серединой Гнилого озера.

— Прекратить работу, всем в укрытие,— раздалась команда.

«Рама» снизилась до опасного предела над верхушками деревьев, на бреющем полете прошла над островом.

Дьяур проснулся от гула мотора, быстро соскочил с топчана, сунул ноги в валенки, набросил полушубок, выскочил из землянки. Увидев удаляющуюся «раму», поспешил в штабную землянку. Когда он вошел, разведчики были все в сборе и в полной боевой готовности. Дьяур, оглядев их, спокойно сказал:

— Товарищи! Надо полагать, это фашисты пытаются разведать, какие объекты есть на острове. Наши землянки хорошо врезаны в землю и прикрыты сосняком и снегом. Думаю, что с воздуха их не видно. Сейчас очень важно, чтоб фашисты не обнаружили здесь людей, так что, товарищ лейтенант,— Дьяур обратился к Карлышеву,— распорядитесь: всем находиться в укрытии и чтоб никто не маячил на острове. По-моему, есть тут у нас один, который все время вылезает, демонстрирует свою храбрость. За ним последите особо.

Снова послышался рев мотора — «рама» развернулась и опять пошла с севера на юг. Так повторялось несколько раз, потом она набрала высоту и скрылась за горизонтом.

Когда Дьяур спустился с наблюдательного пункта на землю, к нему подошел Горохов, тревожным голосом сказал:

— Федор Николаевич, не к добру все это. Нужно принимать срочные меры.

— Минирование проходов закончили?

— Сейчас проверю.— Горохов быстро зашагал к причалу, где работали партизаны его взвода.

Дьяур вернулся в землянку к разведчикам, присел на чурбак, сняв шапку, провел рукой по взбившимся черным курчавым волосам. Потом сделал несколько шагов по землянке, что-то обдумывая, распорядился:

— До 24 часов соберите, упакуйте имущество разведгруппы и свои личные вещи. Проверьте, подготовьте оружие, лыжи, одежду, обувь. Короче говоря, группа должна быть готова к передислокации. Лейтенант Карлышев и разведчик Смолянинов остаются на острове.

— Негоже товарищей оставлять одних в опасности, лучше останемся на острове всей группой. А то «рама» не успела помахать крылышками, как мы уже навострили лыжи,— произнес молодой разведчик Семенов.

Дьяур покраснел, сухо ответил:

— Это не моя выдумка, а приказ Центра. Приказы же, как вам известно, подлежат неукоснительному исполнению. Поэтому к 24 часам все должно быть исполнено так, как я приказал...

День угасал. Ночь вступала в свои права. Около штаба Дьяуру встретились Трофимов и Горохов, лейтенант доложил:

— Товарищ старший лейтенант, задание выполнено — все проходы, идущие с восточного берега в глубь острова, заминированы. Какие дальше последуют указания?

— Дальше... Проводник пришел, это за нами. Так что быстрее готовь свой взвод — будете сопровождать разведгруппу к новому месту базирования. На острове в соответствии с указанием капитана Афанасьева остаются Карлышев, Смолянинов и десять партизан во главе с помкомвзвода Ермаковым. Оставишь им бо́льшую часть продовольствия и боеприпасов.

— А как насчет «максима»? Он нам самим в пути нужен по горло.

— Не жадничай, отдай Ермакову. Легче идти будет. Нас поведут дорогами, на которых не должно быть никаких столкновений с фашистами. А если где и наткнемся, отобьемся автоматами и гранатами.

— Быть по-вашему, хотя, откровенно говоря, жаль расставаться с таким оружием.

— В отряд вернешься, другой получишь.— И Дьяур пошел готовиться к отходу.

Зайдя в штабную землянку, он собрал и упаковал в чемодан добытые у противника документы особой важности, деньги, инструкции Центра разведгруппе «Пламя», закрыл его, опечатал личной печатью и вызвал разведчика Званова. Вручив ему чемодан, Дьяур строго сказал:

— Головой, Степан, отвечаешь за доставку его к новому месту. Если со мной что случится, при угрозе захвата — уничтожить любой ценой. В остальном будешь действовать в соответствии с моими указаниями.

— Все понятно, товарищ старший лейтенант,— четко ответил разведчик. Взявшись за ручку чемодана, покрутил головой: — Ну и ну, тяженельный. Одному нести будет трудновато, путь длинный.

— А ты приспособь его на лыжи, как лейтенант Горохов привез «максим». Мозгами лучше шевелить надо, на все случаи жизни начальство указания дать не может.

— Понятно,— смутился Званов и, подхватив чемодан обеими руками, быстро потопал к выходу.

Через час Дьяур встретился с Тоней, выдал ей немецкие документы, деньги на расходы, проинструктировал, познакомил с проводником, охранником, которые прибыли за ней из города, и проводил их с острова.

Вернувшись в штаб, Дьяур передал Карлышеву список людей, проживающих в окрестных поселках и помогавших группе, способы связи с ними, часть денег, ключи от сейфа, сказал:

— Через несколько часов станешь главным на острове. Обстановка сложная, смотри в оба.

— Ладно,— суховато ответил Карлышев, закрывая сейф: сильно был расстроен лейтенант.

Дьяур уложил личные вещи в рюкзак, надел полевую сумку, вскинул на плечо автомат. Карлышев подхватил его рюкзак, потушил лампу, и они вышли из штаба.

Шел мелкий то ли мокрый снег, то ли дождь, когда группа отправилась в путь. Лица, одежда идущих мгновенно намокли, лыжня стала жесткой и скользкой. Передвигались медленно и с трудом.

У северного края острова попрощались с Карлышевым и Ермаковым, остающимися на острове.

Дьяур, взглянув на простиравшееся перед ним озеро, еще раз оглянулся назад, помахал рукой удалявшимся Карлышеву и Ермакову, тихо сказал: «Ну, веди, Трофимыч!»

Лесник дотошно разъяснил порядок перехода через озеро.

— Всем строго исполнять указание,— предупредил Дьяур.

Трофимов медленно двинулся на лед. Выдержав дистанцию, вслед за ним пошло боевое охранение, Дьяур, разведчики, потом и все остальные. Замыкали длинную живую ленту Димка и Горохов...

Вернувшись в лагерь, лейтенант Карлышев собрал в штабной землянке всех, кто остался на острове. Расселись вокруг стола. Лейтенант подкрутил фитиль, в землянке посветлело.

— Ну что приуныли, орлы? — Карлышев посмотрел в лицо каждому из сидевших.— Нас осталось мало, но мы в тельняшках, как говорят моряки. Чтобы выполнить поставленную перед нами задачу, мы должны продержаться здесь 15—20 суток. Не исключено, что немцы попытаются захватить остров. Мы должны быть готовы встретить их так, как встречали врагов наши отцы и деды.

— Мы скорее все умрем в бою, чем фашисты прорвутся сюда,— твердо сказал Ермаков.

— Умирать нам не обязательно,— улыбнулся сидевший напротив Карлышева Силантьев. Он умел говорить о серьезном с улыбкой.— Давайте-ка лучше обмозгуем, как бы побольше фрицев отправить на тот свет без пересадки, если они уж полезут на нас.

— Правильно,— поддержал его стоявший, прислонившись к дверному косяку, молодой пулеметчик Костюк.

Карлышев продолжал:

— Товарищ Силантьев, вы правы: умирать нам не время — дел невпроворот. К тому же командование убеждено, что мы с вами сделаем все, чтоб образцово выполнить поставленную перед нами задачу.

— Не подведем, товарищ лейтенант!— раздались в ответ дружные голоса.

— Верю,— отозвался лейтенант и, взглянув на часы, добавил: — Поздно уже, ребята, всем спать. Смолянинова и Ермакова прошу задержаться.

Карлышев налил из термоса в три солдатские кружки эрзац-кофе и сказал оставшимся:

— Кое-что еще надо обсудить.— Пододвинул к ним кружки.— Петр Иванович,— обратился он к Смолянинову,— нам очень важно знать безошибочно обстановку в прилегающих к озеру селах: наличие в них немецких частей, полицейских, что делается на подходящем к южным берегам шоссе. Дорогу в Никитовку и Богатое вы хорошо знаете, способ связи с «Молнией» и «Ромашкой» вам тоже известен, так что карты в руки.

Вас, товарищ Ермаков, я прошу сегодня ночью проверить наши посты. Людей у нас в обрез, продумайте и завтра доложите, какие еще участки на побережье острова следует дополнительно подстраховать, заминировать, тем более, что мин у нас достаточно.

— Я посоветуюсь с Силантьевым. Он до войны на этом острове два года утиной фермой заведовал. Завтра утречком доложу.

— Сегодня,— поправил его Карлышев.

— Извините, я и не заметил, что уже четыре часа.

Оба вышли из землянки. Через полчаса Карлышев заглянул к Смолянинову, просмотрел документы, с которыми тот собирался идти.

— Выбирай тропы поукромнее, чтобы на глаза немцам и полицейским не попадаться,— предупредил на всякий случай Карлышев, хотя знал, что это — правило для разведчиков.— «Молнии» и «Ромашке» передай, чтобы после нашего ухода с острова связь поддерживали через тайник с Рыбаком в городе. Когда обживемся на новом месте, сами выйдем на них. Пароли остаются прежние. В случае угрозы провала пусть уходят в партизанский отряд. Петр Иванович, сколько тебе потребуется времени на выполнение этого задания?

— Суток десять, не меньше.

— Обстановка сильно поджимает, за семь суток управишься?

— Постараюсь,— ответил разведчик.

На рассвете Смолянинов на лыжах пересек Гнилое озеро. Проводив его до берега, Карлышев вернулся к себе, сбросил куртку, снял ремень с висевшим на нем пистолетом, положил под подушку, в валенках лег на нары и быстро уснул.

— Товарищ лейтенант, над островом снова «рама»! — Карлышев подскочил — перед ним стоял Ермаков.— На сей раз она не только ведет разведку, но и обстреливает остров. Уже подожгла здание бывшей рыболовецкой бригады. Пылает, как факел.

— Передай всем — находиться в укрытии, а сам поднимайся на наблюдательный пункт, смотри внимательно за побережьем, следи, чтоб фашисты под прикрытием самолета не прорвались на остров. Я сейчас оденусь и подойду к тебе.

— Есть! — Ермаков схватил лежавший на столе бинокль и выбежал из штаба.

Продолжение следует.

ПУСТЬ ЗНАКОМСТВО БУДЕТ ДОБРЫМ

Галина ГОГОТИШВИЛИ

Пять лет назад Кутаисский театр имени Ладо Месхишвили возглавил Г. Кавтарадзе; к этому времени труппа давно не числилась в том списке «престижных», на чьи спектакли стремится публика. А ведь были и здесь свои звездные дни. Были и великие режиссеры: Котэ Марджанишвили, Гига Лордкипанидзе, Акакий Васадзе — с этими прославленными именами связаны периоды расцвета Кутаисского театра. В 1930 году в Москве успешно прошли его гастроли. И вот через полвека театр снова в Москве; нынешний главный режиссер Георгий Кавтарадзе известен москвичам более как талантливый актер кино: фильм М. Кобахидзе «Свадьба» принес ему популярность.

Итак, новый для москвичей театр. Новый режиссер. Знакомство с новыми именами... Как-то все сложится?..

Скажу сразу: спектакли кутаисцев показали богатство грузинской театральной культуры. Показали, сколько еще открытий она таит. Показали, что «второстепенный» будто еще вчера театр сегодня может смело соперничать с лучшими коллективами Грузии.

Театр не ставил своей задачей непременно удивить зрителей, поразить их чем-то невиданным, он просто показал живое, богатое высоким чувством, темпераментное — подлинно грузинское искусство... «Кориолан» В. Шекспира, «Дом Бернарды Альбы» Ф. Г. Лорки, спектакль по книге Н. Островского «Как закалялась сталь», называющийся скромно: «Несколько эпизодов из жизни коммуниста», «Измена» А. Южина-Сумбатова, «Картины из имеретинской жизни» Д. Клдиашвили и, наконец, современная пьеса «Потомство» А. Чхаидзе...

Все эти спектакли поставлены режиссером Г. Кавтарадзе. И нужно отдать ему должное: он продемонстрировал и разнообразие почерка и блеск вдохновения.

— Ни один спектакль для меня не случаен,— говорит Г. Кавтарадзе.— Каждый развивает гражданственную традицию театра. И все спектакли — это откровенный разговор со зрителем о свободе и чести человека во все времена, о социально активном герое, умеющем отстоять человеческое достоинство.

Да, глубокий интерес к личности человека характерен для театра. И в этом интересе, определившем тему многих постановок, продолжение традиций грузинского театра в целом. О двух спектаклях хочется сказать подробнее. Это «Кориолан» и «Несколько дней из жизни коммуниста»: они стали украшением гастрольной афиши и явили нам прекрасных актеров. Больше того, невзирая на разность эпох и событий, оказались родственны между собой образами духовно высоких людей. Ради светлых минут волнения, очищающих и возвышающих душу, и ходим мы в театр, ради таких минут существует Театр.

К сожалению, все реже и реже люди стали испытывать свою горячую сопричастность к герою, чувствовать тот самый «комок в горле», который на театре дорого стоит. Все чаще режиссеры предлагают работу для ума, мало что оставляя сердцу... И особенно больно бывает за классику. Поистине безжалостно обращаются многие режиссеры именно с классикой, оттесняя, а то и просто подменяя автора, выставляя на первый план себя, свои режиссерские «новации»; стремясь поставить знак равенства между собой и классиком.

Что и говорить, Шекспир труден для постановки: об этот камень «споткнулся» ни один театр, поскольку возможность соблазнительного панибратства с классиком чаще всего прикрывает творческую беспомощность режиссера. Опаснее всего здесь то, что кассовый успех подобных спектаклей неизбежно влечет массу подражателей.

Г. Кавтарадзе не следовал сомнительной «моде» и поэтому выиграл. Он не искал «новаций», а просто поверил человечности Шекспира, соединив с его философской глубиной собственные размышления, собственный взгляд на жизнь. И спектакль получился неподдельно шекспировским, сочным и полнокровным. Впечатление еще больше усиливают аккорды бетховенского «Кориолана». Эта музыка с большим тактом использована композитором Т. Бакуридзе.

Безусловной победой стал заглавный образ Кориолана в исполнении Е. Сванадзе. Он создал характер бескомпромиссный, сильный в своей гордости — не «сословной», а человеческой. Герой наделен незаурядной внутренней силой; лаконизм жестов, красота звучного голоса дополняют его облик. Грим, от которого, кстати, мы тоже отвыкли (даже великие исторические деятели предстают на иной сцене с «лицом актера»), тоже позволяет видеть гордого, величавого патриция.

Высокое мастерство Е. Сванадзе дает ему возможность и в самых «ударных» местах играть без нажима. Огромный же темперамент даже при внешней сдержанности выражает истинно шекспировскую мощь героя,— актер с безупречным мастерством сумел и в его смерти передать благородство человеческого духа.

Строгим и вдохновенным стал спектакль «Несколько дней из жизни коммуниста» по роману Н. Островского «Как закалялась сталь»... Много было сценических толкований этой книги. Кутаисский театр предлагает свое собственное видение романа. Известно, что проза много теряет, когда ее переносят на сцену. Поэтому очень бережно, с большим чувством такта отбирал режиссер вошедшие в спектакль эпизоды. Словно опаленные огнем революции и гражданской войны рельсы узкоколейки, составленные в пирамиду винтовки,— ни одной лишней детали. Сценическое оформление (художник М. Швелидзе) сливается с отчетливой и строгой мыслью спектакля. Режиссер сосредоточил все внимание на внутренней жизни Павки Корчагина. И спектакль обрел особую глубину сдержанной страстности.

Конечно же, успех и здесь во многом определен В. Окрошидзе, исполнителем роли Корчагина. Актер рисует Павку внешне неяркими красками, никак не стремясь «выделить» его. Павку — В. Окрошидзе принимаешь сразу, без раздумий,— столь естествен он в каждом движении.

Глядя «Измену» в Кутаисском театре, никак не скажешь, что эта пьеса устарела или скучна: такое живое красочное полотно развертывает режиссер. Театр не увлекся занимательным сюжетом, снял налет мелодраматизма и высветил ярко тему героического подвига, воплощенного в образе царицы Зейнаб. Героиня в исполнении Э. Хутунашвили исполнена неподдельного чувства и глубокой искренности. Но ведь эта роль требовала от актрисы еще и огромного сценического мастерства; эту роль в свое время играли Ермолова, Савина... И надо сказать, актриса с честью справилась со своей задачей.

Кутаисский театр вообще покоряет богатством актерских индивидуальностей. Это и Е. Сванадзе и Э. Хутунашвили (имея таких великолепных актеров, театр может себе позволить постановку любой пьесы Шекспира). Это и психологически точный в игре В. Окрошидзе, и сдержанный А. Херхадзе; это обаятельная М. Саманишвили, яркая Д. Табатадзе; это Г. Гелекова с его внутренней нервностью... Это Г. Какауридзе, с великолепной характерностью сыгравший Анания в «Измене», это талантливая Н. Тодадзе... И нельзя не сказать слово благодарности художнику театра Дж. Пачуашвили. Тонко чувствуя замысел режиссера, он всегда находит точную смысловую деталь, без которой спектакль уже и нельзя себе представить. Алый шатер и свисающие сверху колокола в «Измене». Веревочная клетка, где живут дочери-узницы в «Доме Бернарды Альбы». Сочные бытовые подробности грузинской деревни конца прошлого века в спектакле «Невзгоды Дариспана»...

Обо всех спектаклях и артистах Кутаисского театра просто невозможно рассказать в этих рамках: самое главное в том, что театр москвичам понравился. Его полюбили. Спектакли запомнились. И как говорит главный режиссер Г. Кавтарадзе: пусть наше знакомство будет добрым.

«Картины из имеретинской жизни». Фото М. Строкова.

Виктор ПРОНИН

ЧУЖАКИ

Немногим более года назад в одной из ленинградских гостиниц «Интуриста» был задержан неизвестный гражданин, который занимался довольно необычным делом — распространял среди публики машинописные листочки, при ближайшем рассмотрении оказавшиеся материалами религиозно-клеветнического содержания. Кто брал листочки, кто сторонился, но странный гражданин настойчиво приставал со своим товаром, за который, кстати, он ничего не требовал, кроме самой малости: пусть бы туристы увезли листочки в свои далекие и близкие страны, пусть бы отнесли их в свои заморские газеты и журналы, передали бы их на радио и телевидение, вручили бы государственным и общественным деятелям, чтоб все знали, про что там написано, а главное — кто написал. Последнее обстоятельство авторам было особенно небезразлично.

Так начинались события, закончившиеся тем, что некий Огородников Александр Иоильевич оказался на скамье подсудимых — ему было предъявлено обвинение в преступлении, предусмотренном частью 1 статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР. В статье речь идет об антисоветской агитации и пропаганде. Огородников почитал за долг регулярно откликаться на различные события внутреннего и международного характера. Причем не просто откликался, а выискивал повод высказать неудовольствие по поводу деятельности правительства, принятия тех или иных решений, подключал знакомых, родню, находя в самых обычных житейских ситуациях нечто зловещее, гнетущее, используя заведомо ложные слухи и сплетни. Отрицательного отношения к порядкам в нашем государстве, да и к самому государству он не скрывал. И, конечно же, самые различные зарубежные печатные издания, штатные пропагандисты, «голоса» весьма охотно подхватывали заявления Огородникова и несли по белу свету со скоростью, на которую способна современная техника.

Последнее время зарубежные «доброжелатели» весьма охотно потчуют нас остросюжетными новостями из нашей же собственной жизни. Дескать, и то у нас не так и это плохо, кого-то наказали незаслуженно, а кого-то не наказали по заслугам, а кого-то даже силком лечить принялись от очень опасного заболевания. И совсем их не волнует вопрос о том, что в «новостях» нет и крупицы истины — главное, как они считают, эти «новости» сообщить...

Александр Огородников... Сколько было восторгов, волнений, возбужденных телефонных перезвонов и взаимных поздравлений, когда однажды он услышал свое имя в передаче «Голоса Америки»! Бедняга бегал по комнатам, не в силах унять волнение, обнимал попадавшихся на пути домочадцев.

— Прозвучало, прозвучало имя мое! — повторял он без конца.— И еще прозвучит!

Да, Александр Огородников, заросший детина тридцати неполных лет, без образования и определенных занятий, был уверен в те счастливые минуты, что начинается для него другая жизнь, наполненная пресс-конференциями для иностранных журналистов, разоблачительными заявлениями, открытыми письмами президентам и премьерам, международными аэропортами и восторженно внимающими ему разноязыкими толпами почитателей.

Он ошибся. Его ожидала совсем другая жизнь. Огородников был привлечен к уголовной ответственности. Вот несколько строчек из приговора суда, состоявшегося в конце прошлого года: «Огородников А. И. виновен в антисоветской агитации и пропаганде. Преступные деяния имели место в период с 1975 года по сентябрь 1979 года в городах Москве, Смоленске, Батуми, Комсомольске-на-Амуре и поселке Редкино Калининской области... Посягая на политическую основу СССР — Советскую власть, Огородников А. И. договорился с Порешем В. Ю. об изготовлении с целью распространения нелегальных машинописных материалов, в которые включил составленные им лично письма клеветнического характера генеральному секретарю Всемирного совета церквей доктору Филиппу Поттеру...» и многие другие документы, заявления для прессы, составленные в одиночку и в соавторстве...

Возникает естественный вопрос: а при чем тут, собственно, Всемирный совет церквей, доктор Поттер и прочая религиозная терминология. Оказывается, все далеко не случайно и не столь просто, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что с нашим героем однажды произошла странная вещь — он поверил в Иисуса Христа. Поверил, и все тут. Чего в жизни не бывает, никому в общем-то не запретно, пожалуйста, веруй на доброе здоровье. В конце концов так ли уж мало людей, которые под влиянием ближних, в силу особенностей душевного склада, после жизненных потрясений находят успокоение в вере. Дело, как говорится, личное. Это им не мешает быть достойными, порядочными людьми, честно выполнять свои обязанности и перед обществом и перед семьей.

Но здесь дело оказалось далеко не личным и не имеющим никакого отношения к тому трепетному состоянию души, когда человек проникается верой в высшие силы. В самом деле, много ли каждый из нас может припомнить случаев, чтобы человек, в весьма зрелом возрасте уверовав и став православным христианином, начал бы кричать об этом на каждом углу, собирать журналистов, чтобы рассказать о том, что с ним произошло, писать за рубеж...

А ведь именно такая история произошла и с Владимиром Порешем, и с Александром Огородниковым, и с Татьяной Щипковой, Виктором Попковым, Владимиром Бурцевым — православными стали и тут же взялись за изготовление антисоветских писем, рассылать их принялись и жаловаться, как тяжело им верить в бога, какие притеснения испытывать приходится.

Что бы мы ни услышали от самых различных «голосов» о положении верующих в нашей стране, сами-то авторы антисоветской стряпни прекрасно знают, что положение это весьма далеко от того, что они вещают. Свобода вероисповедания у нас естественна, защищена законом, и Огородников со своей компанией мог верить в бога, сколько им было угодно. Но цель была иная. Вначале тайные сборища, затем трапезы с долгими разговорами о том, что мы-де не о себе печемся, мы о положении верующих беспокоимся, поскольку сами веруем. И рассылали письма открытые и закрытые, по почте и с туристами, отпечатанные на машинке, переснятые на фотопленке. Призывая в свидетели всех святых, они начиняли свои послания обыкновеннейшей клеветой — это доказано на суде.

Поскольку был надежный сбыт, некапризные потребители, Огородников с приятелями чувствовали себя при важном деле, при международных контактах. Как не зауважать себя, если пишешь на конверте: генеральному секретарю Всемирного совета церквей, архиепископу Нью-Йоркскому, делегатам ассамблеи Всемирного совета церквей и так далее. Впрочем, это были не письма в полном смысле слова, это особый жанр антисоветского произведения, изобретенный в пропагандистских центрах Запада. Частенько письма, адресованные Филиппу Поттеру, в первую очередь попадали вовсе не к нему. До того как письмо добиралось до канцелярии генерального секретаря Всемирного совета церквей, оно уже успевало быть и опубликованным и прочитанным на различные «голоса».

В чем же суть «разоблачений», которые делали Огородников, Пореш и прочие? Оказывается, очень тяжело жить верующим в Советском Союзе. Их избивают на улицах, выгоняют из учебных заведений, их помещают в психиатрические больницы, лишают дипломов, да что там мелочиться — их попросту убивают, если не каждый день, то все-таки случается... Все это излагалось весьма красочно, с многими деталями. Несмотря на очевидную ложь, друзья довольно долго оставались в полной неприкосновенности, по собственному опыту, таким образом, зная, что никто не нарушит их прав, их свобод, их убеждений. Даже такая деятельность, в сути своей весьма далекая от христианской, позволяла им устраивать пресс-конференции, встречаться с иностранными туристами, да и зарубежные посланники со специальными заданиями зачастили к неофитам.

Может быть, в азарте международного общения они не понимали, во что выливается их суета? Ничуть, прекрасно понимали. Один из них на суде так и сказал: «Я признаю, что политический аспект моих публичных выступлений наносил ущерб авторитету и престижу советского государственного и общественного строя, то есть тем самым я способствовал подрыву и ослаблению Советской власти».

Весьма доходчиво выразился по этому поводу и Джонсон, председатель комитета политической информации США: «В идеологической борьбе с коммунизмом нам нужна не правда, а подрывные действия: в такой войне потребуются все головорезы и гангстеры, которых мы можем заполучить тем или иным способом».

Когда знакомишься со всей этой историей, листаешь многотомные дела обвиняемых, больше всего интересует, кто же они, какого мнения о них люди, хорошо их знавшие... И надо сказать, эти мнения не противоречат всему происшедшему, более того, дают дополнительное освещение их падению—наверно, можно употреблять это слово, поскольку некоторые из них, раскаявшись в своей деятельности, не прочь употребить его и вслух и письменно...

А. В. Арро, ленинградский коллега Владимира Пореша:

— Все его разговоры сводились к тому, какой поддержкой он и его друзья обладают на Западе, что они в своей деятельности не одиноки. Пореш ругал и предавал анафеме все советское. В его разговорах сквозило откровенное тщеславие, он убежденно твердил, что о них заговорят на Би-би-си и тогда все узнают, какие они герои и страдальцы.

Как видите, нечто религиозное в Пореше все-таки прорывалось — когда дело доходило до проклятий, он предавал анафеме, то есть прибегал к явно церковному обо-

роту, как средству наиболее сильнодействующему, с его точки зрения.

А вот что говорит Аркадий Дмитриевич Головушкин, человек, не один год знавший Пореша:

— Пореш огульно охаивал все меры по построению коммунистического общества в нашей стране. Одним из путей изменения советского строя, предлагаемых Порешем, было обращение всего народа в православную веру с целью изменения сознания, что, в свою очередь, должно привести к изменению политического строя.

Здесь надо сказать, что Пореш в разговорах с друзьями и знакомыми излагал не свои мысли, тут он явно пел с чужого голоса, причем прекрасно зная, чьи песни поет. Аллан Дрейфус, сотрудник спецслужб Соединенных Штатов Америки, эти же мысли выражает куда внятнее: «Посредством церкви мы можем действовать с наибольшей эффективностью. Церковь имеет для нас важное значение. Это наиболее легкий и надежный способ проникновения в страну».

Самой показательной, характерной фигурой во всей компании является Александр Огородников. Описывая свою биографию в письмах господину Поттеру, жалуясь на притеснения, выпавшие на его долю, на свои злоключения «в суровой и невежественной стране», Александр Иоильевич пытается предстать перед зарубежными слушателями и читателями этаким великомучеником за веру, одним из руководителей «русского религиозного ренессанса», как он любит выражаться.

Некоторое время назад имя Огородникова можно было частенько услышать, повертев ручки радиоприемника. Зарубежные благодетели не уставали напоминать о злоключениях Александра Огородникова и его приятелей, не давая себе труда убедиться в их правдивости, потому что знали наверняка — правдой тут и не пахнет.

Так вот, судя по этим сообщениям, судьба Огородникова в самом деле может потрясти и вызвать искреннее сочувствие. Оказывается, он был в свое время безжалостно исключен из свердловского университета за то лишь, что были у него непозволительные свободолюбивые настроения. В чем они заключались и к какой такой свободе стремился вчерашний выпускник средней школы, «голоса» умалчивали, но, надо сказать, именно недосказанность и придавала сообщениям особую прелесть.

А еще Огородникову не дали окончить Московский государственный университет. Выгнали. За веру в бога его исключили из Всесоюзного государственного института кинематографии. Да что там институты и университеты, это уже, так сказать, высшие инстанции. Огородникова, как выяснилось, даже из грузчиков столовой уволили сразу, как только узнали, что он верующий.

Как видите, порядки у нас таковы, что или с жизнью прощайся, или с богом — только такой вывод мог сделать простодушный зарубежный обыватель. Да и как удержаться от такого вывода, если Огородников вроде далеко не исключение, если его друзей, как он уверяет, не только из институтов выгоняли, их сажали в психиатрические лечебницы, избивали на улицах, грозили всеми бедами и несчастьями.

Что же было на самом деле, что стоит за всеми «муками» и «страданиями» Огородникова?

Действительно, было установлено, что его в свое время приняли в свердловский университет. Проучился там несколько месяцев и был с позором изгнан. Достоянием гласности стало его сожительство с несовершеннолетней девочкой. На языке закона это называется растлением малолетних. Причем все происшедшее было сдобрено изрядной долей подловатости, описывать которую здесь вряд ли стоит. Можно только добавить, что в уголовном деле Огородникова лежит заявление пострадавшей, из которого ясно, что сожительство началось с изнасилования. Вот несколько строчек из ее недавнего заявления:

«Говоря о личных чертах характера Огородникова, я хотела бы отметить его повышенное мнение о своем умственном развитии, эгоизм, желание быть на виду. В то же время по натуре он трус, в критических ситуациях всегда пасует, старается спрятаться за чужую спину. Его поведение по отношению ко мне я расцениваю как подлость. Тогда наша семья в материальном плане жила хорошо, и Огородников, посещая меня, всегда восторгался обстановкой в доме. Он говорил, что когда мы поженимся, мой папа поможет получить нам отдельную квартиру и будет нам материально помогать. Но то, что произошло потом, по низости превосходит все мыслимое...»

Естественно, когда в университете узнали об этом, то в полном соответствии с нашими нормами нравственности, Огородникова исключили из университета, несмотря на обильные заверения, обещания и прочие маскировочные маневры. Ни о каких крамольных мыслях Огородникова его бывшие сокурсники не помнят, да и до того ли было тогда Огородникову? Так что исповеднические муки его начались с серьезного уголовного преступления.

Далее следует Московский государственный университет, который якобы Огородникову также не дали закончить. А в этом учебном заведении он и не числился никогда и поступать не пытался, не сдавал вступительных экзаменов, так что даже на неприятие по религиозным мотивам сослаться он не может. Обманул Огородников господина Поттера.

Вообще надо заметить, что чем больше знакомишься с документальным, а не выдуманным житием Александра, тем более ясно и отчетливо предстает обыкновеннейший проходимец, ловкач и лодырь, правда, с одним существенным отличительным признаком — непомерным тщеславием и явной склонностью к правонарушениям. Его характер дает наглядное представление, насколько всеядны и неразборчивы в своих избранниках западные средства массовой информации, насколько тяжела у них жизнь, если даже такого человека, как Огородников, они готовы возвести в ранг великомученика, строить на нем пропаганду, организовывать отштампованные письма со стандартными требованиями, слезливыми просьбами о помиловании.

Далее на жизненном пути Огородникова оказывается институт кинематографии. Поступил он в это заведение, надо понимать, вовсе не из стремления утвердить веру в кинематографических сферах мира. Именно этот институт иным пылким юношам и красивым девушкам, мечтающим о жизненном успехе, представляется едва ли не первой и самой важной ступенькой к славе и богатству. Не уберегся от этой иллюзии и будущий глава «религиозного ренессанса». Но через год Огородников понял, что труд — он везде труд, а с его способностями рассчитывать на некий головокружительный взлет трудно, что кинофестивали, кинозвезды, «золотые пальмовые ветви» и прочее — все это очень далеко и путь к ним лежит через такие усилия и жертвы, на которые он явно неспособен.

С нескрываемой озабоченностью «голоса» сообщили в свое время, что за религиозные убеждения Огородников исключен из ВГИКа со всей безжалостностью, свойственной советской системе.

Несколько уточнений. Во-первых, Огородников действительно был исключен из института, но до того, как уверовал в бога. В 1973 году. В то время крестик на шее он носил исключительно из соображений моды и опять же по причине увлечения хиппи. Хипповым малым был тогда Александр. Ходил в лохмотьях, смешил длинными патлами студентов и преподавателей, его комната в общежитии до утра вибрировала от записей хипповой музыки, что было причиной многих неприятностей,— соседи по общежитию не раз жаловались на Огородникова.

Второе уточнение. Исключен Огородников из института был по той причине, что не занимался и не желал заниматься, демонстрируя вопиющее пренебрежение к учебе. А перед летней сессией вообще снялся с насиженного места и с хипповой компанией, заросший, в прекрасных лохмотьях и с переметной сумой из мешковины, отбыл в сторону Прибалтики. Отнюдь не в поисках смысла жизни. В те времена Огородников был твердо уверен, в чем он, этот смысл жизни,— гульбища, игрища, рубища...

Поступки, деяния Огородникова легко и закономерно выстраиваются в один логический ряд, по которому весьма уверенно можно судить и о самом человеке и о том, какими ценностями он живет, к какой жизни стремится. Надо ли удивляться тому, что где бы он ни оказался, в какой бы коллектив ни попал, его внутренняя подпорченность вскоре проявлялась настолько бесспорно, что он отторгался, как чужеродное тело. Но Огородников был не из тех людей, кто станет убиваться из-за этого; свои злоключения он объяснял злобством людским, несправедливостью, жестокосердием властей по отношению к нему, человеку незаурядному, ищущему.

Дальнейшие искания привели Огородникова в столовую, на должность рабочего по переноске продуктов. Обидно, конечно, но что делать? Стажа никакого, образование среднее, специальности нет. На должности подносчика Огородников удержался недолго, ушел. А сердобольный зарубежный слушатель узнал, что из рабочих Огородникова выгнали все за ту же веру. Цените, дескать, свою буржуазную систему, молитесь на нее, а то вон за тем «железным занавесом» и помолиться не дают.

Илья Иванович Тарасов, директор столовой, рассказывает:

— А я и не знал, что Огородников верующий. Претензий к нему не было, числился он на должности по переноске продуктов. Ушел по собственному желанию, о чем и записано в его трудовой книжке.

Потерпев сокрушительное поражение по части образования, Огородников решает вообще плюнуть на него, утвердившись в мнении, что и так образован предостаточно. Во всяком случае, для должности подносчика западных средств пропаганды. И вот тогда-то посыпались за рубеж письма, заявления, разоблачения, обращения. Причем надо сразу заметить, что относился Огородников к им же самим избранной роли весьма недобросовестно, товар заказчику отправлял явно недоброкачественный, не без оснований полагая, видимо, что там и за это благодарны будут.

Другими словами, можно сделать вполне обоснованный вывод, что Огородников от предательства по отношению к одному человеку, беззащитной девчонке, вполне закономерно перешел к предательству по отношению к стране, ее народу. В самом деле, много ли будет за рубежом уважения к народу, который безропотно терпит подобные притеснения? Так что и на свой народ возводил Огородников поклеп.

Как Огородников свою биографию представил зарубежному потребителю, мы уяснили. Из его же послания «Голос Америки» узнал и не медля сообщил миру о том, что неких Бориса Развеева и Сергея Шувалова тоже покарали за веру в бога. Впоследствии выяснилось, что оба они — приятели Огородникова еще чуть ли не со школьных времен, и оба были немало удивлены заботой, которую проявила «мировая общественность» об их скромных особах.

Сергей Юрьевич Шувалов:

— Встретив однажды Огородникова, я спросил у него, зачем он написал обо мне письмо за рубеж, ведь он хорошо знал, что из университета меня не исключали. Огородников ответил, что ничего, дескать, старина, ты на этом деле еще выиграешь. Если говорить о моем личном мнении, то я считаю, что письмо отправлено за рубеж с явной целью оклеветать наш государственный и общественный строй.

А вот свидетельство Юрия Обухова, который хорошо знает и Огородникова и обоих «пострадавших»...

— Я был дома у Бориса Развеева, когда его отец вдруг пригласил нас к приемнику и сказал: «Борис, про тебя «Немецкая волна» передает!» Мы действительно убедились, что «Немецкая волна», а потом и «Голос Америки» передали, будто моего знакомого Сергея Шувалова за религиозные взгляды исключили из университета, а Бориса Развеева якобы лишили диплома юриста. Передали также, что самого Огородникова за веру в бога отчислили из ВГИКа. Между тем мне хорошо известно, что Сергей сам бросил учебу, Бориса никто диплома не лишал...

Окончание следует.

Вор с мотором

Михаил ВЛАДИМОВ

ФЕЛЬЕТОН

В Семилукском районе Воронежской области за последние годы участились кражи колхозного и совхозного имущества с использованием личного автотранспорта. В соответствии с пунктом первым статьи 86 УПК РСФСР транспортные средства в таком случае должны быть конфискованы. Однако это выполняется далеко не всегда.

М. СИДОРОВ.

г. Семилуки.

На ферме вновь переполох:
Полсотни кур исчезло!
А похититель только клок
Оставил лисьей шерсти!
Но что за странная лиса
Повадилась за птицей:
След не от лап —
От колеса
На колее оттиснут!
Капкан поставили — не взял...
Устроили засаду.
В ней просидел завфермой зря
Четыре ночи кряду.
И вдруг на пятую — мотор
Услышал... Тихой сапой
На «Жигулях» подъехал вор.
«С добычей надо сцапать!» —
Решил завфермой... Подождав,
Пока мешок заполнит,
«Держите вора!» — крикнул зав,
К нему метнувшись молнией.
Но тот — к багажнику с мешком.
Потом — за руль. И драпать!
С мотором вор.
А зав — пешком:
А ну, попробуй сцапать!..

Трудней охране с неких пор,
Сложнее — прокурорам:
Сегодня вор — не просто вор,
Сегодня вор с мотором.
Себе на службу «техпрогресс»
Он ставит то и дело.
Автопилою валит лес,
Чтоб сбыть его налево.
На новой технике идет
Преступная охота:
Вор с вездехода лося бьет,
Оленя — с вертолета!
Мы подаем на вора в суд,
Бичуем в приговоре.
Но, легкий пережив испуг,
Вор снова... при моторе!

«Ну, а лиса?!»
Ах, я забыл!
Упрек лисе бессмыслен
И беспричинен: просто был
Водитель... в шапке лисьей!

Рис. В. Тильмана.

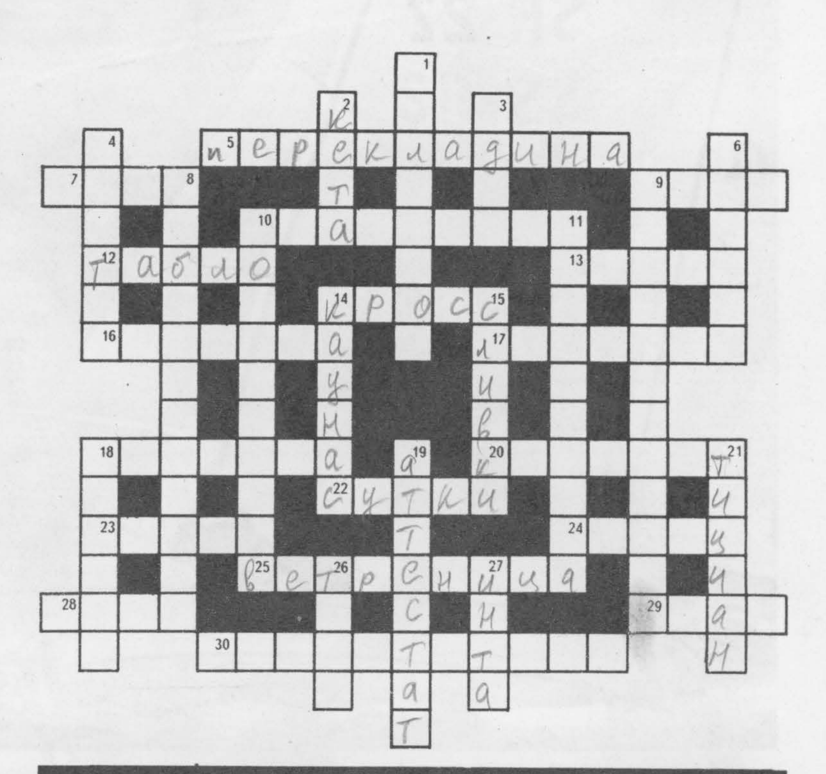

Рис. А. Орехова

Рис. Е. Милутки

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Гимнастический снаряд. 7. Парусное судно. 9. График, один из основоположников советского агитационного плаката. 10. Химический элемент, металл. 12. Щит со световыми сигналами, надписями. 13. Герой популярной грузинской народной поэмы. 14. Спортивный бег по пересеченной местности. 16. Лечебно-профилактическое учреждение. 17. Французский математик и механик XVIII и XIX веков. 18. Птица отряда куриных. 20. Ансамбль музыкантов-исполнителей. 22. Единица времени. 23. Город в Томской области. 24. Картина Кукрыниксов. 25. Ранневесенний лесной цветок. 28. Одна из самых ярких звезд северного полушария. 29. Стихотворение Н. А. Некрасова. 30. Подбор различных видов товаров, изделий.

По вертикали: 1. Минерал, поделочный камень. 2. Лососевая рыба. 3. Птица с пестрым оперением и хохолком. 4. Металлическая заготовка. 6. Грузоподъемность судна. 8. Вид литературы, посвященной общественно-политическим вопросам современности. 9. Хоровой дирижер и композитор, народный артист СССР. 10. Авиаконструктор, Герой Социалистического Труда. 11. Декоративное травянистое растение, цветок. 14. Город в Литве. 15. Молочный продукт. 18. Медуза. 19. Документ об окончании среднего учебного заведения. 21. Живописец, глава венецианской школы Высокого Возрождения. 26. Повесть М. Горького. 27. Приток Печоры.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 31

По горизонтали: 1. Гайдн. 4. Эрбий. 9. Пилотаж. 10. Грязной. 13. «Светлана». 14. Гамбит. 15. Сельдь. 16. Чибурданидзе. 19. Каркаралинск. 23. Карасу. 25. Консул. 26. Глиптика. 27. Горилла. 28. Крейсер. 29. «Казак». 30. Орган.

По вертикали: 2. Амирхан. 3. Дрогобыч. 5. «Раздолье». 6. Иноходь. 7. «Фауст». 8. Триас. 11. Деепричастие. 12. Бальнеология. 17. Бобр. 18. Дерн. 19. Квадрига. 20. Конвейер. 21. Маслова. 22. Густера. 24. Уголь. 25. Капри.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Члены калужского клуба бега «Пульс» — восьмилетний Леша Зотов и восьмидесятилетний Петр Константинович Фадеев (см. в номере материал «Радость бега»).

Фото А. Бочинина.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Софийский собор. * Экскурсовод Ирина Селичева. * Новгородская икона «Битва новгородцев с суздальцами». XV век.
(См. в номере материал «Господин Великий Новгород».)

Фото И. Тункеля.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 20.07.81. Подписано к печати 4.08.81. А 05151. Формат 70 × 108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 2064. Заказ № 888.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Старт яхт класса «Солинг».

ПРИРОДА ПАРУСА

В. ВИКТОРОВ

Фото В. САЛЬМРЕ

Природа паруса противоречива: до старта яхты жмутся друг к другу, чуть ли не трутся бортами, словно боятся одиночества, и гонки начинают такой плотной массой, что, кажется, даже шестибалльный шквал не сможет разъединить их. Но, проскочив стартовый створ, они мгновенно разлетаются в разные стороны, и каждый рулевой ищет свой ветер, свою удачу. Только что около судейского судна было полным-полно парусов, и вот уже нет никого, и только с помощью мощного бинокля можно следить за маневрами участников гонки.

Удивительный спорт! Таинственный, как сам ветер, недосягаемый для непосвященного глаза. В его прирсде лежит тяжелый моряцкий труд на берегу и неуловимая гоночная интуиция на воде. Был на последней Балтийской регате такой случай. Что-то не поладилось у одного из самых перспективных гонщиков в классе «Звездный», Андрея Балашова, и никто не мог понять, в чем дело, пока один из старейших эстонских яхтсменов не поставил диагноз: ему надо ослабить напряжение и нервов и шкотов. Балашов послушался совета, и его яхта пошла.

Вот этим-то искусством не перенапрягать ни свои нервы, ни свой парус прекрасно владеет победитель в этом классе Валентин Манкин, олимпийский чемпион. Вообще этот класс для нас очень счастливый — ведь еще на римской Олимпиаде Тимиру Пинегину и его шкотовому Федору Шуткову удалось завоевать золотые медали. «Звездники» одни из самых скоростных яхт, только катамараны «Торнадо» превосходят их в быстроте, но «Торнадо»—новички в олимпийском строю, они впервые появились в 1976 году на озере Онтарио, а «Звездники»—старожилы Олимпиад. Впервые стартовав еще в 1932 году на Олимпиаде в Лос-Анджелесе, они держались в строю на всех регатах вплоть до Монреаля, где на смену им пришли катамараны «Торнадо». Но пауза для «Звездников» была невелика, и они сразу же вернулись в строй и участвовали в олимпийской регате 1980 года в Таллине.

Теперь вместе с самыми большими яхтами класса «Солинг», экипаж которых состоит из трех человек, «Звездники» и «Торнадо» составляют один отряд. Еще три класса входят в разряд швербботов — одиночки «Финн» (где, кстати, в 1968 году Манкин завоевывал олимпийское первенство, а Балашов в 1976 году серебряную награду), «Летучий голландец» и «470» — самая современная скоростная яхта, где дерево целиком сменили пластмассы, за что гонщики и прозвали ее не очень уважительно «мыльницей».

Вот эта-то блестящая шестерка до последнего времени с разными вариантами и входила в олимпийскую классификацию, но теперь в ней появился еще один, седьмой класс,— «Виндглайдер», а в морском лексиконе новое слово «Виндглайдеры».

Кто же такие виндглайдеры? По внешнему виду в своих черных, туго обтягивающих тело гидрокостюмах эти яхтсмены очень похожи на любителей подводного плавания. Но в отличие от обладателей аквалангов виндглайдеры плавают не под водой, а на воде, хоть и готовы к мгновенному погружению. Аварии во время гонок в этом классе довольно часты, но быстро устранимы: яхтсмен, потерявший равновесие и оказавшийся в воде, мгновенно снова взбирается на свою небольшую доску и продолжает гонку. Длина его яхты всего один метр, и на ней укреплен небольшой парус, которым спортсмен должен владеть в совершенстве. Это требует огромной физической подготовки и высокого технического мастерства. Провести два часа стоя на доске, управляя ветром лишь с помощью двух своих рук,— это большое искусство.

Впервые «Виндглайдеры» появились лет пятнадцать тому назад и использовались просто для катания на воде, а потом произошел «взрыв», как определяют яхтсмены интерес к плаванию на этих микроскопических суденышках, и вот теперь семейство яхт олимпийского класса пополнилось. «Виндглайдеры» примут участие в XXIII Олимпийских играх в Лос-Анджелесе, и поэтому внимание к ним на Балтийской регате было очень велико. И они не обманули ожидания любителей паруса и подарили им зрелище, насыщенное большим спортивным азартом.

Как и во всех других олимпийских гонках, победу в соревновании «Виндглайдеров» дает сумма очков, показанная в семи гонках, но в отличие от соревнований в других классах, которые проводятся экипажами на своих судах, виндглайдеры перед каждой гонкой бросают жребий и получают другую яхту. Это, конечно, требует умения быстро приспосабливаться к новым условиям, и это качество прекрасно проявил молодой спортсмен «Водника» Сергей Самокиш. Победа его, казалось бы, обеспечена, но штрафные очки, начисленные ему после шестой гонки, а затем и фальстарт, допущенный яхтсменом в последней гонке, отбросили его назад. Это был самый драматический из эпизодов Балтийской регаты.

Победители в классе «Торнадо» эстонские яхтсмены Айн Померантс и Март Вилгатс.

«Виндглайдеры». Вот так проходят два часа борьбы.

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

